

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

4

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ

СВЕТА

1986

ИСКАТЕЛЬ **4**

ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ

1986

В ВЫПУСКЕ:

Владимир ЩЕРБАКОВ

2

ДАЛЕКАЯ АТЛАНТИДА

Фантастическая повесть

**Юрий КИРИЛЛОВ,
Виктор АДАМЕНКО**

42

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Фантастический рассказ

Галина ТАТАРИКОВА

49

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

Рассказ

Чарлз ВИЛЬЯМС

61

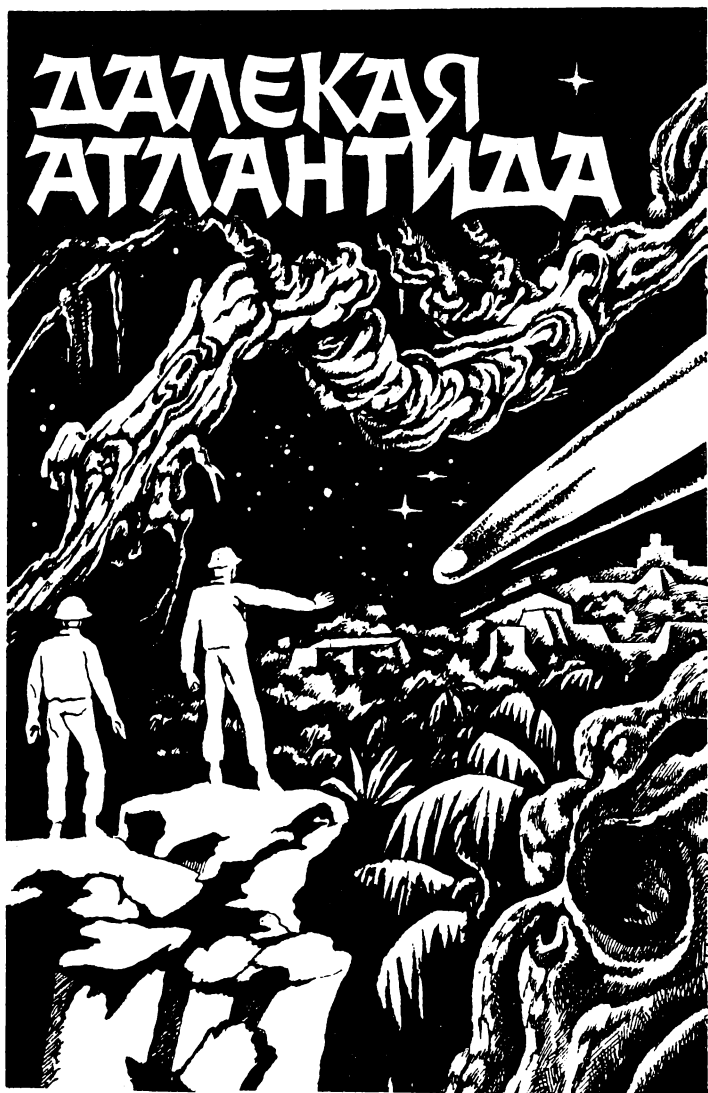
СЛАБЫЕ ЖЕНСКИЕ РУКИ

Роман

ОСНОВАН В 1961 ГОДУ

Выходит 6 раз в год. Распространяется только в розницу

Владимир ЩЕРБАКОВ

Фантастическая повесть

Художник Наталья МАРКОВА

«Далекая Атлантида» — романтическое произведение о неведомой земле, которая, по словам Платона, располагалась некогда в Атлантике. Но у писателя на этот счет собственная концепция: ему удалось создать стройную гипотезу катаклизма, относящегося к десятому тысячелетию до н. э., в результате которого якобы и погибла Атлантида Платона. Писатель-ученый разыскал во время своих творческих командировок на Дальнем Востоке нечто такое, что, может быть, имеет прямое отношение к решению проблемы. Упавший на Землю гигантский метеорит или даже астероид непременно должен был разбудить земные недра. Вулканический пепел мог осесть после небывалых извержений далеко от главного места действия. И что же? Автор нашел в долине реки Берелех именно вулканический пепел. Это мощные слои глинистого лесса, в которых и погребены мамонты. Радиоуглерод дает дату — 11 800 лет тому назад. К тому же оказалось, что и отложения ила на дне ирландских озер, то есть на другом конце земного шара, — того же возраста...

Это лишь один из примеров, который показывает, с какими поисками и умозаключениями связан жанр фантастики.

Герои повести «Далекая Атлантида» — люди ищущие, как и сам автор.

Летчик-космонавт СССР, профессор К. ФЕОКТИСТОВ

РУТА

Над бамбуковой рощей проросли три звезды, когда мы вышли из темной воды, легли на деревянные лежаки, еще теплые, не остывшие после дневного зноя.

— Поймай мне богомола и расскажи об Атлантиде, — сказала Рута Беридзе.

— Ты видела когда-нибудь богомола? — спросил я, не оборачиваясь к ней, потому что мысленно перенесся к одной из трех звезд, и мне не хотелось сразу возвращаться.

— Нет. Ни разу не видела богомола. Только на картинке. Знаю, что это большой зеленый кузнечик.

— Это не кузнечик.

— Знаю, знаю. Но похож!.. В Тбилиси их нет.

— Здесь, на Пицунде, их тоже немного. — Я помолчал и спросил: — Хочешь, расскажу об Атлантиде? Боюсь только, что ты долго не уснешь потом.

— Это страшно?

— Да. Все атланты погибли во время катастрофы. Было это в незапамятные времена.

— Почему погибли?

Печатается с сокращениями.

— Почему случилась катастрофа?.. Думаю, упал тогда в океан гигантский метеорит, поднял водяной вал с километр или даже больше. Наверное, он пробил земную кору, выплеснулась магма, смешалась с водой, все там вскипело, и град раскаленных камней засыпал волшебный остров. Был взрыв космической силы. Тучи пыли и пара скрыли Солнце, Луну и звезды на много лет. И потому все в мифах начинается с хаоса. Сначала тьма, тьма, ни моря, ни суши, ни света, потом появляется Солнце.

— Я об этом так мало знаю!

— Но ведь твоя будущая специальность — кибернетика.

— А какая у тебя специальность?

— Атлантолог.

— Как ты ее приобрел?

— Читал Платона. Думал. Читал все, что написано об Атлантиде. Снова думал и читал, но уже по-другому: не соглашаясь с написанным.

— Хорошая специальность, интересная.

— Да. А богомола, Рута, я поймаю завтра, идет?

— Идет, атлантолог... Спокойной ночи!

* * *

В эту ночь мне снился город, древний и полуразрушенный... Вокруг ни души. Город атлантов? Не знаю.

Я всматривался в груды камней, обломки плит, выступавшие из-под земли, в мрачные трещины, разорвавшие улицы пополам. Когда-то здесь всколыхнулась твердь, и город умер. Землетрясение прокатилось, сметая дома, рассыпая их, как игрушки. Сколько с тех пор прошло времени? Во сне я будто бы пытался ответить на этот вопрос. Подспудная мысль становилась яснее и яснее: может быть, время текло здесь иначе, чем всюду. Как такое могло быть? Могло. Если только я видел следы той самой страшной катастрофы, о которой сложили мифы и легенды во многих местах, удаленных от этого города на тысячи километров.

Атлантиде не помогли божества, высеченные из черного базальта. Столица ее вместе с островом погрузилась в морскую пучину. Но по обе стороны океана располагались провинции и колонии атлантов. Что с ними случилось, с этими городами, которые были удалены от эпицентра небывалой катастрофы? И может быть, я видел как раз один из них?

Пустынно на улицах, лишь тень пролетной птицы скользит неслышно по краю провала. Может быть, здесь шумели некогда орды завоевателей, набегавшие, как волны прибоя? Кровь обогрела стены и пороги жилищ, капли ее застыли на солнце, ветер превратил их в пыль. Затем в долгие годы благоденствия женщины с браслетами на запястьях и шиколотках, увешанные драгоценными камнями на подвесках, были главным украшением города, и живые волшебные лики их после смерти остались на фресках среди домашней утвари, статуй богов, больших и малых, каждый лик хранил улыбку, страсть или невысказанную мысль — на веки вечные. Камни впитывали в себя жизнь лю-

дей с их силой и слабостью, удивительными находками ума, заблуждениями и фантазиями. Город мертв, но когда-то он жил своей особой неповторимой жизнью.

Что я вижу вокруг? Вот ящерица скользнула по обломку облицовочной плитки. На грани, присыпанной красноватой землей, остались отпечатки сухоньких лапок. Бусины ее глаз отразили свет на одно мгновение — и пропали. Я не слышу звука шагов — так бывает лишь во сне. Но я внимателен: передо мной неведомое. Ни за что не угадаешь, в какое время я попал, какие боги витали над крышами храмов, на каких наречиях здесь говорили.

Если вдуматься в значение увиденного, то множество догадок будут теснить друг друга, но это случится позже. А сейчас я как бы пробираюсь сквозь них ощупью, как в лесу. Свет солнца едва пробивается сквозь сеть лиан. И никого вокруг, кто смог бы ответить на мои вопросы.

За площадью, за разрушенными улицами я угадываю присутствие людей. Они далеко от меня. Может быть, это совсем другие люди, не те, что строили город и жили в нем. Но крепнет убеждение: я потому и увидел этот город, что кто-то здесь есть, кроме меня. И я, возможно, нужен им. Что ж, последуем дальше, на площадь, где теперь грациозно высятся капустные пальмы и папайи. Рядом со мной скользит тень. Очертания тени размыты. Я поднимаю руку, и тень повторяет мой жест. Выхожу на широкую лестницу, укрытую ползучими растениями. Справа и слева — квадратные в сечении колонны из черного камня, передо мной — площадь. Гигантская черная колонна в центре площади служит постаментом — наверху статуя человека, одна рука его покоится на бедре, другая указывает на север. Обелиски из такого же камня установлены по углам площади. На всем — следы забвения, запустения. Упавшие стволы гниют у самого постаamenta. Можно угадать линии улиц. Камни, из которых были выложены плоские циклопические кровли, обрушились, стены разрушены.

Напротив дворца — руины храма. Каменные стены покрыты резьбой, полустершейся от вихрей, несущих песок. Но когда-то с каменных стен смотрели на людей боги, а над их головами вешали священные птицы. Сверху, с портала, я пытаюсь разобрать надпись. Буквы напоминают греческие, но я не узнаю ни одной из них.

Я вхожу внутрь, вижу статуи, каменную резьбу, глубокие ниши, в которых гнездятся летучие мыши. Отсюда хорошо виден барельеф юноши над главным входом дворца. У юноши безбородое лицо, обнаженный торс, лента через плечо, в руке — щит.

С площади — по древней улице. Потом — направо. Город — за моей спиной. Оглядываюсь — тени и камни, камни и тени. Внизу — следы, они ведут к пропасти. Под кручей бежит поток, красные и черные глыбы выступают из голубовато-серой воды. Каменный коридор расходится в обе стороны, стены его, снижаясь, сходят на нет. Камень выскальзывает из-под ноги, и я падаю. Руки цепляются за стебли, загребают щебень. Тщетно. Я не могу удержаться на краю обрыва. Остается одно: оттолкнуться изо всех сил от кручи и упасть в воду. В считанные

мгновения пытаюсь сообразить, как перевернуться в воздухе, чтобы войти в воду ногами. Руки сами собой скребут шершавый край последней каменной плиты, по которой тело мое неминуемо съезжает вниз...

Только проснувшись и вспомнив сон, я осознал опасность. У меня и сейчас кружилась голова от высоты: двести метров, не меньше!

Что-то останавливало меня там... мешало приблизиться к краю обрыва. Что это было? Предчувствие, едва слышный сигнал, который, как ультразвук, остается за порогом восприятия?.. Словно кто-то невидимый предупреждал меня об опасности.

ПУТЕШЕСТВИЕ МАНУ

Ранним утром — купание в море. Чаша синей, успокоившейся за ночь воды. Вдали от берега светилась широкая струя течения, уходившего на юго-восток, к турецкому берегу; вблизи вода была жемчужно-мерцающей, ленивой, сонной.

И все утро потом — стыдно признаться в этом — я бродил поодаль от Дома творчества в зарослях ежевики, где надеялся поймать богомола. Ежевика уже созрела, я дотягивался до черных мягких ягод, и моя голубенькая рубашка стала пестрой от их сока и зелени. Я вернулся в корпус, переоделся, позавтракал. Снова пляж... Рута царственно сидела в тени, ее окружали трое молодых людей. Была она в оранжевой юбке, расшитой бисером, алых туфлях, каблук которых расписаны золотыми треугольниками, легкой жакетке.

Я расположился неподалеку. Она подошла.

— Вы уже полчаса как пришли и до сих пор не соблаговолили поздороваться со мной!

Так и сказала: «Вы... не соблаговолили...»

— Но что я могу предложить вам, — ответил я в тон ей, — кроме очередного купания? К тому же я не поймал богомола, несмотря на обещание.

— Вздор. Мы будем говорить об Атлантиде.

— Хорошо.

— Продолжайте с того места, на котором вчера мы остановились. — Она присела на лежак, и мы снова перешли с ней на «ты».

— Я расскажу тебе о том, как рыба предупредила Ману о потопе.

— Расскажи. Если это связано с Атлантидой. И если это не сказка.

— Конечно, связано. Потоп случился тогда же. Вслед за Атлантидой погибли многие цветущие города морских побережий. И само собой разумеется, это не сказка.

— Милостиво разрешаю рассказывать...

— Когда-то давным-давно жил мудрец по имени Ману. Много позже его провозгласили богом, как многих мудрецов. Но при жизни нередко было ему несладко от людских козней, и он всерьез подумывал, что пришла пора построить корабль и отплыть к другим берегам.

— Учти, если это окажется сказкой, тебе не поздоровится.

Будешь тащить мой чемодан в день моего отъезда до самого вокзала.

— ... и тебя в придачу. Неужели ты думаешь, что подобная кара остановила бы меня, вздумай я рассказать сказку?

— Продолжай.

— Отдыхая после дневных трудов, Ману увидел рыбешку, выброшенную волной на берег. Он поместил ее в кувшин с водой и выхаживал семь месяцев и семь дней, кормил ее крохами со своего стола, не забывал менять воду. Отправляясь к своему стаду, поручал заботы о рыбе верному другу Сауаврате. Наконец пришло время расстаться с рыбой, ведь она выросла, и кувшин стал ей тесен. Принес ее Ману на берег реки Ганг, королевы всех рек, положил кувшин в воду. Выплыла из него рыба и говорит человеческим голосом: «О Ману, самый добрый из мудрецов! Знай, что наступают дни страшного конца всего живого. Будет потоп, и погибнут три мира, погибнут люди и звери, растения и птицы. Построй корабль, Ману, тот самый, о котором ты мечтал. Взойди на корабль и возьми с собой все, что хочешь спасти. Увидишь ты в море на седьмой день плавания мою старшую сестру, великан-рыбу, и она подскажет тебе, куда плыть дальше. На седьмой месяц плавания увидишь мою мать родную, самую большую и мудрую из рыб. Она поможет тебе!» С этими словами всплеснула рыба хвостом и была такова. А Ману задумался...

Задумалась и Рута, словно решая, сказка это или нет. Но вот она едва заметно кивнула, и я продолжал:

— Утром рано, с восходом, вышел Ману к лагуне, заложил корабль и каждый день приносил по кедру; звенел бронзовый топор в руках мудреца, ибо знай, Рута, что топоры тогда делались из бронзы, лишь руки у мастеров были золотыми, что же касается железа, то провидцы еще в незапамятное время наложили запрет на него, чтобы оно не смогло привести к гибели лесов, пастбищ и зверя лесного и морского... Вскоре корабль был готов. Киль его соорудил Ману из самого крепкого дерева, мачту поставил такую, что она не ломалась при самом сильном ветре, лишь гнулась и поскрипывала. Все сделал Ману своими руками, все до последнего шпангоута! И отплыл, взяв на борт друзей своих, семена злаков, детенышей зверей. Плыл-плыл, увидел на седьмой день голову огромной рыбы, и что-то она говорила ему, но таким низким голосом и так медленно, что стоял он на якоре еще семь дней и семь ночей, пока не выслушал ее. Указала ему рыба дорогу. И снова пустился корабль в путь со свежим попутным ветром. Семь месяцев незаметно прошло. У Ману отросла такая борода, что, когда он сбрил ее топором, волос хватило, чтобы подновить такелаж и хорошенько привязать бочки со едой и питьем на случай будущих невзгод. Вдруг из моря показался живой холм, увенчанный рогом. То была мать-рыба. И понял в тот час мудрый Ману, что надо делать. Привязал он канат к рогу рыбы, и повела рыба судно к самой высокой горе — северной вершине Гималаев. Высадился Ману с друзьями. Потом семь дней ярилась стихия. Начался потоп, исчезла суша под волнами, дожди были такие, что все реки Земли слились. Всемирный потоп. Лишь гора Ману высилась среди вод.

— Сказка! — негромко воскликнула Рута после минутного молчания.

— Ты думаешь, рыбы с рогом не было? Была! Даже сейчас есть такие рыбы.

— Что же это за рыбы, позволь тебя спросить?

— Это глубоководные рыбы. Есть у них на носу и наросты, похожие на рога, и даже белые фонари, которые им освещают путь в глубине, где вечный мрак.

— Об этом я слышала. Но почему вдруг глубоководная рыба всплыла?

— Потому что многие животные и рыбы чувствуют приближение землетрясений. И тогда обитатели глубин всплывают и даже приближаются к самому берегу. Это я твердо знаю, даже встречался на конференции с японским ученым, который публикует по этой теме статьи.

— Значит, правда?

— Миф, конечно. Люди после катастрофы утратили многие знания, они не только разучились строить корабли и рисовать на стенах пещер, они были на краю гибели. До них дошли отголоски той допотопной истории, и они облекли их в форму мифа. Это и хорошо, в такой образной форме миф дошел до наших дней. Ведь сказки почти бессмертны в отличие от научных теорий, например, которые быстро стареют. Может быть, я преувеличиваю, но факт остается фактом: древние люди знали о способности животных чувствовать приближение катаклизмов и землетрясений.

— Скажи-ка, — в раздумье произнесла вдруг Рута, — а если на Землю упал астероид или метеорит, то, выходит, рыба смогла угадать время его падения?

— Сложный вопрос, — замялся я. — Были грандиозные землетрясение и моретрясение. Я говорил вчера о метеорите. Наверное, именно он виновник всему. Но как рыба могла почувствовать его падение, ума не приложу.

* * *

Легенду о Ману с моими комментариями я когда-то изложил в письме к Хацзу Хироаки, японскому журналисту, с которым познакомился в Москве. Это он рассказал мне о глубоководных рыбах, подплывающих к самому берегу перед землетрясением. Получив мое письмо, он удивился тому бесспорному, с моей точки зрения, факту, что все это имеет отношение к Атлантиде.

Позже он написал мне, что почти так же ведут себя каракатицы, всплывая на поверхность моря за три-четыре дня до стихийного бедствия. Они словно заглядывают в будущее. Любопытная деталь: эти обитательницы глубин становятся вялыми, сонными, очень неохотно выпускают «чернила» — темную жидкость, которая маскирует их. Словом, они впадают в транс, и тайна этого транса почти сопоставима с тайной мифической земли Платона.

ПОЛЕТЫ НАД РУИНАМИ

Что же это за город? Я снова брел по его полуразрушенным улицам, разыскивал следы, оставленные неизвестными мне людьми. И нашел их. Они привели к реке, но в другое место, не туда, где обрыв и пропасть. Находилось это место, вероятно, выше по течению, за излучиной.

Открылся широкий плес, пологая равнина. Только у окоема я различал скалы и возвышения. Кусты и деревья... Вдали у рощи — храм. Пологие ступени вели к колоннаде. Я приблизился к зданию. Оно довольно хорошо сохранилось. На камнях — едва приметные красноватые следы (земля здесь всюду красная, жирная, липкая). Похоже на то, как если бы неизвестные люди прошли здесь незадолго до меня. Следы вели в храм. Я вошел, крикнул. Ответило гулкое эхо, которое долго не затихало. Впечатление было такое, будто я разбудил этот огромный зал и он теперь рад поговорить со мной. Только вот о чем именно собирался он рассказать? И тут я заметил двустворчатую деревянную дверь. Она была похожа на современную, хотя я не сразу это понял. Пока шагал, эхо сопровождало меня, обгоняло и отставало, словно играя. Толкнул дверь, она подалась. Подо мной были ступени, темные камни растрескались, ярко-зеленые пучки травы вылезли из трещин, а ниже я увидел целый парк. Похож он был на английский, шпалеры кустов выстроились так, что с высоты лужайки казались бархатными квадратами и прямоугольниками. И там, в парке, я наконец увидел трех человек. Одежды они были странно: короткие брюки, легкие белые ботинки — и все. В следующее мгновение я заметил еще широкие светлые ремни. И тут же увидел четвертого человека. Он летел над землей на высоте примерно двухсот метров. Нет, у него не было крыльев — он раскинул руки и парил над парком, а трое следили за ним. Человек коснулся рукой пояса и стал медленно, кругами снижаться. Описывал он скручивающуюся спираль, и я насчитал восемь витков. Резкое торможение — и человек сложил руки. Полусогнутые ноги коснулись земли...

* * *

— Ты не находил моей булавки? — спросила Рута за завтраком, улучив минуту, когда наши соседи по столу пошли на кухню за добавочной порцией отварного картофеля.

Я сделал вид, что не расслышал вопроса. В самом деле, что ей ответить? Я отлично знал, о какой булавке шла речь. Это была та самая булавка, которая нередко красовалась на подоле ее юбки. Булавка величиной с мою авторучку. Я думал сначала, что она серебряная, но, когда нашел ее на пляже, в песке, увидел — обыкновенная, стальная. Была у нее любопытная особенность: по металлической проволоке скользил шарик, но не снимался — мешало утолщение. Я и так и сяк рассматривал это утолщение, ограничивающее свободу передвижения шарика, но не мог понять, как оно сделано. Проволока в этом месте раздваивалась, и один ее конец был навит на другой, но так, что витки мертво соединились друг с другом.

Позже я понял, что это изображение змеи, вероятней всего, кобры. Когда-то она считалась священной. Золотая кобра украшала головной убор Нефертити. Кобра на булавке была продолжением дерева и обвивала это дерево.

— Булавка... — откликнулся я, когда Рута повторила вопрос. — Булавка... Я где-то видел ее, кажется, на твоей юбке.

Она замолчала, искоса рассматривая меня. Я не умел лгать, но сейчас вынужден был это сделать. Булавку отдавать сейчас не хотелось. Когда-то я видел образцы таллии, древнего магического металла атлантов. Так вот, шарик на булавке был таллиевый. Я собирался вернуть булавку потом, а сначала — тайно, конечно, — хотел установить, не сохранилась ли древняя традиция работать с таллием в мастерских грузинских умельцев.

* * *

Мы вышли на улицу и направились к базару. Долго ходили вдоль длинных рядов со снедью, и мне все время казалось, что Руту это великолепие не очень интересует.

— Тебе не нравится этот арбуз, красавица?! — воскликнул молодой грузин в черной рубашке с белым галстуком и что-то добавил на своем языке.

— Нравится — ответила Рута по-русски и прошла мимо, сопровождаемая горячими взглядами базарных завсегдатаев. Я обратил внимание, что Рута ни разу не ответила по-грузински, ни разу не остановилась рядом с зазывалами, не проявила интереса к моим переговорам относительно цен. И мы довольно быстро ушли с базара, направившись к курортной зоне, где за широкими воротами разместились огромные корпуса, каждый из которых был назван именем собственным. Вскоре мы оказались возле корпуса «Золотое руно». Я думал, это просто прихоть Руты — побродить по парку, — но это было, судя по всему, не так. Она попросила подождать ее у киоска, где готовился кофе по-турецки. Я заказал кофе, но когда Рута отошла на несколько шагов, последовал за ней. Она остановила меня. В следующую минуту, едва Рута скрылась за углом, я перебежал к другому киоску и увидел, как она вошла в застекленное помещение первого этажа. Я наблюдал. Вот она остановилась у зеркала, постояла и быстро направилась по лестнице вверх.

Только через полчаса я увидел ее сбегавшей по той же лестнице и отпрянул в сторону, чтобы она ненароком не заметила, что я подглядываю за ней.

— Твой кофе остыл, — сказал я, когда она подошла к столу. И тут же заметил на ее юбке большую булавку, в точности такую же, как та, о которой мы недавно беседовали.

Мы вернулись в Дом творчества на автобусе, едва успев к обеду.

После обеда я не пошел на пляж, а отправился в номер, нашел булавку. Острие ее торчало, как антенна. Я приколол булавку к наволочке и отправился на пляж.

Мы сели в верткую плоскодонку, уплыли за мыс, где рыбаки

растягивали на шестах сети. На море разгулялась волна, и мы повернули назад. Волны вздымались все выше, и я долго не мог пристать. Наконец мне это удалось, я поднял Руту на руки и вынес на сухой песок. При этом успел заметить, что булавка ее едва держалась на бордовой юбочке, потому что была расстегнута. Рута отколола булавку, спрятала ее в сумочку и быстро ушла к себе.

ВЕЛИКИЙ МОРСКОЙ ЗМЕЙ

От кудлатого облака бежала вечерняя тень. Скрылись куда-то оранжевые бабочки, притихли стрекозы. У края поляны еще изумрудно сияла трава под солнцем, и волны крон оживали под порывом ветра. Тень быстро побежала туда и погасила свет. Вечер стал другим. Проснулась какая-то давняя тревога. Я обогнул озеро, вышел к ресторанчику «Инкит». Название это я переводил как «Чрево кита». Один из отдыхающих приходил сюда по вечерам и кричал официанту: «Три кварка для мистера Марка!»

Я увидел, как дорогу на виду у завсегдатаев «Чрева кита» пересек человек. Ни один из них и бровью не повел, а я встрепнулся вдруг, словно коснулся тайны. Человек шел неторопливо, на нем были светлые ботинки, белые брюки, его каштановые волосы сливались по тону с рубашкой. Я невольно перешел дорогу вслед за ним и понял, почему это сделал: белый кожаный пояс его брюк напомнил мне о полетах во сне.

Я перешел на другую сторону шоссе, обогнал этого человека и наконец рассмотрел его лицо. Да, мы встречались раньше. У реки...

Через несколько минут мы дошли до курортной зоны, и этот человек исчез за воротами, кивнув вахтеру, как знакомому.

Меня же вахтер задержал, потому что визитки отдыхающего в «Золотом руне» или «Дельфине» у меня не оказалось.

* * *

Мне легче описать внешность человека, если ссылаться на археологические примеры. Человек в белых брюках был похож на восточного кроманьонца: выше среднего роста, глаза выпуклые, нос прямой, лоб высокий, но, в общем, его нетрудно спутать в толпе с другими, ведь большинство из нас — прямые потомки восточных кроманьонцев.

Я вернулся к озеру. Сомнений не оставалось: он из тех, кто в моем сне парил близ руин города. Значит, это был не сон?..

Налетел порыв ветра, вспорхнули растрепанные птицы, по озеру прошли волны ряби. Наступали сумерки.

* * *

Утром следующего дня я проспал завтрак. Руты не было на пляже, и я пошел ее искать. Я спросил о Руте у дежурной по корпусу.

— Высокая такая, красивая, волосы как темная волна...

— Твоя высокая пошла вон в ту сторону... — сказала она. — И не одна, а с молодым человеком.

— С шатеном... в белых брюках?

— С ним.

У следующей остановки автобуса я их увидел. Да, это был тот самый человек. Они попрощались, и Рута быстрым шагом направилась к Дому творчества, а я стоял на месте и не знал, что мне делать. Она увидела меня и как ни в чем не бывало подошла, взяла под руку.

— Расскажи об Атлантиде!

Ресницы Руты дрогнули, глаза погасли и вспыхнули снова темным огнем. Ее обычная просьба сегодня застала меня врасплох.

— Расскажу, что на ум придет, ладно?

— Ладно, — ответила она.

Я стал рассказывать о Платоне, его предках, его ученике Аристотеле, который осмелел своего учителя, а заодно и Атлантиду.

— Атлантида была островом, который получил в удел Посейдон. Этот бог населил страну своими детьми, зачатыми от смертной женщины. Само слово «бог» не должно служить поводом для немедленного опровержения Платона: ведь наука уже давно доказала, что легенды древних зачастую основаны на подлинных событиях.

— И это правда? — спросила Рута. — Ты веришь?

— Платон выделяет Посейдона среди обитателей острова. А в том, что остров Атлантида был населен, сомневаться не приходится. Об этом говорят концентрические рвы и валы, сходные, в общем, с теми, которые позже, уже в историческое время, сооружались вокруг городов. По Платону, Посейдон был переселенцем. Как он попал на этот остров, можно лишь гадать. Однако заметь, он остался в памяти островитян богом.

— Кем же был Посейдон? — спросила Рута.

— Кроманьонцем.

— Кое-что я о них знаю...

— Это были рослые люди. В пещерах Испании и Франции, даже на Урале в Кунгурской пещере остались их росписи. Люди эти были прирожденными художниками. Два дерущихся бизона, изображенные в пещере Дордонь, — это шедевр даже по современным понятиям... Бизон из Альтамыры, голова быка из Ласко, пещерный медведь из Дордони. Могу назвать многие изображения, сохранившиеся до наших дней. Как будто они нарочно рисовали простыми, прочными, не стареющими красками, замешенными на костном жире... Чтобы рисунки сохранились до наших дней... Восточные кроманьонцы строили дома из костей мамонта, из дерева, из дерна. У нас под Владимиром найдена стоянка Сунгирь, где двадцать тысяч лет назад жили такие вот охотники на мамонтов. Откуда они взялись на планете, никто не знает до сих пор... А в Италии найден грот, где похоронен кроманьонец ростом метр девяносто шесть. Я назвал это захоронение могилой Посейдона. Так вот, могилы таких богов-кроманьонцев все чаще находят рядом с останками обычных людей. Хочешь знать, что это означает, по-моему?

— Конечно. Очень хочу, — сказала Рута.

— Это означает, что кроманьонцы селились среди людей, передавая им знания. Они становились вождями и учили людей противостоять трудностям, не зависеть от природы. Тогда был еще ледник, растаял он лишь после катастрофы, когда Атлантида погрузилась на дно морское и перестала загоразживать путь теплому Гольфстриму на север, к Европе.

— Но зачем они бродили по планете? Зачем селились вдали от родины?

— Может быть, то были родственники атлантов, потерпевших кораблекрушение у берегов Европы.

— Что же потом?

— Потом начали таять ледники в Европе, море поднялось. Это был второй, как бы замедленный потоп. Спаслись жители небольших городов внутри страны, в горных долинах.

— Они, эти боги первой зари человечества, уже знали простой парадокс: над природой нельзя властвовать, если не подчиниться ей...

Это сказала она... Мне осталось одно: скрыть изумление, что я и сделал, может быть, несколько неуклюже — замолчал вдруг и стал разглядывать с преувеличенным вниманием камни на дне ручья.

— Ты любишь море... — снова сказала она.

— Да. — И я стал рассказывать ей обо всем, что знал: о летучих рыбках величиной всего лишь с бабочку, о птероподах, моллюсках с крылышками, порхающих в воде, как мотыльки, о рыбах-свистульках и рыбах — аккумуляторах электричества.

Увлёкся и вспомнил Великого морского змея.

— В этом году его видели в Атлантике, — сказала она, и я подумал, что ослышался. — Голова у него метровая, глаза как автомобильные фары, хвост и плавники как паруса. Описал его один уругвайский журналист. Змей подплывал к самому берегу. Что бы это могло означать, атлантолог?

При этих словах меня словно бы ударило током. Я спросил:

— Землетрясение?..

— Да, — ответила она. — Точнее, моретрясение. И случилось оно на пятый день после того, как змея увидели у берега. Он почувствовал... и всплыл. Ведь я твоими словами объясняю это, правда? — Она испытующе смотрела на меня, а я все не мог справиться с замешательством. Вспомнил, что газеты действительно сообщали о морском змее у берегов Уругвая, но не я, а Рута объяснила его появление!

* * *

Роняя книгу на пол и закрывая глаза поздней ночью, я думал о городе. И о Руте. Я связывал теперь ее с этим таинственным городом, видел ее лицо на фоне старых каменных плит. Руины оживали, и я мысленно брел по развалинам, гадая, когда же произошло здесь землетрясение.

Что касается людей, которые летали, то их появление я отнес сначала к области галлюцинаций. Однако вскоре убедился, что ошибся.

* * *

Сегодня в ответ на неожиданный, как мне казалось, вопрос: «Что все происходящее означает?» — Рута обворожительно улыбнулась. Вечером, едва над морем зажглись две красные звезды, она сказала, что уезжает. Куда? Домой. Она не хотела говорить этого заранее. Провожать?.. Нет, не надо. За ней придет машина...

За рулем кремовой «Волги» сидел тот самый человек, которого я видел с ней. Только теперь на нем был костюм серого цвета и острижен он был коротко и оттого, наверное, казался моложе.

— Прощайте! — Она царственно протянула мне руку, и я, следуя старинному этикету, коснулся губами ее длинных пальцев.

Машина рванула с места. Она даже не оглянулась.

* * *

Утро. Яркое солнце. Я несколько минут лежу с открытыми глазами, потом встаю. Теперь все эти три недели кажутся сном.

Убираю постель, обнаруживаю пропажу. Нет булавки! Обыскиваю комнату. Тщетно. Дожидаюсь уборщицы, начинаю объясняться.

— Да зачем мне ваша булавка! — восклицает она и в сердцах хлопает дверью.

ЧЕРНАЯ СТАТУЭТКА

Незаметно пролетела зима.

Два направления поисков всецело захватили внимание. Я знал наизусть все перекрестки и улицы опустевшего города, бродил там, кажется, не только во сне, по ночам засыпал над картой.

В один из дней грезы о далеком городе, оставленном потомками атлантов, обернулись неожиданным приключением. В семь вечера я оказался в зоологическом музее университета, протиснулся в зал. Здесь должна была состояться лекция по моей теме. Докладчик довольно молод, самоуверен. Сначала он напомнил о недавно обнаруженных британским археологом Мальмстромом двенадцати гватемальских изваяниях. К каждому изваянию археолог подносил компас, и стрелка его отклонялась. Каменные фигуры, изображавшие людей, оказались магнитными. Они старше китайского компаса на две тысячи лет. Какая роль предназначалась им тысячелетия назад? Неизвестно. Кто их создал?

Леонид Петрович Карагзюв — так звали докладчика — не без иронии привел слова Мальмстрема:

— «Для ольмеков или их предков непознанные законы магнетизма могли быть магической силой, такой же непонятной, как загадочные миграции морских черепах в океане», — А затем

добавил: — Так, найденный через четыре тысячи лет после нас обычный чайник может привести наших потомков к выводу: люди двадцатого века считали пар магической силой...

Едва успели оценить критический ум докладчика, едва утихли ссешки, как вдруг я заметил впереди, во втором ряду, человека из моего сна. Он улыбнулся, хотя глаза его остались серьезными и внимательными. Я наблюдал за ним исподволь, соблюдая на всякий случай осторожность. Это был человек, которого я видел с Руттой... Он внимательно слушал Караганова, иногда что-то записывал в блокнот. Теперь на нем была кожаная куртка.

А докладчик говорил о том, что еще в начале века находили фигурки людей, подобные гватемальским. Но тогда не знали, что они магнитные. Караганов достал фигурку женщины из темного камня. У меня почти не было сомнений: такой же темный камень я где-то уже видел...

Человек, за которым я наблюдал, извлек из своего бокового кармана точно такую же статуэтку. Он держал ее у колен, переводя взгляд со своей вещицы на ту, что демонстрировал Караганов, словно убеждаясь в тождестве или, может быть, отыскивая едва уловимые различия.

Я не спускал с него глаз. Вот человек спрятал статуэтку. Незаметно кивнул, словно одобрил слова Караганова, вспомнившего о старом эксперименте с подобной же статуэткой, найденной в Южной Америке. Статуэтка обладала престранным свойством: каждый, кто брал ее в руку, словно бы ощущал слабое покалывание электрического тока.

— Может быть, это магнитная запись? — сказал Караганов. — Может быть, фигурки намагничены намеренно и слабый электрический ток, покалывающий руку, — сигнал?

И опять человек, за которым я наблюдал, едва заметно кивнул.

— Какое это имеет отношение к Атлантиде? — спросил Караганов. И тут же ответил: — Способ записи вполне мог быть там известен. Послушаем человека, который доверился древнему разуму и записал свои впечатления. Его имя Хокинс. Именно он оказался способен почувствовать, что сигналы несут информацию. Информация эта необыкновенна: не слова возникали в сознании Хокинса, а образы. Атланты владели секретом непосредственной передачи образов. Может быть, записывать образы на камне или на магнитной руде гораздо проще, чем записывать слова? Мы этой тайной еще не овладели.

И Караганов зачитал протокол опыта, написанный Хокинсом: — «Я вижу большой, неправильной формы континент, простирающийся от северного берега Африки до Южной Америки. На нем многочисленные горы, вулканы. Растительность обильная — субтропического или тропического характера... На африканской стороне континента население редкое. Люди хорошо сложены, необычного, трудно определимого типа... Вереницы людей, похожие на священнослужителей, входят и выходят из храмов; на их первосвященнике, или вожде, надета нагрудная пластина, такая же, как и на фигурке, которую я держу в руке. Внутри храмов темно, над алтарем видно изображение большого гла-

за... Слышу голос: «Узри судьбу, которая постигает самонадеянных! Они считают, что творец подвержен их влиянию и находится в их власти, но день возмездия настал. Ждать недолго, гляди!..» Вижу вулканы, пылающую лаву, стекающую по склонам... Море вздымается, огромные части суши исчезают под водой...»

«ЧИТАЙТЕ ФОСЕТТА...»

Я боялся, что после лекции он скроется в толпе и ускользнет. Но мне удалось догнать его.

— Подождите! — крикнул я.

Он оглянулся, но не остановился. Я взял его за рукав кожаной куртки, сказал первое, что пришло в голову:

— Мы с вами где-то встречались...

— Быть может.

— Я видел вас на Пицунде.

— Вероятно. — Он был невозмутим: мимо нас шли люди, и мы отступили в угол просторного холла.

— У меня к вам вопрос...

— Ну что ж... — Он кивнул, как там, на лекции — изящно, легко.

— Где нашли статуэтку?

— Читайте отчеты Фосетта, — ответил он, ни на секунду не задумавшись.

— Но у Фосетта нет ответа на этот вопрос!

— Попробуйте прочесть документы, на которые он ссылался. Извините, но по некоторым причинам я не могу прямо ответить на ваш вопрос...

* * *

В ту же ночь я прочел все отчеты и документы, упомянутые англичанином Перси Гаррисоном Фосеттом, который на свой страх и риск отправился в начале века в бразильские джунгли. Он грезил городами атлантов, которые могли остаться там, вдали от современной цивилизации. Он собирал по крупницам свидетельства конкистадоров и искателей золота инков. За безуспешные, в общем, поиски он заплатил жизнью. Следы его последней экспедиции утеряны. Быть может, навсегда.

Фернанду Рапозо был один из тех, кто оставил записи о своих путешествиях в те загадочные земли. Фосетт изучал эти записи. К утру я обнаружил нечто поразительное: в записях Рапозо есть место, где говорится о городе моих грез. О том самом городе! Я перечитывал страницу за страницей и не верил своим глазам.

Почти все я узнавал в описании, оставленном искателями приключений. Только тогда джунгли еще не успели скрыть город, и он был залит солнечным светом. Вот они, эти страницы...

«...Отряд шел по болотистой, покрытой густыми зарослями местности, вдруг впереди показалась поросшая травой равнина с узкими полосками леса, а за нею — вершины гор. Рапозо описывает их весьма поэтично: «Казалось, горы достигают неба и служат тронem ветру и даже самим звездам».

Это были необычные горы. Когда отряд стал подходить ближе, их склоны озарились ярким пламенем: шел дождь, и заходящее солнце отсвечивало в мокрых скалах, сложенных кристаллическими породами и дымчатым кварцем, обычным для этой части Бразилии. Склоны казались усеянными драгоценными камнями. Со скалы на скалу низвергались потоки, а над гребнем хребта повисла радуга, словно указывая, что сокровища следует искать у ее основания.

— Знамение! — вскричал Рапозо. — Мы нашли сокровищницу!

Пришла ночь, и люди были вынуждены сделать привал, прежде чем достигли подножия этих удивительных гор. На следующее утро, когда взошло солнце, они увидели перед собой черные грозные скалы.

Люди разбили лагерь и расположились отдыхать, как вдруг из зарослей донеслись бессвязные возгласы и треск. Люди вскочили на ноги и схватились за оружие. Из чащи вышли двое.

— Хозяин! — закричали они, обращаясь к Рапозо. — Мы нашли дорогу в горы!

Бродя в невысоких зарослях в поисках дров для костра, они увидели высохшее дерево, стоявшее на берегу небольшого ручья. Лучшего топлива нельзя было и желать, и оба португальца направились к дереву, как вдруг на другой берег ручья выскочил олень и тут же исчез за выступом скалы. Сорвав с плеч ружье, они бросились за ним.

Животное исчезло, но за скалой они обнаружили глубокую расщелину и увидели, что по ней можно взобраться на вершину горы.

Об отдыхе тотчас забыли. Лагерь свернули, люди с поклажей отправились вперед. Искатели приключений один за другим вошли в расщелину и убедились, что дальше она расширяется. Идти было трудно, хотя местами дно расщелины напоминало старую мостовую, а на ее гладких стенах виднелись полустершиеся следы обработки каким-то инструментом. Друзы кристаллов и выходы белопенного кварца наводили на мысль о сказочной стране. В тусклом свете, среди ползучих растений, все представлялось волшебным.

Через три часа мучительного подъема, ободренные, задыхающиеся, они вышли на край уступа, господствующего над окружающей равниной. Путь отсюда до гребня горы был свободен, и скоро они стали плечом к плечу на вершине, пораженные открывшейся перед ними картиной.

Внизу на расстоянии примерно четырех миль лежал огромный город.

Они отпрянули и бросились под укрытие скал, боясь, что жители города — а это могло быть поселение ненавистных испанцев — заметят их фигуры на фоне неба.

Рапозо ползком поднялся на гребень скалы и лежа осмотрел местность вокруг. Горная цепь простиралась с юго-востока на северо-запад; дальше к северу виднелся подернутый дымкой сплошной лесной массив. Прямо перед ним расстиралась обширная равнина, вся в зеленых и коричневых пятнах, местами на ней блестели озера. Каменистая тропа, по которой они прошли, продолжалась на другой стороне хребта и, спускаясь, уходила за

пределы видимости, потом появлялась снова, извиваясь, проходила по равнине и терялась в растительности, окружавшей городские стены. Никаких признаков жизни не было заметно.

Рапозо подал знак своим спутникам. Один за другим они переползли через гребень горы и укрылись за кустарником и утесами. Затем отряд осторожно спустился по склону в долину и, сойдя с тропы, стал лагерем около небольшого ручья с чистой водой...

На следующий день утром Рапозо выслал вперед авангард из четырех индейцев и последовал за ним с остальными людьми. Когда они приблизились к поросшим травой стенам, индейцы-разведчики встретили их тем же докладом: город покинут. Все направились по тропе к проходу под тремя арками, сложенными из каменных плит.

Над центральной аркой в растрескавшемся от непогоды камне были высечены какие-то знаки. Глубокой древностью веяло от всего увиденного.

Арки все еще были в хорошей сохранности, лишь две гигантские подпорки слегка сдвинулись со своих оснований. Пройдя под арками, люди вышли на широкую улицу, усыпанную обломками колонн и каменными глыбами, облепленными растениями-паразитами. С каждой стороны улицы стояли двухэтажные дома, построенные из крупных каменных блоков, подогнанных друг к другу с невероятной точностью; портики, суживающиеся вверх и широкие внизу, были украшены искусной резьбой, изображавшей демонов.

На площади возвышалась огромная колонна из черного камня, а на ней — отлично сохранившаяся статуя человека; одна его рука покоилась на бедре, другая, вытянутая вперед, указывала на север.

Величавость монумента поражала. Португальцы благоговейно замерли. Покрытые резьбой и частично разрушенные обелиски из того же черного камня украшали углы площади, а одну ее сторону занимало строение, воистину совершенное по форме и отделке.

Над главным входом высилось резное изображение юноши: безбородое лицо, голый торс, лента через плечо, в руке щит. Голова увенчана лавровым венком. Внизу была надпись из букв, походивших на древнегреческие.

Напротив дворца находились руины другого огромного здания. Уцелевшие каменные стены были покрыты стершейся от времени резьбой, изображающей людей, животных и птиц, а сверху портала — надпись теми же буквами.

Кроме площади и главной улицы, город был совершенно разрушен. В некоторых местах обломки зданий оказались прямотаки погребенными под целыми холмами земли, на которых, однако, не росло ни травинки. То тут, то там встречались зияющие расщелины, и, когда в них бросали камни, звука падения на дно не было слышно...»

Далее в описании говорилось о том, как путешественники переправились вброд через реку, пересекли болота и вышли к одиноко стоявшему примерно в четверти мили от реки дому. Он стоял на возвышении, и к нему вела каменная лестница с разноцветными ступенями. Фасад дома простирался в длину не менее чем на 250 шагов. Внушительный вход за прямоугольной камен-

ной плитой, на которой были вырезаны письма, вел в просторный зал, где сохранились резьба и украшения.

Это была школа жрецов. Я узнал ее по описанию! Близ этого здания я видел летающих людей!

* * *

Утром я шел по нашей улице с восьмизэтажными домами и не слышал шума автомашин. Кто-то толкнул меня, кого-то толкнул я... У телефона-автомата очередь. Только увидев эту очередь, я понял, что надо делать — позвонить Санину.

...Его не было дома. Я стоял возле телефонной будки и обдумывал версию Фосетта — Рапозо. Черная фигурка — из этого города?.. Может, это и есть город атлантов? Или он мог быть построен на месте древнейшего поселения атлантов. Науке такие случаи известны. Троя, например, отстраивалась много раз — на том же самом месте.

Я стоял у телефонной будки и, помнится, вздрогнул от неожиданной мысли: город не иллюзия, не сон, он существует, его до сих пор прячут джунгли. Значит, те люди действительно летали там у берега реки. Летали. Все правда. Вот почему тот человек не захотел отвечать мне прямо. Он кинул приманку — и я, как голавль, взял ее и попался на крючок. А он исчез. Иначе ведь ему пришлось бы объяснять мне, кто он и откуда прибыл на эту лекцию. Кто он?! И кто она, Рута?! Может, они и выкрали у меня булавку, имея на то серьезные основания? Может, их в гораздо большей степени, чем меня, интересует Атлантида?!

СНОВА РУТА

Я, кажется, не обманывался: город являлся во сне потому, что необыкновенная булавка с таллиевым шариком когда-то покоилась под моей подушкой и принимала сигналы оттуда... Возможно ли это? А без булавки? Если по-настоящему захотеть и все время думать о Руте? Мне уже начинало казаться, что мои воспоминания о городе тускнеют, блекнут, будто отделяются от меня завесой.

И вот однажды...

* * *

Я увидел скалу с уступом, возвышавшуюся над заливом. Человек сидел на уступе, трое других взбирались на плоскую вершину скалы. Краски медленно менялись. Блекли пепельно-синие полосы, рождались зеленые и голубые оттенки. От ветра и вихрей хороводы бликов на растревоженной воде расширялись, потом угасали, на песок под утесом мерно набегали белопенные гребни.

Я не видел лиц этих людей.

Послышались шаги. Ее шаги. Хрустнула галька. Рута стояла под скалой, в руке у нее — туфли с каблуками, расписанными золотыми линиями, и она смотрела на меня так внимательно, что не ощущала пены, kloкотавшей под ее ногами.

Будто бы она рассказывала мне об Атлантиде:

— Я видела, что осталось от бывлой страны грез... Сначала показался остров Санта-Мария с шестисотметровой горой Пику-Алту. Самолет наш летел низко, и я видела темную воду океана и более светлую над обширной скалистой банкой. Остров покоился на ней как шапка волшебника, укрывающая утонувшее плато. На всем протяжении берега круто обрывались в море, за ними начинались апельсиновые рощи, виноградники, хлебные поля, в складках гор виднелись белые строения. Скалистый утес мыса Каштелу на сотню метров высился над водой. На его плече — маяк Гонсалу-Велью. Этот маяк словно отмечал то место суши, которое ближе всего придвинуто к бывлой столице атлантов...

— Ты побывала на Азорах?

— О нет, я видела их с самолета. Это был, как бы тебе сказать, туристский рейс, посадки посреди Атлантики не предусматривалось. Но мы пролетели вдоль островной дуги. Остров Сан-Мигель с пиком Вара тянулся как стена — берега тут обрывисты, а на западной оконечности — базальтовые глыбы, отвесные и голые. Здесь наблюдаются магнитные аномалии. Самолет взял курс на запад, и я мысленно распрощалась с Атлантидой. Никто не подумал бы, что она располагалась именно здесь, и горы ее были вдвое выше, чем сейчас. Они курились, и прозрачные столбы желто-зеленоватого дыма достигали стратосферы, свивались, образуя ствол причудливого дерева.

— Не здесь ли возникли мифы о дереве мира?..

— Я видела весь архипелаг. Ничего похожего на Атлантиду...

— Назови свое настоящее имя? — попросил я.

— Рутте, — сказала она.

— И давно вы здесь... у нас?

— О да. Скоро я расскажу тебе все.

— Ты видела этот город?

— Да, да!

И неотвязным видением преследовала меня с этих пор женщина, чей образ я наполовину выдумал, но которая теперь естественно и просто олицетворяла собой вечный круг звезд и планет.

ВСТРЕЧА

Рута остановилась в гостинице «Украина», где в просторных старомодных коридорах и холлах звуки гаснут, едва успев родиться, где в полусумраке цветут бразильские лилии, где метровые стены отгораживают вас от уличного шума и от людей.

В номере горел голубой свет кварцевой лампы, Рута была в черной блузке со шнурками бордового цвета на рукавах и груди. Тонкая шея была открыта; она заявила мне, что лечится от простуды, а кварц привез какой-то неизвестный поклонник вместе с букетом цветов (на окне загораживал дневной свет изрядный веник полуувядших астр). Рута была в театре, и сосед по креслу сразу определил, что ей нездоровится. Так оно и было.

В ней многое изменилось за тот год, что мы не виделись. Была она бледна, черты лица заострились. Волосы, иссиня-черные, были собраны в пучок, очки в черной оправе старили ее. На ней все было темное, до антрацитового блеска, даже туфли и нейлон. Мы выключили кварц. В тусклом дневном свете, едва проникавшем из-за цветов на подоконнике, лицо ее обрело живые краски. Она достала из пачки тонкую длинную сигарету и закурила.

— Можно поцеловать твою руку?

— Можно.

— Можно я буду твоим поклонником?

— Можно, можно...

Ее рука легла на мою голову, и я почти со страхом вдруг стал различать оттенки черного: темно-сизый рисунок на юбке, угольно-черные складки на тонком колене, обсидиановый блеск туфель, сверкание графитовых чешуек и зерен на щиколотке; и потаенное бело-розовое свечение выше их, и бело-голубой свет, едва-едва пробивавшийся еще выше. Как будто сияли валторны в темноте, когда свет скорее угадывается, чем ощущается. Казалось, что все в комнате стало призрачным. В легком дыму осталась одна реальность — поблескивавшие серебром овалы, шнуры цвета бордо и цвета кофе, растягивавшиеся, как змеи на дереве.

Словно две огромные черные ольхи, выпрямившись, стряхнули змей, непроницаемо закрыли от меня половину пространства комнаты, потом другую ее половину, и вверху среди электрического шороха слышались низкие звуки дыхания, как будто это дрожали валторны от неумелых прикосновений музыканта или птица на взлете хлопала крыльями. В темном зеркале напротив отражались глаза. Все остальное непередаваемо искажалось мертвым стеклом: крылья неведомых птиц скользили по черной тонкой коре деревьев, пересекая их поперек и наискось от самого низа до самого верха.

Потом — минута прозрения, ясности.

Я тонул в тенях от ее ног, на светлом фоне они снова напоминали о деревьях, и все было преувеличенным, фантастическим, черное слепило меня, попадая в снопы тусклого света, белое успокаивало. В настенном зеркале промелькнули мои расширившиеся глаза, зерна зрачков были чужими, я не узнал себя. Что это стряслось со мной сегодня? Все вокруг испускало теплые, даже горячие лучи, как если бы из преисподней поднялось вулканическое тепло.

— Я думал о тебе...

— Знаю, знаю...

* * *

— Жрец из египетского города Санса, о котором упоминает Платон в своих диалогах, сказал: «Светила, движущиеся в небе и кругом Земли, отклоняются от своего пути, и через долгие промежутки времени все находящееся на Земле истребляется посредством сильного огня». Это так точно, что ни одна из гипотез гибели Атлантиды ничего не добавила к этим доводам.

Ни предположение о захвате Луны нашей планетой, ни ссылки на столкнувшийся с Землей астероид не новы: жрец сказал все это и даже много больше в свойственной древним лаконичной манере... Я много раз читал это место у Платона, но понял не сразу. Что к этому можно добавить?

— Добавить можно многое, — сказала Рута. — Если бы ты знал, как мне страшно иногда становится от мысли, что должен преодолеть разум, познающий космос! Вечная борьба... столкновения интересов... странные формы жизни, которые вдруг выползают, точно призраки и гидры из неведомых областей пространства, того самого, которое мы вчера считали познанным, изученным и совсем-совсем нашим.

— Что ты говоришь! Разве так уж много обитаемых планет в ближайшей окрестности?

— Я говорю не только о планетах. Разве ты не слышал, что жизнь существует иногда при очень высоких температурах? И не только бактерии, но и моллюски, и членистоногие. В вулканических разломах порой образуются новые формы. Чего от них ждать, никто не знает. Об этом даже не задумываются. И генетический код вовсе не универсален. И это здесь, на Земле. А там?..

— Где там?..

— В горячих океанах планет-гигантов, обращающихся около звезд главной последовательности. На спутниках пульсаров. В недрах полустывших солнц...

— И там есть жизнь?

— Цепь жизни бесконечна в пространстве и времени, вечна, неуничтожима, как и вся материя. За миллиарды лет она совершенствовалась во всех направлениях и создала, породила феномен разума. Но породила и другое — способность отрицать разум. Этой способностью она наделила изумительно стойкие соединения молекул и атомов, которые страшнее ржавчины. Но отрицать разум могут лишь носители антиразума. Этот антиразум тоже форма разума, как это ни парадоксально звучит. Он лишь борется с нашей формой, но борется по своим законам, познать которые мы не смогли. Но мы знаем, что за много лет Саисский астероид — позволь мне его так называть — потерял изрядную долю вещества. Он весь был словно источен червями. Неведомая сила столкнула его затем с орбиты, и он упал на Землю. Случилась катастрофа, тебе известная...

— Не может быть!

— Это так. Атланты-кроманьонцы погибли. Совсем другие формы жизни могли бы восторжествовать после того на опустошенной планете. Но случилось второе чудо: человек устоял. Как это произошло, мы не знаем. Ведь планета погрузилась во тьму, в хаос на многие десятилетия. Что было потом? Мы должны это узнать. Это важнее, чем ты можешь себе представить... Проникшие на Землю носители антиразума были подавлены. Может быть, сыграло свою роль биополе? Никто из нас не может пока ответить на подобные вопросы. Вот почему мы изучаем древние руины, первобытные тропы. Они нужны нам в неприкосновенности. От этого зависит будущее. Если вы утратите те качества, которыми обладал кроманьонец с его поразительной

стойкостью, силой, непревзойденным умом, чувством ритма, интуицией, художественным чутьем и умением, то более никто не остановит врага ни на дальних, ни на ближних подступах. Кто помогал кроманьонцам? Не было ли у них союзников и покровителей там, в космосе? Эта сфера знания пока — «терра инкогнита».

— «Терра инкогнита»... — откликнулся я, и голос мой прозвучал для меня самого странно. Рута сказала все, ей было безразлично, верю ли я сказанному.

— Ты можешь считать это фантазиями, но не исключено, что антиразум, не одолев кроманьонца сразу, лишь дал отсрочку. Он готовился к прыжку. Он точно рассчитал, что человек изменит мир и, изменив его, изменится сам. Тогда и то и другое станет его легкой добычей. Не подкрадывается ли он к нам с неожиданной стороны, откуда никто не ожидает нападения?

— Откуда же, Рута?

— Изнутри. Из наших собственных живых клеток? Не готовит ли он себе обитель в генах? Иначе как объяснить логику тех, кто отказывается думать и заботиться о будущем? И это тоже «терра инкогнита».

— «Терра инкогнита». Неизвестная земля. Это будущее, о котором некоторые не хотят думать, принося его в жертву сиюминутности...

В этот день я услышал и об экспедиции Хуана Беррона.

— Это аргентинец, — сказала она спокойно, — живет в Париже, там же вышла его книга о поисках Перси Гаррисона Фосетта. В предисловии к ней Хуан Беррон писал, что поиски пропавшей в 1925 году в дебрях Амазонки группы Фосетта были лишь предлогом, главной же целью экспедиции следует считать съемку экзотического фильма. Следует считать... — Она откинула голову так, что бусины ее зрачков сузились от света, и пристально посмотрела на меня, словно ждала моего мнения.

Я ничего не знал об экспедиции Беррона.

— Съемка экзотического фильма, — повторила она. — И ради этого участники экспедиции подвергались смертельной опасности! Их ждали встречи с электрическими угрями, разряд которых парализует человека, черными пятиметровыми кайманами, красными муравьями, змеями и пауками-птицеедами, от одного вида которых сошел с ума и застрелился летчик, совершивший вынужденную посадку в Мату-Гросу! Не слишком ли скромна цель, которую поставил Хуан Беррон?

— Но ведь и съемки кинофильма о джунглях — задача не из простых, — заметил я. — До сих пор этот район мало изучен... и Фосетт был прав, когда выражал надежду на встречу с неизвестным именно здесь.

— Фосетт был прав. Вот только фильмов многовато. Беррон не такой человек, чтобы рисковать своей жизнью из-за сто первого ролика о жизни тропического леса, похожего на сто других.

— Неужели ему не удалось снять ничего нового?

— Удалось, конечно. Но если ты увидишь ленту, то сам убедишься, что только для этого он вряд ли стал бы снаряжать экспедицию.

— У вас есть фильм?

— Да. Копия. Может быть, как раз очень разумно выступить в роли беспристрастного свидетеля именно тебе. Думаю, ты сможешь рассудить, прав или не прав был Беррон.

— Ты говоришь так, словно знаешь о подлинной цели экспедиции, и умалчиваешь о ней нарочно, чтобы я сам догадался. Так?

— Ты прав. Хочу, чтобы ты сам догадался. А заодно увидел то, что пора научиться замечать всем.

— Мне нужно посмотреть фильм Беррона. Он имеет отношение к антиразуму?

— Ты сам должен это решить.

— Я могу взять ролик с собой?

— Конечно. Можешь считать это причудой инопланетянки.

— Булавка на юбке тоже причуда?

— Нет, средство дальней видеосвязи...

— ...Видеосвязи участницы экспедиции с другими участниками.

— Нет, отпускницы. Ведь на Пицунде я отдыхала. А база наша близ Хосты. Там у меня отец.

КАРИНТО

Едва я успел узнать имя одного из знакомых Руты (его звали Каринто), как случилось несчастье. Этот человек когда-то говорил со мной об экспедиции Фосетта... вместе с другими он летал близ развалин древнего храма... Это был отдых, обычный для них отдых после работы. Двустворчатая дверь храма — их рук дело: уж больно досаждали по ночам летучие мыши. Каринто не стало. Я больше не увижу человека с другой планеты, который иногда прилетал в Москву на лекции об Атлантиде!

Несчастье произошло через полтора часа после того, как я покинул гостиницу.

На следующий день я был у Руты. Я чувствовал теперь себя как бы одним из них: так хотела Рута.

Я узнал историю авиакатастрофы, в которой погиб Каринто, из сегодняшней газеты, выходящей на испанском. Светящаяся строчка перевода — для меня — скользнула по столбцу, и комната, как мне показалось, вдруг наполнилась прозрачным удушливым дымом.

* * *

— Антиразум маскируется, — медленно проговорила Рута.

— Значит, его нельзя отличить от проявлений разума, от обычных законов природы?

— Можно. Антиразум вручает человеку панацею от всех бед, но она делает его несчастным. Некоторым людям свойственно выбирать самые легкие пути, им свойственна экономия мышления, если выражение это уместно...

— Там, в самолете... Каринто столкнулся с антиразумом?

— Да. Из другой ситуации он вышел бы победителем. Антиразум — самый могущественный наш враг, ему нет равных ни на одной из известных нам планет. Ни молнии, разрывающие

горячую атмосферу Венеры, ни океан жидкого водорода на Юпитере, ни вулканы Ио, его спутника, ни жидкий этан на Титане, обращающемся вокруг Сатурна, ни раскаленные жерла и вихри других звезд и планет — ничто это не сравнится с антиразумом. Хотя внешне он может принять любую самую безобидную форму, перевоплотиться в фею, сирену, грациозного скакуна, девушку под часами, друга, шахматную фигуру, пожертвованную без достаточных оснований, в фешенебельный ресторан, дачу, автомобиль, даже книгу.

...Родригес Мора — я буду называть его так, как называл репортер, не знавший подлинного имени, — сел в самолет в Гайане. Полагаю, при нем были кое-какие материалы экспедиции к развалинам города. Позже Рута подтвердила это... в Порт-оф-Спейн — столице Тринидада-и-Тобаго — самолет приземлился, принял на борт нескольких пассажиров на пустовавшие места. Произошла заминка с багажом. Однако расписание не было нарушено. Родригес Мора задремал и будто бы пробормотал во сне: «Уберите черного щенка!»

— Даже во сне он говорил только на испанском! — пояснила Рута. — Это необходимое условие подготовки к нашим экспедициям. Не было случая, чтобы люди наши проговорились или растерялись — это для нас равносильно катастрофе. А Каринто — один из лучших наших десантников.

Однако на этот раз он чуть не выдал себя. Странная фраза о щенке запомнилась пассажирам, и один из них готов был позднее взвалить вину на самого Родригеса. Это могло оказаться удобным даже для правосудия, поскольку никто не знал, куда ведут концы той нити, которая связана с катастрофой.

Показался остров среди синего моря, окаймленный белыми полосами прибоя, рощами пальм, пляжами и голубым мелководьем, где поднимали паруса яхты и прогулочные катера с экскурсантами на борту спешили от причала к причалу. Родригес Мора проснулся, отчетливо произнес:

— Барбадос.

Самолет подрулил к двухэтажному зданию аэропорта Сиуэлл. Пассажиры вышли. Родригес Мора вышел последним. У него был такой вид, пишет репортер, что казалось, будто он заболел в полете. Однако, когда кто-то вызвал врача, он вежливо отказался от услуг. За десять минут до посадки откуда ни возьмись выскочила черная собачонка. Опрометью бросилась она к самолету и исчезла. Никто не успел толком понять, что произошло. Ее не было нигде, вот и все. Конечно, если бы тогда знали, к чему приведет это маленькое происшествие, то свидетелей было бы больше и они были бы более внимательны. Это так. Родригес Мора и бровью не повел. Но два этих факта — появление черного щенка и оброненная во сне фраза — все же привлекли внимание. Возможно, только потому, что Родригесом интересовался врач. И врачу этому кто-то сказал, что Родригес бредил в полете. Слова о черном щенке стали достоянием прессы. Что это было? Рута не знала. Десантники могут предугадывать ход событий в экстремальных ситуациях. Долгие тренировки вырабатывают это умение. Но тут кто-то мешал Родригесу-Каринто.

Самолет взлетел. Через четверть часа после этого в башне командно-диспетчерского пункта аэропорта ожил динамик:

— Сиуэлл! Внимание!..

И все. Ни одного слова больше. Самолет развернулся и взял курс обратно на Сиуэлл. Туристы и купальщики видели, как машина, сверкая на солнце, неслась к морю по снижавшейся траектории. За самолетом тянулся дымный след.

— Родригес погиб, — сказала Рута. — Это мы узнали вчера, до выхода газет. Он мог бы воспользоваться неприкосновенным запасом, который дается любому из нас. Что это значит? Ты видел, как они летали над городом... Он мог открыть люк и выброситься из него. Было мало времени. С самой простой земной техникой вроде задраенного люка не так-то просто совладать. А может быть, он хотел кого-то спасти. Не успел. Или ему помешали. Кто? Мы не знаем. Да, есть антиразум. Но чудес не бывает. Должен быть и материальный его носитель.

Рута рассказала, что спасатели нашли самолет на глубине тридцати семи метров. Погибло семьдесят девять человек.

Один из них был Каринто, он же Родригес Мора, десантник тридцати восьми лет, прошедший на Земле около года в поисках истоков человеческого разума и врагов его, бесстрашный и благородный, как все десантники, направлявшиеся на планеты.

История с черным щенком успела стать газетной сенсацией. Когда к месту катастрофы подошло спасательное судно, когда разрежали автогенном фюзеляж и водолазы выполнили свой долг, тогда во время последнего, восемнадцатого погружения один из них нашел в хвостовой части самолета черную собачонку. Она походила на простую дворняжку. Вот только внутренностей у нее не было. И брюшная полость ее оказалась раскрыта, как если бы это была старомодная меховая муфта, которую разрежали ножницами вдоль. Что туда было вложено? Взрывчатка?..

Теперь я знал: антиразум мешал поискам Атлантиды, мешал вообще всем поискам.

ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРРОНА

У меня была копия фильма Беррона, и я не нашел ничего лучшего, как посвятить в эту тайну своего друга Владимира Санина. Почему этого не следовало делать? Да потому, что я уже вполне осознал опасность антиразума.

...Это было дома у Санина, на Часовой улице. Он включил проектор, и мы стали смотреть фильм, припоминая соответствующие места из книги. Выражение лица Санина, его легкие брови, выпуклые светлые глаза, светившиеся в полутьме, подсказали мне в тот вечер мысль, что он похож на кроманьонского следопыта. Удлиненная его голова отбрасывала на стену тень, неровный овал которой свидетельствовал в пользу моего наблюдения: ведь кроманьонцы — долихоцефалы, длинноголовые.

Теперь я должен предоставить слово Беррону. (У нас были его фильм и книга — живое свидетельство путешествия, тайну которого предстояло раскрыть. Но это можно сделать, лишь выслушав участника и очевидца.)

* * *

...Ночь темна, вода кипит в водоворотах, подхватывает наши катера, разворачивает их, сталкивает и бросает на вырванные с корнем деревья, мчащиеся в неудержимом потоке. К полудню мы оказываемся в более широкой части реки Арари. Но она мелководна, и нам то и дело приходится прыгивать в воду, чтобы облегчить лодки и перетащить их через мели. Изнуренные, мы решаем передохнуть на ферме Белем.

Ферма Белем — бедный домишко на деревянных сваях с крышей из пальмовых листьев. Впрочем, в этом районе любое жилище напоминает большой зонтик, защищающий его обитателей от дождя и солнца: температура 25 градусов здесь держится круглый год. Гамак, маленький сундук, заменяющий шкаф, стул, кастрюля и обязательный кофейник — вот и весь нехитрый скарб фермы. В каждом доме есть и оружие — мачете, напоминающее саблю. С его помощью люди прокладывают себе дорогу в тропическом лесу, режут хлеб, когда он есть, разрубают туши животных, открывают консервные банки.

Мы голодны, но на ферме почти нет съестного. Хозяйка дала нам лишь по маленькой тарелке мучной кашицы из корня маниоки, а ее муж любезно предложил по чашке кофе и обещал вечером устроить пиршество. Здесь никогда не спешат и все говорят «эспера» — подожди!

Расположившись на полу, мы наслаждаемся кофе. Через дыру в полу Жерар замечает, что под нами что-то копошится. Огороженное под домом место кишит кайманами. Нанятый нами во время экспедиции известный по всей Амазонке охотник и укротитель животных Мишель сказал, что кайманы съедобны. Они могут обходиться без пищи и воды два-три месяца. Их сохраняют живыми, потому что на жаре мясо портится с невероятной быстротой.

Несмотря на усталость, мы идем смотреть, как хозяин выпустит из ямы одного из своих двухметровых пленников. Извлеченный наружу кайман шумно дышит, упирается, сопротивляясь человеку. Мишель ударами топора удивительно легко и точно отрубает ему голову, отделяет хвост. Тело и голова отброшены в сторону, а хвост, являющийся единственной съедобной частью, разделяется на большие куски. Он будет зажарен...

* * *

Что-то было в этом фильме... такое, что настораживало, пугало. Я не мог понять причину. Группа выходила на поляну или на берег реки, но лица у многих оставались равнодушными, как бы кукольными, словно их не привлекала новизна, не радовало открывшееся небо. Как объяснить это? Если кто-то и выражал свои чувства, то звучало это не совсем естественно. Может, они устали?..

* * *

...Индейцы идут легко, без затруднений ориентируясь в зарослях. Мы же, наоборот, испытываем муки ада, пробираясь через сеть ветвей, длинных тонких лиан, режущих, колющих, превращающихся в подвижные кольца вокруг шеи и ног как раз в тот момент, когда нужно прыгать через влажные и вязкие корни.

* * *

Очередной привал. Люди располагаются на циновках, горит костер перед входом в большую палатку, над огнем булькает вода в котелке, подвешенном на треноге. И вдруг тренога исчезает. На одно мгновение. Но у меня быстрая реакция, и я успеваю отметить сей немаловажный факт. Этой треноги — связанных коротких жердей — не было долю секунды. Для режиссера это могло пройти незамеченным. Равно, как и для зрителя, впрочем. Или фильм монтировался в такой спешке, что сюда попал предыдущий кусок ленты, соответствующий моменту, когда горел костер, но тренога еще не была установлена?

Новые кадры...

Индейцы, вооруженные сарбаканами, которые могут быть приняты за ветки, прячутся среди листвы или в дуплах деревьев. В небольшом футляре, висящем на шее, они носят стрелы, уамири, длиной в тридцать сантиметров, с остриями, смоченными в растворах из различных растений, среди которых самым страшным является яд кураре, или урари, убивающий в три минуты...

* * *

Зачем Беррону понадобилось объявлять, что цель экспедиции — поиски Фосетта, а затем опровергать себя, заявляя, что поиски эти лишь предлог? Почему Беррона интересовали рассказы о племени живарос и высушенных человеческих головах?

Ответ мог быть только один: Беррон хотел убедиться, что, зная тропический лес так, как знал его Баррето, можно пройти самым сложным маршрутом. У Фосетта были проводники. Кроме того, Фосетт знал джунгли, нравы и обычаи индейцев, уважал их, и ему, конечно же, не угрожало многое из того, что представляет смертельную опасность для новичков.

— У меня сложилось мнение, что он все же искал следы Фосетта, — сказал Санин, когда я спросил его об этом.

Я был согласен с ним. И все же почему Беррон отрицал этот факт?

— Он не хотел, чтобы об этом знали, — ответил на вопрос Санин.

— Да, но он вначале сам заявил во всеуслышание, что будет идти по следам Фосетта! — воскликнул я.

— Что ж, — сказал Санин, — этого нельзя было скрыть. Но это традиционная цель многих экспедиций на Амазонку, и заявление вряд ли кто-нибудь принял всерьез. И когда Беррон откестился от него, ему поверили! А он, судя по записям, все же думал о Фосетте.

Где-то в начале фильма были горы и скалы, настоящая горная страна, по словам Беррона. Но чего-то не хватало...

Я думал об этой горной стране и не решался высказать вслух подозрение: с лентой кто-то основательно поработал без ведома участников экспедиции, которые должны были увидеть затерянный город! Возможно, его видел и Фосетт. Что с ним после этого случилось — никто не знает... Даже само описание горной страны в книге Беррона какое-то невнятное, невыразительное, не говоря уже о соответствующих кадрах фильма, — там она лишь промелькнула.

Фильм был смонтирован вопреки замыслу Беррона — вот к какому выводу пришел я. Кто-то не хотел, чтобы мы видели этот город. И даже отснятые там, на его развалинах, кадры исчезли. И кто-то торопливо склеивал фильм из обрывков. И добавлял при этом свое. Так уничтожалась память о прошлом, об индейцах — дальних потомках латиноамериканских кроманьонцев и атлантов.

ДИАЛОГ ПРИ СВЕЧАХ

Да, Беррон искал следы экспедиции Фосетта.

Я встаю, хожу по комнате, потом иду в ванную, расстегиваю ворот рубашки, подставляю шею, голову, руки под струю холодной воды. И мысль моя растягивает частицу экранного времени, многократно воспроизводит ее — каждый раз иначе. Напрашивается ответ: ленту монтировал кто-то другой, не Беррон, не его помощники, не монтажер и не режиссер.

А сама экспедиция? Была ли она? Может, это всего лишь гипноз, внушение? Немыслимо! Немыслимо... Само слово означает нечто несусветное. Но это и есть абсурд, антиразум! Ему не нужна была экспедиция. Не нужны в джунглях следы человека, который искал следы других людей. Невозможно? Нет, с точки зрения антиразума это как раз возможно, даже очень. Я чувствую истину: кто-то усыпил Беррона и его спутников. На экране... кинодвойники. И литературные двойники — в его книге.

Для антиразума не важны детали, мелочи, как важны они для нас, людей. Когда-то кроманьонцы выжили благодаря обостренной наблюдательности. Они были настоящими следопытами, подлинными художниками.

Что же нужно людям согласно сценарию антиразума? Побольше убийств, анаконд, зубастых кайманов, человеческих голов, высушенных для коллекций. Чтобы поубавилось мужества у желающих пройти тропами Фосетта, другими дорогами — в неведомое.

Ко мне заехала Рута, и я рассказал о своих впечатлениях.

Я внес в комнату две зажженные свечи, вышел на кухню, нашел третью свечу в старом ящике под столом — стеариновый

огрызок. Когда три огня осветили комнату, достал увеличенное фото мадленской женщины-кроманьонки. Поставил картон на стол между двух свечей, третью отодвинул. Считают, что кроманьонцы не могли изображать лица. Это не так. Лицо женщины было вырезано из кости двадцать тысяч лет назад.

— Мастеру светил факел, точнее, три факела, — сказал я. — Как сейчас. И он видел лицо живым и смог передать почти неуловимое состояние этой женщины, когда она думает о чем-то своем, быть может, вспоминает волшебные минуты, которые не повторяются. Смотри внимательнее — и ты увидишь в этом лице много больше того, что привыкла видеть. Оно свободно от тревог и забот, одно светлое раздумье и спокойствие озаряют его.

— Она видит нас! — тихо воскликнула Рута.

— Да. Как тогда. Она и тогда видела нас. Мы ее дети, потомки. Мы почти такие же, как она. Только она немного выше ростом, и руки ее умеют больше, чем наши.

— Их было мало, — выдохнула Рута. — Как они выжили? Как смогли?

— Смотри на эти свечи. Бессмысленно оглядывать статуэтки в витрине, они там мертвы. Но как только загораются три огня, дающие глубину пространству, мы ловим этот миг: на нас смотрит живое лицо, живые глаза.

Как бы между прочим я спросил ее, долго ли они добрались до Земли.

— А как ты думаешь? — Она сжала рукой тугой пучок волос, подошла к настенному зеркалу, заколола пучок второй металлической заколкой.

— А как ты думаешь сам? — повторила она вопрос как будто бы издалека, словно мои слова о перелетах разделили нас невидимой преградой. Может быть, лучше было не спрашивать ее об этом?

— Я думаю, — сказал я, — думаю, что прическа пучком тебе не так идет, как свободная прическа. Это потому, что ты молода, похожа на студентку и совсем не похожа на инопланетянку. А раз так, полет не должен занимать много времени. Если, допустим, вы стартовали, когда тебе было всего десять лет по нашему земному счету, то сейчас тебе примерно девятнадцать. Девять лет, вот сколько нужно лететь до нас.

— Ты ошибся дважды, — ответила Рута. — Во-первых, мне не девятнадцать, я старше. Во-вторых, девять лет — это было бы очень много даже для нас. Мы не боги, даже не кроманьонцы. И мы не бессмертны. — Она отошла от зеркала, волосы ее снова накрыли плечи, они струились мерцающими антрацитовыми волнами, и, когда я приблизил руку, одна из этих волн, ближайшая ко мне, оттолкнулась.

— Я расскажу... — она поправила волосы почти неуловимым движением и быстро улыбнулась одними губами.

Выходило, что я не понимал до сих пор, почему недостижимы очень большие скорости, скажем субсветовые. Я думал, что они опасны для человека. Но не в этом дело! Опасны не скорости, а ускорения. Ведь именно ускорения вызывают перегрузки. Но можно ли достичь скорости без ускорения? Нелепый вопрос! Конечно, нельзя. Значит, перегрузки все же ограничи-

вают возможности полетов? Отнюдь. И разобраться в этом просто: спинка пилотского кресла получает ускорение и давит на человека, а сам он стремится сохранять состояние покоя, вот в чем трудность. Корабль ускоряется, а пилот получает импульс движения от кресла, причем такой, что это все равно как если бы человек плюхнулся в это кресло с огромной высоты. Но есть выход: нужно, чтобы пилот, а точнее, каждая клетка его тела получила ускорение одновременно с кораблем. Или, строго говоря, все молекулы и атомы внутри корабля должны получить импульс движения одновременно. Тогда не будет никаких перегрузок. Можно ли это сделать? Да. Движение сообщается с помощью поля, которое действует на любую мельчайшую частицу — и на пилота тоже. Движение начинается сразу, строго одновременно, нет ни деформаций, ни перегрузок в общепринятом смысле этого слова.

— Ясно? — спросила Рута, и я кивнул, но у меня был такой вид, наверное, что она добавила: — И все же это сложно, гораздо проще сделать корабль достаточно прочным, а поле применить лишь для ускорения людей в особых отсеках. На твоём языке их можно назвать левитрами. Слово мне так нравится, что с твоего разрешения я буду и впредь именно так называть эти отсеки или кабины.

— Разумеется, у меня нет возражений.

— В каждом левитре помещается два-три человека, иногда один. И кабины эти обычно выступают из корпуса, совсем как глаза глубоководных рыб, о которых ты мне рассказывал. — Она достала из сумки рулончик темной пленки, развернула его, и пленка вдруг затвердела, образовав большой квадрат, который она приколола булавкой к стене. Булавка была маленькая, золотистая, с зеленым отливом, как крылья бронзовки на солнце.

— Это тебе! — выдохнула она. — Я давно хотела подарить тебе на память рисунок или картину. Видишь, там звезды, а вот наш корабль. Кажется, он крадется среди созвездий. Но это не так: летит он очень быстро, весь полет от нас до вас занимает не больше трех часов. Потому что корабль с левитрами. Их восемнадцать. Картина называется: «Корабль с восемнадцатью левитрами в созвездии Центавра». Это название ты должен запомнить, не рассказывай об этом случайным людям, ведь ты доверчив, как кроманьонец, и, как кроманьонец, не защищен от клыков троглодитов, нападающих на тех, кто дремлет или мечтает.

АТЛАНТИДА ПОГИБЛА ЛЕТОМ!..

Я искал для Руты и ее друзей подтверждения необыкновенных способностей кроманьонцев выживать в трудных условиях. И находил их... в современных данных метеорологии, например. На всей планете тогда и сейчас атмосфера дышит, в ней рождаются и умирают течения и вихри, тепло и холод переносятся на тысячи километров вместе с воздухом. Но перед тем как мы погружаемся в холодное или теплое течение, пришедшее, быть может, с противоположащего континента или полярных

островов, возникают едва ощутимые изменения. Никто не знает, почему некоторые люди одарены способностью предсказывать погоду на три дня вперед. Может быть, им помогают ионы?

Организм наш может улавливать первые же признаки борьбы между двумя воздушными течениями: перед сменой фронтов погоды кровь свертывается быстрее; она гораздо скорее рассасывает сгустки, грозящие нашему здоровью, если ожидается наступление холодного фронта. Я нашел описание тех изменений, которые наверняка должны происходить, но которые не всегда известны медикам: особенно чувствительны эндокринные железы, они меняют содержание в крови сахара, кальция, магния, фосфора. Мне осталось сопоставить эти цифры с картами расселения кроманьонцев, с маршрутами их передвижений, с местами временных стоянок.

Когда я сообщил о своей работе Руте, она была изумлена:

— Ты и вправду доказал, что кроманьонцы маги и кудесники. Они улавливали такие изменения в собственном организме, какие нельзя измерить даже чувствительными приборами. Что ты думаешь об ионизации воздуха?

— Думаю, что перед грозой именно положительные ионы дают себя знать. Самочувствие резко ухудшается, страдают не только астматики и больные туберкулезом, но и вполне здоровые люди. Наоборот, после грозы наступает улучшение, и это только оттого, что в воздухе много отрицательных, полезных для нас ионов.

— Но ты приписываешь кроманьонцам способность предсказывать сильные грозы за два дня до того, как они раздражались над их головами.

— Приписываю? Ничуть не бывало. Они и вправду предсказывали их. Может быть, ощущали ионный состав воздуха, а может...

— Что?

— Наверное, они видели будущее. Были ясновидцами, что ли... Ты знаешь мою точку зрения.

— Знаю. Им действительно нужно было видеть будущее, знать его. И если глубоководные рыбы опережали в этом человека, предвосхищая всем своим поведением катастрофы и извержения, то человек тоже... мог.

— Конечно, мог. И может. Один мой знакомый, по крайней мере...

— Кто?

— Санин. Он изучает майя, ацтеков, этрусков.

— И предсказывает будущее...

— Да, если угодно. Только он просил об этом не распространяться. Могу познакомить тебя с ним.

— Мы уже знакомы...

— Вот как?

— Да, но это долгая история. Знакомство произошло на нашей базе в Хосте или даже еще раньше...

— Почему же он молчал?

— А ты?

— Я думал, об этом не стоило распространяться. Контакты меняют будущее.

— Вы с ним единомышленники.

— Да, единомышленники, — подтвердил я. — В Ленинграде нам довелось ознакомиться с образцами тропической многолетней пшеницы. Она обнаружена недавно колумбийскими учеными в равнинных районах страны. У зерен этого злака высокие питательные свойства. Он выдерживает ливни, сильные ветры, даже бури, его можно скашивать много раз подряд, не заботясь о севе. Никто из индейцев не мог рассказать ученым о происхождении этой культуры. Когда вспоминаешь запущенные заросшие сады на месте давних пепелищ, невольно ловишь себя на желании отыскать следы первых атлантов, поселившихся на материке.

— В том городе, который ты видел во сне, тоже была известна эта пшеница. Мы нашли ее близ храма. Там заброшенные поля... ты их, наверное, помнишь...

— Да. Помню город в джунглях и храм.

Я рассказал Руте о записях конкистадоров. Я читал их в переводе Санина. Она о них не знала, никто из них, кроме Каринто, оказывается, не изучал так называемых косвенных источников.

Конкистадоры вспоминали о таинственном городе в Америке, о дворце с колоннами или башнями. К дворцу вела каменная лестница. Два ягуара на золотых цепях охраняли вход. На вершине центрального столба, на восьмиметровой высоте, сияла искусственная луна, молочно-белый шар, свет его был так силен, что рассеивал тьму тропической ночи. Днем же солнце затмевало его сияние.

В одном из своих писем из Бразилии Фосетт писал: «У этого народа есть источники света, неизвестные нам. Они унаследовали их от исчезнувшей цивилизации...» Манданы, белые индейцы Северной Америки, помнят время, когда предки их жили в городах, освещенных негасимыми огнями. И города эти располагались где-то за морем. Как будто бы индейцы помнили об Атлантиде.

* * *

Я рассказал Руте, как представляю себе гибель Атлантиды:

— Из недр земли, разбухших астероидом, выплеснулась магма, смешалась с океанской водой, поднялось чудовищное облако, закрывшее планету погребальным саваном. После водяного вала, смывшего все и вся на побережье Западной Европы через три часа, на побережье Восточного Средиземноморья через пять-шесть часов после падения «огненного змея», Земля дрогнула, начались извержения вулканов. Даже из-под бушевавшей воды показывали они свои раскаленные жерла. Черные фонтаны устремлялись в стратосферу, распыленная магма, вулканический пепел плотными тучами окутывали моря и залитую водой сушу слой за слоем, опускаясь вниз с ливнями. Небывалой силы грязевые потоки заполнили речные долины, бушевали грозные сели, губившие все живое. Так погибли мамонты в долине Берелеха и других рек. Тому есть доказательства...

— Мы знаем об астероиде, об извержениях вулканов... Астероид не исчез, он лишь пробил земную кору. Там, в районе

Бермудских островов, он до сих пор медленно тает в обтекающих его потоках магмы. Но мы никогда не связывали гибель Атлантиды с гибелью мамонтов. Это ведь косвенные доказательства. Расскази о мамонтах!

— На Берелехском кладбище погребены сотни мамонтов. Когда-то там росли густые травы и кустарники. Мамонтихи и мамонтята паслись, взрослые самцы поодаль от реки охраняли стадо от хищников. Сель затопил всю долину, сейчас там открыты кости: целые полуострова из костей молодых мамонтов и самок. А в коже их найдены кровавые тельца — признак удушья... Сель нес ветки, деревья, шишки, остатки насекомых и грызунов — все это найдено в том слое. Радиоуглерод показывает 11 800 лет. Такой ответ пришел из Ленинградского университета, куда я послал кусочки ископаемого дерева. Я написал в Дублинский университет, и мне ответили, что возраст ила в озере Нонакрон в Ирландии тот же — 11 800 лет. Нули вместо двух последних цифр объясняются возможной погрешностью метода. Оказывается, время года, даже месяц можно определить точнее, чем год. Атлантида погибла летом, скорее всего в июле, об этом свидетельствуют остатки насекомых.

— В июле, — задумчиво откликнулась Рута. — Когда паслись мамонты...

Я попросил ее рассказать об антиразуме.

— Антиразум — это иной темп времени, это жизнь, базирующаяся на вакуум, — сказала она. — Отсюда призывы покинуть Землю, разрушить ее с помощью геологических бомб, созданных квазилюдьми будущего, ибо она лишь помеха, как помеха — нынешние люди, их прошлое, их культура, память, уводящие в сторону от использования энергии вакуума. Вот вкратце кредо энтропийного разума. Планеты лишь пена в океане вакуума. А главное — скорости! Скорость мысли, скорость передвижения... Антиразуму мешают комки протоплазмы с их титановыми кораблями, мешают густки вещества, именуемые звездами и планетами. Что из того, что Франс Гальс или Леонардо да Винчи — гении? Что Ван Гог изобразил на своих полотнах звездное небо с такой точностью, что к ним можно обращаться с большим успехом, чем к астрономическим справочникам? Что поэзия Тютчева свидетельствует о генетической памяти, поскольку передает эмоциональные обороты, обычные для русов — сынов леопарда шестого тысячелетия до нашей эры? Ничего из этого не следует, а если и следует, то лишь одно — все это должно быть поскорее забыто, как пережитки прошлого, эту пуповину следует перегрызть, чтобы оторваться от Земли, от Солнца и уйти в беспредельность вакуума, затем — сверхвакуума Метагалактики. И если человек Земли еще сильно привязан к земному началу, нужно помочь ему освободиться от него. Для этого хороши все средства, поскольку конечная цель, с точки зрения антиразума, благородна и возвышенна. Сбить с толку, ввергнуть в безумие, пустить свершения рук человеческих по замкнутой петле времени, уничтожить генетическую память, а затем память обычную, заменив ее на первых порах электронно-цифровой, а затем — сделать привилегией особого центра, без права доступа туда...

— Неужели можно думать о таком?! — воскликнул я, —

О страшной метаморфозе, которая искоренит все человеческое?

— Это же антиразум! Он надеется на гораздо большее: на то, что все это и многое другое удастся осуществить руками и талантом самого человека.

— Немыслимо!

— А вся галактика? В ее сердце зияет черная дыра. Там нет инфракрасного излучения, оно всасывается в невидимую воронку, об этом уже пишет Чарлз Таунс из Калифорнийского университета. И если только не удастся, не выйдет — антиразум постарается втянуть всю галактику в эту воронку, из которой ничто никогда не возвращается! Но управление черными областями — и антиразум знает это — по силам кроманьонскому разуму, по силам человеку.

— По силам... — как эхо откликнулся я и вдруг почувствовал, как что-то сжалось сердце. Может быть, это было одно из тех предчувствий, которые посещают меня в преддверии несчастий и горестно-тревожных событий.

АНТИРАЗУМ: НОВЫЕ СИМПТОМЫ

С Санниным приключилась странная история, которая могла насторожить кого угодно. Впервые он столкнулся с необъяснимым, с нарушением очевидных законов, к которым привык со студенческой скамьи. Я внимательно слушал его и вспоминал давнюю историю с пурпурным золотом египтян. Кое-какие подробности Санин помог мне восстановить в памяти.

Известный американский ученый Роберт Вуд заинтересовался этой проблемой во время поездки в Египет в начале тридцатых годов. К тому времени, сообщил Санин, золото темно-пурпурного цвета не только не было изучено, но отсутствовала даже гипотеза относительно его происхождения. Оно могло изменить оттенок в результате химических реакций за те три тысячи лет, что пролежало в земле. А может быть, мастера египетских фараонов владели секретами, которые утрачены?

— Вопросов много, ответов не было, — заметил Санин. Его серые глаза казались усталыми.

На старинных украшениях Вуд ясно различал какой-то орнамент — это были розовые и красные блески и звездочки, похожие иногда на плоские кристаллы. Вуд часами рассматривал тончайшую пурпурную пленку, покрывавшую золотые вещицы, так не похожие на современные изделия ювелиров. На одной из сандалий фараона Тутанхамона он обнаружил правильное чередование желтых пластинок и алых розеток — это создавало красивый и неповторимый узор.

Вуд стал завсегдатаем Каирского музея. И он нашел подобное же украшение на короне царицы из следующей после Тутанхамона династии. Похоже было, что секрет передавался от отца к сыну.

Вуду удалось получить, или, попросту, выкрасть, кое-что из сокровищ Тутанхамона и произвести анализ крохотных пленок пурпурного золота.

Все это он описал в британском журнале «Археология Египта».

— Самым интересным было сообщение Вуда о микроструктуре украшений, — сказал Санин. — На поверхности он обнаружил таинственные шаровидные выступы. Вуд назвал их бутончиками.

— Что же было дальше?

— Дальше было гораздо хуже. Я попытался повторить опыты Вуда. Собрал простую лабораторную установку. В запаянную кварцевую трубку поместил несколько крупинок золота, сплавленного, как сообщил Вуд, с мышьяком и серой. Часть мышьяка и серы освободилась в виде пара и светилась внутри трубки. Я должен был затем открыть трубку, охладить насыщенное газами золото и обнаружить эти бутончики Вуда... Пойдем, я покажу тебе ее.

Мы прошли с ним на кухню, которая, я думаю, выдержала множество опытов такого рода, но все еще не взлетела на воздух, быть может, лишь по счастливой случайности. Встав на стул, он нашарил рукой на кухонном шкафу остатки установки и разместил их на столе. Это были тигли, две кварцевые трубки, одна с причудливым зажимом на конце, штатив, система линз.

— Вот в этой трубке я заметил ярко-красное свечение мышьяка и серы, — продолжил рассказ Санин. — Убавил огонь. Стал охлаждать кварц. И замер. Представь себе один-единственный луч заходящего солнца. Тонкий, как игла, пронзительно-красный, горячий. Вот такой именно луч неожиданно вырвался из трубки. Он прошел в пяти сантиметрах от моего лица. Наклонись я за штативом — со мной было бы покончено. Что? Преувеличиваю?.. Ты бы видел, что тогда произошло! Вот здесь остался след.

Он показал мне крохотное отверстие в стене. Оно было идеально ровным. В руке моей оказался кусок проволоки, и я по его просьбе попробовал осторожно просунуть туда проволоку и оценить глубину следа. Проволока вошла на всю длину в отверстие.

— Луч этот прожег стену дома насквозь. Теперь понял?

— Что же осталось в трубке?.. Там же было золото.

— Ничего не осталось. Оно улетучилось. На кварце с внутренней стороны есть черное кольцо, вот взгляни-ка... Это мышьяк. И больше ничего.

— Но не лазер же вдруг заработал у тебя на кухонном столе!

— Нет, не лазер. Потому что энергии лазера такого веса, как моя установка, не хватило бы на подобный фокус.

НА ШОССЕ БЛИЗ БОА-ВИСТА

Передо мной письмо. Я не знаю имени того, кто его написал. Подписи нет...

«Дорогой друг, — начинается письмо, — мы знаем, как тяжелы утраты. Но если будет нужно, мы готовы снова повторить все — от первого шага до последнего. Так бы сделала это Рутте. Так бы это сделал Синно».

Письмо выпало из моих рук. Я сжал голову ладонями. Не

знаю, сколько прошло времени. Я встал, вышел на улицу. Была уже ночь, ясная сентябрьская ночь, и звезды медленно плыли совсем рядом. Прошел ровно год с того дня, когда я впервые увидел Руту. Редкие огни машин казались вестниками из другого мира. На нашей улице кое-где еще горел свет в окнах.

Я брел до самого лесопарка, где шумели темные и таинственные сейчас кроны вековых деревьев. У берега озера, напротив острова, я разделся и поплыл, впитывая холод медленных струй, потом лежал на песке, на жухлой истоптанной траве, не ощущая холода, не чувствуя ничего, кроме раны, от которой сжалось сердце...

Я вернулся под утро. Нашел в конверте вырезки из газет на испанском. И, как прежде, светлая строчка перевода бежала по колонкам.

Синно и Рута выехали из Боа-Виста на спортивной машине. С ними были, как я полагаю, кое-какие документы о затерянном в бразильских джунглях городе, хотя Боа-Виста удален от него на значительное расстояние. Главная и самая трудная часть маршрута была позади. К северу от Риу-Бранку есть шоссе. Там это произошло. Некий Копельо, который был задержан три дня спустя, признался в соучастии.

Признания начинались с утверждения, что Синно угрожал безопасности Центральноамериканского региона, и это откровение, своей нелепостью напоминавшее разве что классические примеры промывания мозгов, поддержано было и в редакционной статье, печатавшейся на соседней полосе.

«Мы обсуждали два варианта, — писал Копельо. — Первый предусматривал обычные мероприятия». Обычными они были, конечно, лишь с точки зрения гангстера: преградить дорогу, окружить машину и пустить в ход оружие, если Синно не пожелает сдаться.

«Но предложение сдаться на милость победителя было лишь тактической уловкой, — признавал Копельо. — Нежелательный иностранец подлежал ликвидации».

Сам лексикон этого пропитанного ромом джентльмена удачи не оставлял вроде бы места для сомнений. Однако он не был джентльменом удачи, вот в чем дело. За спиной его стояли грозные силы, и я это знал.

Второй вариант заключался в том, чтобы найти добровольца, который дал бы гарантии. Эти гарантии стоили денег, и немалых. Сколько же предлагал Копельо добровольцу за убийство? Пятьдесят тысяч долларов... Имени этого добровольца он не назвал.

В конце концов оба плана были забракованы. Кем именно — об этом пресса умалчивала. Позже я выяснил, что нити убийства тянулись к целой организации, и там, в ее недрах, они исчезали, как это часто бывает. Она была лишь удобной инстанцией для антиразума.

Что же произошло на шоссе?

В семнадцать часов того самого дня из города выехал «джип» с тремя людьми, одетыми в форму военной полиции. За «джипом» следовал грузовик. На шоссе, в семнадцати километрах от города, обе машины остановились. Из кабины грузовика вышли двое в штатском платье, на них были темные комбинезоны и

американские ботинки на толстой резиновой подошве. Они выкатили на шоссе пустые железные бочки и стали наполнять их камнями. Один из тех, кто ехал в «джипе», наблюдал. На работу потребовалось пятнадцать минут. На шоссе было устроено нечто вроде пропускного пункта. После этого грузовик повернул в город. «Джип» отъехал от места засады, возле бочек остались двое. Машина Синно остановилась у бочек с камнями через пять минут после того, как грузовик ушел обратно в город.

— Там женщина! — воскликнул один из переодетых в форму полиции.

В тот же миг «джип» вырвался из укрытия, устроенного из пустых ящиков. Двое — шофер и его напарник — оба в форме сержантов военной полиции — открыли стрельбу. Еще через минуту все было кончено.

Почему Рута и Синно оказались беззащитными? Для борьбы с антиразумом надо вооружаться!

Синно был убит. Рута тяжело ранена...

СЫНЫ ЛЕОПАРДА

Она хотела рассказать мне о статуэтках кроманьонских мадонн... Только Санину удалось растормошить меня, вернуть к давним делам, к предположениям о плавании этрусков в Америку, к статьям — своим и чужим.

Если бы я был художником, написал бы портрет. Но можно ли передать хоть малую часть того, что чувствовал я, когда видел ее, когда думал о ней? Может быть, именно на такой вот случай кроманьонцы высекали из камня своих мадонн, а их потомки еще и записывали их голоса, дополнявшие образ.

В те дни случилось так, что я снова как бы услышал неровную поступь антиразума. Я был у Санина. Сидя в старом кожаном кресле, рассеянно слушал его. Я знал почти все, что он мог сказать, но слушал внимательно: голос успокаивал. Мне легче было забыть с ним тот простой факт, что даже инопланетяне во всеоружии техники оказались бессильны против антиразума. Или, может быть, как раз потому они и оказались бессильны, что техника ослабила иммунитет разума?

Я понимал, что археологи еще не в силах восстановить все ступени, ведущие человека вверх. И Санин пытался проследить этот первоначальный период, который, по нашему убеждению, начинался со времен Атлантиды. Платон писал о войне, которую вели атланты в Средиземноморье. Атланты вознамерились поработить всех, кто населял побережье по эту сторону Гибралтара. Однако они потерпели поражение. Почему? Платон не ответил на этот вопрос. Ясно одно: в Средиземноморье нашлась сила, которая опрокинула атлантов. Это были восточные атланты, кроманьонцы Малой Азии.

— Восточные атланты... — повторил Санин. — Я называл их так. Города их на побережье уничтожены потоком, но позднее вдали от побережья поднялись поселения Чатал-Гююк и Чайеню-Тепези, найденные археологами. Это поселения восьмого-седьмого тысячелетий до нашей эры! Почти то самое время,

о котором пишет Платон. Обрати внимание на любопытную деталь: при раскопках найдено тридцать поколений священных леопардов, высеченных из камня. Тридцать! Леопард сопровождал восточным атлантам, всей их цивилизации. В четвертом тысячелетии до нашей эры хатты называли леопарда «рас». Это близко к родственному слову «рысь»... И было племя расенов-росенов, которое позднее переселилось на Апеннины, в нынешнюю Италию, и стало известно грекам под именем этрусков. Общий язык древности — это язык восточных атлантов, пра-язык. В этруском слове «тупи» осталась память о потопе. Слово это означает также кару. Тупи — топь. Таков дословный перевод. Но у этрусков не было мягкого знака, его роль выполняла буква «и», а гласные буквы тогда звучали неотчетливо, часто они вообще пропускались. «У» звучало почти как «о». Топь! Свидетельство потопа!..

Я соглашался с Санниным. Я мечтал о находках таких же древних городов и поселений в Америке, где странствовал Фосетт. Саннин умолк, и в эту минуту страх сжал мне сердце. Это был странный, необъяснимый приступ. Должно быть, и Саннин испытал нечто похожее. Зерна зрачков его серых глаз расширились. Мы молчали с минуту, вслушиваясь в темноту за окном. Там скользили тени, и если бы они были похожи на силуэты людей, то я нашел бы в себе силы улыбнуться. Но пришло опять это слово — антиразум, — и я точно окаменел. Саннин первым пришел в себя. Он ни слова не сказал об этих тенях, и только позже я понял, что он не в первый раз, наверное, испытывал нечто подобное...

НОЧНОЙ ЭЛЕКТРОПОЕЗД

Утром я выписывал названия рыб, которые обитали близ берегов Атлантиды. Атлантические осетры с оливково-зелеными спинами, серебристые лососи, угри с желтоватыми боками, прозрачные зеленоватые корюшки, круглая масляная рыба с синей спиной, миноги, похожие на змей, скаты. Кроманьонцы били этих рыб острогами, ловили на мелководьях сетями и просто руками, а если надо, ныряли на глубину до восьмидесяти метров.

Позже, вечером, я печатал копии фотоснимков, которые мне прислали. Две давние истории интересовали меня в связи с проблемой антиразума.

В пятьдесят девятом году в пустыне Гоби найден отпечаток ботинка. Возраст песчаника с этим отпечатком — миллионы лет. В Америке, в штате Невада, в слоях, относящихся к триасу, также есть отпечаток подошвы ботинка со следами стежков. Фото документально засвидетельствовало сей факт, но само по себе не помогало ответить на занимавший меня вопрос. Что это? Первая поступь разума на нашей планете?..

В полночь смутное предчувствие встревожило меня, но я не обратил на него внимания. А ведь мог разыскать Саннина дома или на улице. в библиотеке или в гостях, где угодно... мог!

Ночью его нашли на железнодорожной насыпи. Машинист электровоза сообщил на очередной станции, что видел челове-

ка, который пытался взобраться на насыпь, но не успел этого сделать. Он упал как будто бы сам по себе, в пяти шагах от электровоза.

...Место мне хорошо знакомо: ветка Рижской железной дороги близ платформы Гражданская. Но что ему понадобилось там глухой октябрьской ночью?..

Умер он от разрыва сердца. Что вдруг случилось? Правда, Санин буквально балансировал в последний год на грани жизни и смерти. Вспомнились опыты с египетским золотом, вспомнились и другие случаи. Я вижу его поздней ночью так ясно, как будто это происходит наяву, а не в моем воображении. Он устал, его преследуют неудачи. Он, в сущности, одинок. Что ему помешалось? Зачем понадобилась ночная прогулка?

Пасмурная, октябрьская ночь, всюду слякоть, лужи, мокрые листья липнут к шпалам... Он словно бы испытывал судьбу в поздний час близ насыпи, как я испытывал ее месяц назад.

* * *

Строчки некролога из журнала, где он печатал статьи и очерки об этрусках и latinoамериканских цивилизациях: «Умер В. Санин, писатель-историк, автор книг «Сыны леопарда», «Этруская тетрадь», «Восточная Атлантида». В последние годы он изучал культуру майя и ацтеков...»

Что я знал о нем?

Трехлетний мальчик с матерью плывет на пароходе к отцу. Пароход минует пролив Лаперуза, и здесь его останавливает японский военный катер. На всю жизнь осталось воспоминание: жаркое солнце над морем, деревянный настил палубы с бухтами канатов, ящиками, бочками. Люди, сидящие на брезенте... Так проходит день, и никто не знает, что будет с кораблем, с людьми.

Потом — раннее детство в стране сопков, распадков, быстрых ручьев и рек. Вот что я прочел в его записной книжке: «В серые дни лета, когда не было солнца, моросило или набегали в долину туманы, я дочитывал книгу, дожидавшуюся меня несколько дней, шел в библиотеку и там проникал в узкие затененные проходы между стеллажами. Меня пускали туда как знакомого, я листал книги стоя, а если попадало что-нибудь интересное, садился на подоконник и глотал страницу за страницей. Это были удивительные часы странствий по джунглям и пустыням, южным морям и островам».

Вот запись на последней странице этой же книжки: «Я и не подозревал, что самое удивительное место на земле — голубая долина, которую я видел каждый день. То была она чаще, в которую сыпались легкие северные дожди, то представляла в желтом и зеленоватом свете солнца, опускающегося за оперенные облаками гребни горных лесов, и казалась лишь миражем, маревом, прибежищем теней, то, наконец, в прямых полуденных лучах обретала плоть и жарко искрилась, сверкая лентой реки, нитями ручьев на крутых склонах сопков».

Позднее — трудная юность, учеба, работа, тысячи прочитанных книг, когда он словно ошупью продвигался к своему настоящему призванию.

У него был характер кроманьонца, иначе он не смог бы сделать и сотой доли того, что успел сделать. Это далекие голубые и синие горы, лишь издали кажущиеся неприступными, подарили ему бродячую натуру и стойкость.

...Все дни его жизни описаны в удивительных книжках с пожелтевшими страницами! И потому он для меня остался живым.

* * *

Неделю я провалился в постели: болезнь сковала меня, и врач лишь успокаивал, но не мог ничего поделать. Я вспоминал древние рецепты кроманьонцев: змеиный яд пользовался у них особым почетом. Атланты применяли его с неподражаемым искусством. Я сосредоточивался, представлял себе, как капли яда просачиваются в меня, изгоняя смертельного врага. Имя же этого врага я боялся произносить даже мысленно: иначе, мне казалось, он останется непобедимым. Мне хотелось одолеть его, чтобы дожидаться новой встречи с теми, кто путешествует в титановых левитрах от одного звездного острова к другому, как на картине «Корабль с восемнадцатью левитрами в созвездии Центавра».

По ночам мне снились их корабли, сверкающие следы среди россыпей Млечного Пути таяли и манили, и тогда казалось, что тело мое обретает легкость, подвижность, и я могу сам устремиться ввысь и вдаль подобно тающим лучам, пробегающим по небосводу. Увы, утром все оставалось на местах. Тусклая заря подсвечивала стену дома напротив моего окна. Отдернув занавеску, я всматривался в молочно-серую муть. Мне казалось, что это цвет безысходности. Мечта складывала крылья.

Позже, несколько дней спустя, кроманьонский секрет помог мне, и я снова увидел город, основанный потомками атлантов. Только теперь он высоко возносил колонны и крыши к ясному небу и был залит солнцем. Змеиный очищающий яд струился в моих жилах, когда я вспоминал змею на булавке Руты, — священную кобру точно такую, какая украшала некогда и головной убор Нефертити. Я понял назначение алых лент, струившихся по стройной шее вечной женщины, лепестков мака и васильков на ее груди — символов жизни, которая никогда не прервется, стоит лишь однажды познать ее тайну. Не прервется, если не спит разум, если веришь в него.

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Юрий КИРИЛЛОВ,
Виктор АДАМЕНКО

Фантастический рассказ

Инспектор ГАИ лейтенант Глебов обратил внимание на то, что водитель, севший за руль поливочной машины, припаркованной у ресторана, не очень уверенно выехал на шоссе. Скорее для порядка, чем подозревая какое-либо нарушение, Глебов сообщил по радиации сержанту соседнего поста ГАИ номер машины и попросил за ней проследить. Дорога параллельно озеру шла прямо к посту соседа и только потом разветвлялась. Следовательно, деться машине было некуда.

Вскоре заработала рация, вызывал сержант.

— Вы о какой машине, товарищ лейтенант, предупреждали? По времени пройти вроде бы должна, но до сих пор не было.

— Может, не заметили?

— Кто, я не заметил? — в голосе явно прозвучала обида.

Глебову стало неловко перед сержантом за то, что зря он его заподозрил в недобросовестном отношении к своим служебным обязанностям. Недовольно взглянув в сторону ресторана, лейтенант вдруг увидел... ту же самую поливочную машину, которая так неожиданно исчезла из поля зрения ГАИ. В первое мгновение он подумал, что ему все померещилось: машина стояла на прежнем месте, а водитель уже спрыгнул на землю, захлопнув дзержу. В руках у него был «дипломат».

Глебов поднес к губам милицейский свисток. Странный водитель не обратил никакого внимания на звонкую трель. Почти бегом лейтенант догнал неизвестного.

— Товарищ водитель, вы почему не реагируете, когда вам предлагают остановиться? — достаточно строгим голосом обратился инспектор к нарушителю. Тот замедлил шаг, потом остановился, поставил рядом чемоданчик. Наметанным глазом лейтенант как бы сфотографировал человека с «дипломатом»: среднего роста, светловолосый, с залысинами на висках, лет тридцати с небольшим, лицо для профессионального шофера, пожалуй, слишком нервное и бледное. — Ваши права, пожалуйста, — протянул руку инспектор.

Неизвестный даже не сделал попытку достать документы. С наигранным, как показалось Глебову, удивлением произнес:

— Какие права? Я не понимаю, о чем вы говорите. Вы меня, по всей вероятности, с кем-то спутали.

Глебова ошеломило такое нахальство.

— Я не имею привычки путать, — с металлом в голосе ответил он. — Я видел, как вы куда-то уезжали на поливочной машине, видел, как вы вернулись. Предъявите ваши документы.

Пожав плечами, неизвестный вынул из глубокого нагрудного кармана пиджака паспорт, уронив при этом на землю визитную карточку. Подняв ее, инспектор прочитал: Владимир Иванович Сергеев, кандидат технических наук, младший научный сотрудник лаборатории автоматизированного перевода института кибернетики.

— Кстати, — заметил с иронией Сергеев, — ваш водитель легок на помине. Я думаю, ему легче будет ответить на интересующие вас вопросы.

Инспектор обернулся и увидел, что за рулем злополучной машины по-хозяйски расположился какой-то человек.

Немолодой загорелый шофер в ответ на требование лейтенанта беспрекословно предъявил старенькие водительские права. Они были у него в полном порядке.

— Куда вы только что ездили? — строго спросил Глебов.

— Только что ездил? — повторил водитель. — Никуда я не ездил. За «Боржомом» ходил вон туда, — и он указал рукой в сторону ресторана. — С кислотностью у меня не в порядке. Вот, все бутылки на месте в этой сумке. Я на минуту только заскочил.

— На минуту? А ключи в машине оставили? — высказал предположение лейтенант.

— Оставил, — сознался шофер, — я же на минуту.

— Ушли на минуту, а отсутствовали целый час, — на этот раз уже резким тоном сказал инспектор. — А тем временем ваша машина неизвестно где разъезжала.

Лейтенант вспомнил о подозрительном поведении Сергеева. «Если тот действительно угнал на время поливочную машину, — подумал он, — то с какой целью и куда?» Найти теперь кандидата наук будет нетрудно, инспектор запомнил его адрес.

— У вас ничего не пропало? — спросил Глебов у шофера.

— Все на месте, товарищ начальник. Только вот воду кто-то слил. Полная цистерна залита была. И колеса в грязи. А вон, видите, тина на задней раме, видно, на озеро зачем-то ездили. Я свою машину всегда в чистоте держу.

Инспектор чертыхнулся и медленно пошел к посту ГАИ, возле которого стояла служебная «Волга». Надо было ехать на озеро выяснить причину загадочного рейса туда поливочной машины.

Поздно вечером вернулся домой Глебов. Поездка на озеро ничего не дала. Хотя он нашел участок берега с отпечатками задних колес грузовика. Видно, водитель, чтобы слить воду из цистерны, зачем-то въехал в озеро, почему-то резко обмелевшее за последние дни.

И вот теперь, когда Глебов, напившись чаю, лег спать, события дня стали разворачиваться перед ним как на экране, заставляя напряженно работать мысль. Прав оказался сержант, не проезжала машина мимо него, если свернула зачем-то к озеру. Допустим, кандидат наук заметил в кабине ключ, оставленный шофером, сел за руль, поехал к озеру, слил воду из цистерны и возвратился на прежнее место. Но зачем?.. А если они знакомы — шофер и этот Сергеев? Водитель специально оставляет в машине ключ, а на сиденье — «дипломат». Сам

же уходит в ресторан. Сергеев в условленное время подходит к машине, садится за руль и едет к озеру. Там, вдали от посторонних глаз, знакомится с содержанием «дипломата», что-то кладет туда или что-то берет. Затем, чтобы случайно не привлечь к себе чье-то внимание, сливает воду из цистерны: дескать, подъехал к озеру по делу. Здесь мысли инспектора начали путаться. Если водитель поливочной машины и Сергеев знакомы, то зачем ему, водителю, было обращать внимание лейтенанта на пустую цистерну?..

«А вдруг гражданин Сергеев — это не настоящий Сергеев, а похожий на него как две капли воды преступник, убивший или обокравший кандидата наук и действующий под его именем?» — мелькнула мысль.

По натуре своей Глебов был увлекающимся человеком. Уж если загорелось ему, не мог он обрести покоя. Вот и теперь мысли громоздились, не давали уснуть.

Лейтенант встал и начал одеваться.

В большом городе в эту августовскую ночь не чувствовалось прохладного дыхания приближающейся осени. Дома, весь день впитывавшие солнечное тепло, теперь щедро отдавали его окружающему пространству. Город спал, и это, казалось, понимали даже редкие автомашины. Днем суетливо нахальные, бесцеремонные, сейчас они бесшумно мелькали, словно скользили на цыпочках, боясь потревожить чуткий сон города.

Отыскав улицу и дом, указанные в паспорте, Глебов вошел в подъезд. Лестница была узкая, исцарапанная по всей стене неровными буквами.

Внезапно наверху скрипнула дверь. Инспектор инстинктивно сделал несколько шагов в сторону и встал в тень. По лестнице быстро спускался человек. Когда он оказался под лампочкой, горевшей над дверью подъезда, Глебов узнал Сергеева. В руках у него был все тот же «дипломат».

Несколько раз перехватив «дипломат» то в левую, то в правую руку, будто он был непомерно тяжелый, Сергеев пересек улицу и вошел в подъезд другого дома. Там он решительно нажал кнопку звонка. Через некоторое время засветился «глазок» и дверь приоткрылась.

— Дмитрий Федорович, — произнес в узкую щелочку Сергеев, — прошу извинить за столь позднее беспокойство, но дело чрезвычайно важное. Прежде всего разрешите представиться: я — Владимир Иванович Сергеев, кандидат технических наук, младший научный сотрудник института кибернетики. Мое имя, я думаю, вам ни о чем не говорит. Вас же я знаю хорошо по вашим трудам, хотя лично общаться не доводилось. Сейчас я решил обратиться именно к вам, потому что убежден: только вы можете помочь. Исключительный случай, Дмитрий Федорович, больше того, просто невероятный. И дело очень срочное, иначе я не рискнул бы обратиться к вам ночью...

Взволнованная речь посетителя, видимо, произвела должное впечатление на хозяина квартиры, так как вскоре послышалось звяканье снимаемой цепочки.

Перед Сергеевым предстал немолодой, с пышной копной седых волос крепкий мужчина в пижаме и домашних тапочках. Лицо его, несмотря на экстравагантность ситуации, было совершенно невозмутимо и доброжелательно, взгляд по-деловому сух.

— Я понимаю, что мое вторжение слишком неприлично и требует немедленного объяснения, — начал Сергеев, входя в комнату.

— Видите ли, — холодно прервал его хозяин квартиры, — мой большой жизненный опыт подсказывает мне, коллега, что вы не по пустякам решили отобрать у меня часть времени, отведенного для сна. Режим, жесткий режим — для меня святое понятие. И я надеюсь, что вы не злоупотребите моим доверием.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Владимир Иванович, раскрыл «дипломат», вынул из него небольшой прибор, положил на письменный стол и начал объяснять: — Этот прибор сконструирован мною для дешифровки различных символов, узнавания языка и синхронного перевода с них, а также с выбранного языка на любой другой, естественно, и на русский. Информацию в него можно вводить как в виде текста или рисунков, так и в виде звуковых или электромагнитных волн...

Сергеев достал из «дипломата» стопку бумаг и передал их собеседнику. Тот просмотрел их сперва небрежно, но затем лицо его выразило крайнюю заинтересованность.

— Так, — произнес наконец Дмитрий Федорович. — Все это необыкновенно интересно. Но почему ночью? Какая в этом необходимость?

— Дело слишком необычное. Все, что вы сейчас узнали, — пустяк по сравнению с тем, что я хочу вам рассказать. Что вы думаете о внеземных цивилизациях?

Заинтересованность Дмитрия Федоровича как рукой сняло.

— Может быть, они и существуют, — пожал он плечами, — но никто еще этого не доказал.

— А если я представлю вам доказательства?

— То есть, попросту говоря, вы хотите официально представить меня инопланетянам? — игривым тоном сказал Дмитрий Федорович. — Не знаю, правда, насколько это будет в данный момент соответствовать правилам хорошего тона. По нашим, земным, представлениям для встречи на таком уровне моя пижама не выдерживает критики.

— Поверьте, я не шучу, — с достоинством сказал Сергеев. — Эти доказательства я получил с помощью моего прибора. Мне случайно удалось перехватить и расшифровать странный сигнал. Вот послушайте.

Сергеев вынул из «дипломата» магнитофон и включил его. Кабинет наполнился тихими шелестящими звуками. На фоне этих звуков прозвучала бесстрастная синтезированная речь:

«Взлет невозможен... резервы озера исчерпываются... энтропия растет... возможен взрыв, который...»

— Ничего не понял, — сказал Дмитрий Федорович, когда умолк искусственный голос. — Какое-то озеро, взрыв. При чем здесь инопланетяне?

— Сейчас объясню, — взволнованно ответил изобретатель. — Я был с женой в гостях у знакомых и взял с собой дешифратор. Наши друзья хотели услышать синхронный перевод одной мексиканской песни, которую исполняли по телевизору. Где-то в середине перевод был прерван вот этим текстом.

— М-да, — с иронией произнес Дмитрий Федорович, — припоминаю нечто подобное. Когда-то за рубежом были публикации о том, что в некоей стране любитель сенсаций, кстати профессор, демонстрировал прессе магнитофонную запись каких-то голосов, которую он сделал в абсолютной тишине. Феномен, бесспорно, интересный. О нем, правда, сообщалось в основном на страницах сатирических изданий.

Сергеев молча развернул номер местной газеты.

— Вы и опубликовать уже успели? Ну-ка, ну-ка, — сказал Дмитрий Федорович и сменил очки. — И, конечно, в рубрике «Загадки природы»?

Владимир Иванович снова промолчал, а его скептически настроенный собеседник торопливо пробежал глазами газетную статью, озаглавленную: «Необъяснимый феномен».

«На днях жители нашего города супруги Петровы обратились в редакцию газеты с просьбой рассказать о причинах внезапного обмеления Голубого озера. Другие наши читатели пишут о том, что некоторые любители рыбной ловли, сидевшие с удочками на берегу в течение нескольких часов, совершенно посидели...»

Далее член Географического общества некто Миронов авторитетно излагал возможные объяснения необычных явлений, ссылаясь на примеры похожих событий, происшедших в разное время и на разных континентах.

— И вы считаете, что все это взаимосвязано? — спросил Дмитрий Федорович.

— Уверен.

— Завидую молодым. Всегда во всем уверены.

— А если все правда! — горячо возразил Сергеев.

— Какое же вы приняли решение?

— Может, не самое лучшее, — смутился Сергеев. — Там недалеко увидел поливочную машину с полной цистерной воды. Водитель куда-то ушел, забыв ключ. Водительские права в принципе у меня есть. Я сел за руль, приехал на озеро и вылил в него воду из цистерны.

Дмитрий Федорович изумленно посмотрел на него и засмеялся. Потом вытер слезы и заявил серьезно:

— То, что вы в нелепое положение ставите себя, — дело ваше. Но меня — увольте. А теперь я вынужден с вами проститься, час поздний. Инопланетяне могут не спать, а у меня завтра, то есть уже сегодня, много дел.

Сергеев молча встал и направился к выходу.

— Да, кстати, — окликнул хозяин квартиры, когда Сергеев уже открыл дверь. — Почему бы вам не обратиться к властям? Опасности, грозящие городу, — по их части.

...Выйдя из подъезда, Сергеев увидел перед собой человека в милицмейской форме.

— Инспектор ГАИ Глебов. Помните, я принял вас за водителя поливочной машины?..

— Да, да, — растерянно проговорил Сергеев. — Должен принести вам свои извинения. Я действительно ездил на этой машине на озеро. Готов понести наказание. Но прошу на несколько дней оставить меня в покое.

Глебов сделал вид, что не слышал последних слов.

— О чем вы там говорили? — спросил он, показав пальцем вверх.

— Это наше дело...

— О каких опасностях для города шла речь? — невозмутимо спросил Глебов.

Сергеев вздохнул и начал рассказывать.

— Да, — сказал Глебов, выслушав все до конца, — и вы думаете, это серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Да-а, — снова протянул Глебов. Он подумал о том, что обо всем этом никак не доложишь начальству. Начальству нужны доказательства. А что предъявишь, кроме сомнительных утверждений Сергеева?

Но сам он, инспектор ГАИ Глебов, верил. Может, потому, что привык на службе придавать значение каждой мелочи, или потому, что любил почитать фантастику в свободное время?

— Что же делать? — сам себя спросил он.

— Вам приходилось читать про мальчика, который спас целую страну?

— Как это?

— В Голландии вся обитаемая поверхность суши расположена ниже уровня моря. Люди, ясное дело, живут там под защитой дамб. Однажды мальчик заметил щель в дамбе и понял, что грозит ему и его соотечественникам. Людей поблизости не было, а бегать разыскивать их — значит терять драгоценное время. Он заткнул щель рукой и стоял так долгие часы, пока не подошли другие люди. Видите ли, порой случается, что от твоего личного решения, от твоего единственного поступка зависит будущее твоих соотечественников. Понимаете вы меня?

— Понимаю, — сказал Глебов. И подумал, что доложить обо всем начальству он сможет днем, а сейчас вместе с этим гражданином Сергеевым надо съездить к озеру и оглядеться.

Светало, когда они на пойманном на улице такси подъехали к берегу озера. Воды не было видно, илистый берег уходил в белый плотный туман.

— Смотрите! — воскликнул Сергеев, указывая на что-то темное, проступившее сквозь туман.

Сергеев быстро настроил свой прибор, но, кроме треска разрядов, ничего не услышал.

— Не до бесед им сейчас, — уверенно сказал он. — Так что будем делать? Не на экскурсию же мы приехали.

— Думаешь, равнута может? — переходя от волнения на «ты», спросил Глебов.

— Я ведь говорил уже, — с досадой откликнулся Сергеев. — Может, и от города ничего не останется. Откуда я знаю. Най-

дут потом десятки вполне возможных реальных причин: болид упал или еще что.

— А если... если, — на ходу придумывал Глебов, — если нам пустить воду. Не речную, правда, а обычную, водопроводную. Хлорированная она, конечно, может, им не подойдет.

— На твоей машине возить будем? — возразил Сергеев.
— Зачем? Нет, ты слушай, — закричал Глебов, — слушай, я здесь знаю, поблизости пожарный колодец есть. Вон там у дороги плита чугунная лежит. Поднять ее нелегко. Подключим пожарный рукав — и в озеро. Там мальчишка воду не пустил и спас, а мы, стало быть...

— А рукав? Его-то где найти?

— Найдем, — уверенно пообещал лейтенант. — У меня в пожарной части приятель служит.

— Как ты ему объяснишь?

— Обойдется без объяснений. Скажу — нужен.

На той же машине — такси они привезли рукав, с трудом сдвинули проржавевшую чугунную плиту. Инспектор ГАИ, не боясь испачкаться, сам спустился по мокрым скользким ступенькам и пустил воду.

— Все, — сказал устало лейтенант, опускаясь на плиту.

И вдруг он вскочил, уставился на озеро. В тумане ясно просматривалась какая-то конструкция и что-то красиво переливалось там голубым светом. Потом по голубому пошли сполохи — оранжевые, фиолетовые, красные. Уши заложило, как бывает в самолете, идущем на посадку. На мгновение Глебов даже закрыл глаза. И тут плеснуло огнем по туману: то ли и в самом деле инопланетяне взрывались, то ли всходило солнце. Дрогнула земля, что-то ухнуло, загудело, запищало и стихло.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил он у застывшего рядом Сергеева.

— Это был корабль. Корабль иных миров.

— Откуда они прилетели и куда улетели? И в чем весь смысл этой экспедиции на нашу планету? — Сергеев молчал.

— Почему они не захотели ничего сообщить о себе? Что я теперь доложу начальству?..

Внезапно затрещал прибор, лежавший в раскрытом «дипломате».

— Мы сами все исправили, — послышался бесстрастный металлический голос. — Мы благодарим вас. Вы сделали все, что могли. Благодарим... благодарим... благодарим...

Стало совсем тихо. Туман на озере таял прямо на глазах, и никакого сияния уже не было — обычный туман, какие Глебов видел много раз.

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

РАССКАЗ

Пули пробарабанили по броне, чвикнули по пуленепробиваемому стеклу машины, и почти тут же заскребли задние скаты — пробили! На языке Годара вертелось такое, что было явно не для ушей сидевшей сзади Поллан.

Проворный Лерой нажал на ручку дверцы и выскочил из машины.

— Назад! — взревел Годар.

Поздно! Щелкнул выстрел, и тонкая фигурка мальчика качнулась, оседая на дорогу. Годар увидел в зеркале метнувшегося сзади машины человека в надвинутом до бровей грязном шлеме, обмотанном вместе с лицом москитной сеткой. И тут вдруг Поллан распахнула дверцу, наклонилась и быстро втянула Лероя в машину. Дверца захлопнулась, и по ней сейчас же прошла автоматная очередь.

— Поллан, ложись! — крикнул Годар, пригибаясь к сиденью.

Они лежали в неудобных позах, боясь пошевелиться.

— Что с Лероем, ты можешь посмотреть?

— Кажется, цел, только царапина на шее...

Они затихли. Наконец вдали послышалась сирена.

— Полицейский патруль, — с облегчением вздохнул Годар и предупредил Поллан: — Не поднимайся, у них может завязаться перестрелка.

Совсем рядом заурчал мотор, резко взвизгнули тормоза, и в боковое стекло машины Годара постучал увесистый кулак. Скосив глаза, Годар увидел закатанный форменный рукав, поднялся и выглянул.

Приземистый загорелый лейтенант пинал ногой опавшие скаты, бурча в выгоревшие усы:

— Убыток монет на триста... Хорошо, что у них не оказалось бронебойного ружья. Завидная машина, за ней и охотились. Ну как, сэр, благополучно отделались?

— Кажется, контужен мой сын, — вглядываясь в бледное лицо мальчика, ответил Годар.

— Давайте его в нашу машину, живо отправим в госпиталь, а на обратном пути захватим ремонтников сменить скаты.

Перепуганного Лероя Поллан сама перенесла в полицейскую машину и положила его беловолосую голову себе на колени.

— Тебе больно шею? У тебя здесь ссадина и кровь...

— Не знаю...

— У него что-то вроде шока, врачи это мигом снимут, — сказал лейтенант и распорядился: — Два патрульных остаются у машины. Садитесь, сэр, — кивнул он Годару, устранившись за рулем.

В полицейском вездеходе изрядно потряхивало, после мягкого хода дорогой машины Годара чувствовались все выбоины старого полотна дороги, сдавленного раскаленными бескрайними песками.

— Сэр, вы никого не заметили из этих бандитов?

— Одного, в грязном шлеме, лицо обмотано москитной сеткой.

— Это из беглых, — определил лейтенант. — Четвертый месяц гоняемся за ними, улизнули чуть ли не с виселицы.

— Грабители?

— Если бы... из «освободителей».

Сворачивая, машина накренилась, подпрыгнув на выбоине, пришлось резко тормознуть. Все сильно дернулись. Лерой протяжно застонал, и сейчас же Поллан испуганно позвала: — Дэвид! Дэвид!

Годар и лейтенант обернулись. Грудь мальчика заливала кровь, она была алым фонтанчиком чуть выше ключицы.

— От тряски растянулась ранка, — определил лейтенант, останавливая машину и доставая из-под сиденья санитарную сумку.

С помощью Поллан лейтенант довольно ловко сделал ребенку перевязку, видимо, это было ему не в новинку. Бинты сейчас же набухли кровью. Лицо мальчика покрылось испариной, он дышал натужно, прерывисто. Поллан прошептала со слезами:

— Он истечет кровью, надо врача, немедленно.

— Везите в ближайшую больницу, — приказал Годар.

— Но это Их больница, — предостерег лейтенант.

— Врач, надеюсь, там есть?

— Да. Их врач.

Годар нахмурился. Лерой хрипел на руках Поллан...

— Поворачивать? Или жать до города? — спросил лейтенант.

— До города больше часа езды, при такой жаре и тряске... Поворачивайте!

И опять дорога, раскаленный песок... Не то что на озере, куда Годар возил Поллан отдохнуть. Там роща, вода, а песок только на пляже.

Свернув с шоссе, машина минут десять шла в песчаном мареве, потом выбралась на старую дорогу и остановилась у белешего под пальмами низкого здания барачного типа.

Молодой негр-санитар в белом переднике легко подхватил раненого и понес в больничку.

Годар, не выходя из машины, остановил Поллан:

— Не волнуйся так, дорогая, Лерой здоровый ребенок, только последи тут... за этими. Я бы остался, но тогда не успею вернуться к вечеру, а ночевать здесь опасно.

Белое платье Поллан, надетое специально для прогулки

к озеру, в пятнах крови Лероя, а лицо, глаза — само отчаяние... Черт бы побрал эту прогулку, это озеро, всех этих «освободителей»!

Поллан кивнула и заторопилась к Лерою. Мальчик был уже в операционной, над ним хлопотал врач. Лерой слабо вскрикивал в полуобморочном состоянии. Врач, болезненно морщась, словно сосуд сшивали ему, шептал:

— Ну-ну, мой кролик, потерпи капельку, совсем чуть-чуть...

Увидев краем глаза возмущенное лицо белой женщины, врач сказал почти враждебно:

— У нас нет ничего обезболивающего, не положено.

Поллан поняла и растерянно сделала шаг к столу, на котором пластом лежал мальчик. Но чем она могла помочь?

Кровь остановили. Врач громко отдавал распоряжения своему малочисленному персоналу:

— Тусен, уберите все. Мэри, записывайте: Лерой Годар, шести лет, стреляная рана в области шеи слева. Давление... пульс... температура... А теперь быстро результат анализа крови. Лаборант!

Вошел немолодой худощавый негр в чистом белом халате, положил перед врачом заполненный бланк и бесшумно исчез за дверью.

Коричневый лоб врача собрался толстыми складками, полные губы вжалась, он поднял темные глаза на Поллан:

— Миссис?..

— Поллан Харпер, — сказала она.

— Миссис Поллан Харпер, — как глухой, крикнул ей врач. — Какая у вас группа крови?

— Вторая, — чуть краснея, ответила она.

Врач опустил черную курчавую голову, думая, потом громко сказал:

— Миссис Поллан Харпер, Лерою Годару нужно немедленное переливание крови, иначе он погибнет, потеря крови от ранения и транспортировки максимальная. Ваша кровь не подходит, у пациента первая группа. Консервированной крови у нас нет, не положено.

— Но разве здесь не найдется подходящего человека? Я хорошо заплачу.

— В нашей больничке только негры, миссис Харпер.

— Какая разница? Главное — спасти ребенка.

— Хорошо. С вашего согласия я сделаю переливание крови.

Обернувшись к стоящему наготове санитару, врач сказал:

— Тусен, приготовьтесь, Мэри, стерильный материал...

Молодой негр, стеснительно улыбаясь, снял передник и полез на каталку. Засуетилась маленькая чернокожая медсестра, доставая инструментарий из бокса. Лероя и Тусена до глаз закрыли простынями, оставив только по одной руке: сильную, с блестящей шоколадной кожей и тонкую, вялую в трогательном золотистом пушке.

После переливания крови Лероя уложили на топчане в крошечном кабинете врача. Мальчик попросил есть.

— Хороший знак, дайте ему, Мэри, вареного мяса и апельсин, — порадовался врач.

Поев, Лерой уснул. Поллан сидела рядом успокоенная, почти счастливая. Все обошлось, и сын Дэвида стал ей по-настоящему дорог.

К заходу солнца вернулся Годар. Устроив сонного малыша и Поллан в своей бронемашине, он протянул чек провожавшему их врачу. Тот крикнул с порога:

— Мистер не ошибся? Здесь указано пятьдесят долларов?!

— Все правильно, док, — сказал Годар, садясь за руль.

— Спасибо вам, — улыбнулась Поллан суровому негру.

Он кивнул, круто повернулся и скрылся в больничке.

— Улыбаться неграм не обязательно, дорогая, — и, смягчая упрек, Годар скалабурил: — Темные личности.

— Он великолепный врач! А пятьдесят долларов врачу по-здешнему не мало?

— Этому вполне достаточно.

В городе Поллан отказалась ехать в свой отель.

— Я остаюсь с вами, — заявила она. — Навсегда. Свадьба сразу после выздоровления нашего сына.

Годар благодарно поцеловал ее тонкую руку. Да, ему здорово повезло с Поллан: богата, красива, любит. А как смела! Выхватила Лероя прямо у смерти и теперь считает его сыном... Он, Годар, тоже не подведет свою подругу: после свадьбы на капитал жены купит все акции алмазных копий, а это верное дело — алмазы.

Через три недели Лерой бегал по дому, звеня смехом и вызывая отца и Поллан на веселую кутерьму. А в канун свадьбы, когда всем было не до него, Лерой после завтрака, ластясь к отцу, стал просить:

— Папа, я поеду с Адамсом? Он звал вчера...

— Бедный Адамс, скучает по своим детям, — сочувственно вздохнула Поллан.

Управляющий Годара, старик Адамс, боялся и черных и белых, страдал от жары и разлуки с семьей. Годар ценил его за исполнительность и честность. Других достоинств у Адамса не было, но и это по здешним местам не мало.

— Хорошо, — сказал Годар сыну. — Но вернетесь к обеду.

Лерой чмокнул отца в щеку и побежал. Годар подошел к окну во двор. Вот сын уже на лестнице, в голубом костюмчике, беловолосый, запрыгал вниз к ожидающему возле своей машины-развалюхи Адамсу. Самовозик управляющего потрусил, дребезжа, к центру городка. Конечно же, старик будет угощать своего баловня мороженым в ресторанчике у фонтана...

За дверями гостиной слышались женские голоса, смех. Поллан примеряла свадебные туалеты, и Годару туда вход запрещен... Он улыбнулся и сел возле журнального столика с кипой газет. Последним в его руках оказался местный листок «Новостей». И сразу бросилось в глаза крупно набранное собственное имя. Пробежав глазами заметку, Годар задохнулся:

— Это... Черт знает что! Они поплотятся!

— Что случилось, Дэвид? — входя, спросила сияющая Поллан.

В такой день ее не следовало волновать, подумал он, тем более пачкотней каких-то «Новостей». Но Поллан уже заглянула через его плечо в газету:

— «Годар сделал своего сына негром», — прочитала она вслух и бросила небрежно: — Какой вздор! Будто от переживания крови можно стать негром или китайцем.

От ее слов у Годара потемнело в глазах. Он резко повернулся и жестко спросил:

— Чью кровь перелили Лерою в этой больничке?

— Санитара, — пожала она плечами на его раздражение.

— Негра?

Вопрос был бессмысленным, у черного врача может работать только чернокожий санитар. Как это ускользнуло от него раньше? Просто он знал, что в госпиталях и больницах всегда есть консервированная кровь доноров. Но как этот черномазый врач посмел влить ребенку кровь негра?

— Да у него, право же, была самая обыкновенная красная кровь, — примирительно улыбнулась Поллан.

— Черная! Черная кровь! — взорвался Годар, тыча в «Новости». — Ты в этой стране всего месяц и не знаешь, что «всякий, в ком есть хоть капля негритянской крови, признается негром, со всеми вытекающими отсюда последствиями», — прочитал он заключительные строки мерзкой статьи. — И ты... ты дала согласие?

— Лерой умирал!

— Ты возьмешь его и первым же самолетом в Европу. Когда все утихнет, вернетесь. Где Лерой?

— Ты же сам отпустил его с Адамсом. Да вот они, машина Адамса под окном, — выглянула она во двор.

Вскоре вошел Адамс. Узкое лицо его было в слезах, руки дрожали:

— Они забрали мальчика, пока я находился в банке.

— Кто — они?! — не дав старику договорить, крикнул вне себя Годар.

— Белые... в штатском. Он кричал: «Адамс, Адамс...» Я выбежал, но их машина уже отъезжала.

— Номер машины?

— Не было номера, и машина новая, незнакомая здесь.

Годар бросился из дома к своему гаражу, к бронемашине, даже не оглянувшись на потрясенную Поллан и старика. Скорее!

Через десять минут он был в полиции.

— Лерой Годар, шести лет? Напишите заявление об исчезновении ребенка.

— Его украли! — крикнул Годар.

— Ну, о похищении, приложите фотографию, укажите время и место, — и дежурный подал лист бумаги.

— Моего малыша знают все, городок-то наш микроскопический, — но дежурный не ответил, и пришлось выполнять формальности.

Принимая заявление, дежурный сказал, не поднимая глаз:

— Зайдите к шефу, так лучше...

После зноя улицы и пропахшей сигаретным дымом дежурки большой кабинет шефа полиции охватывал прохла-

дой. Шеф, невысокий, щуплый, в темных очках, закрывающих половину болезненного серого лица, принял Годара с холодной вежливостью. Этот Сидней Мейли появился здесь недавно, и Годар еще не успел его раскусить, однако не станет же шеф на сторону преступников? Это само собой, и Годар, горячась и сбиваясь, изложил суть дела.

Вслушав, капитан Мейли сказал простуженным голосом: — Лероя Годара привезли к нам люди, заинтересованные в охране прав белых граждан страны.

— Он здесь?! — изумился Годар. — Назовите мне имена этих негодяев!

Капитан оставил без внимания его возгласы. Пояснил с убийственной официальностью:

— Поскольку дело получило огласку, мы изолировали ребенка, чтобы не вызывать возмущения.

— Что? Чьего возмущения? Сажать в полицию ребенка... — и, не находя слов, Годар заметался по кабинету.

— Возмущения общественности, — все так же тихо ответил шеф.

— Слушайте, Мейли, — подсел к столу шефа Годар. — Мы-то с вами знаем, что все это собачья комедия. Отдайте мне ребенка, и я сегодня же отправлю его из городка. А заткнуть глотку этим сволочам «Новостям» для вас пара пустяков. Расходы беру на себя.

Шеф попытался откашляться, потом сказал чуть громче:

— Прежде всего скажите, как вы могли допустить, чтобы вашему сыну влили кровь негра?

Годар онемел. Шеф его подсекает! Если и его самого «изолируют», Лерою никто не поможет. И большой сильный Годар почувствовал себя во власти этого мозгляка-шефа. Не в состоянии преодолеть панического страха, он лепетал, пряча глаза:

— Меня при этом не было... и вообще... сомневаюсь, переливали ли кровь...

— Вы полагаете, что магнитофонная лента сфабрикована?

— Лента?

— Врачи-негры, оказывая помощь белым пациентам, обязаны фиксировать весь ход лечения. Во избежание преднамеренного вреда.

«Поллан!..» — лихорадочно пронеслось в мозгу Годара. Ее голос записан на пленку, она же дала согласие на переливание крови... И он «подтвердил»:

— Именно, лента подложная.

— Мы займемся этим. Дело крайне серьезно. Провокации и насилия над белым человеком стали системой, надо пресекать.

— Да. А сына я теперь могу забрать?

— Пока не будет доказано обратное, факт переливания крови негра вашему сыну налицо. Лерой Годар в этой стране негр. Сожалею.

— Но я, черт побери, должен видеть ребенка! — вскопился Годар.

— Когда это будет возможно — разрешим. А теперь дайте подписку о невыезде и внесите залог. Все это у дежурного.

— Вы спятили? Куда я денусь от сына?

— Таков порядок. Честь имею, — с ангельским терпением попрощался шеф полиции.

Покончив в дежурке с идиотским «порядком», Годар поспешил домой, к Поллан.

— Магнитофонная запись? — переспросила она. — Вот почему врач говорил так громко!

— Немедленно переезжай в отель, они еще приплетут нарушение морали.

— Оставить тебя? Сейчас надо думать об адвокате, а не о разлуке. Вызвать адвоката из Европы не удастся, шеф полиции наверняка перекрыл все пути связи.

— Поллан! Меня они затравят, но твое имя я обязан сохранить незапятнанным.

Она сплела длинные пальцы, прикрыла заблестевшие слезами глаза. Годар обнял ее:

— Ничего, дорогая, я постараюсь постоять за сына и за нас с тобой.

Как только машина с Поллан скрылась, Годар позвонил в контору адвоката Дэнби, единственную в городке.

— Читал, читал, возмутительное дело, — загудел в трубке бас Дэнби. — А малышу действительно влили кровь негра?

Дэнби был консультантом Годара по юридическим делам и никогда не подводил, требуя только правды, дабы не ошибиться в совете. И он умел держать язык за зубами. Поэтому Годар сказал:

— Да.

Дэнби молчал, видимо обдумывая ситуацию. Годар поторопился:

— Посоветуйте что-нибудь, дружище.

— Посоветовать ровным счетом нечего.

— Как?!

— Ваш сын негр, а моя контора не ведет дел цветных клиентов.

— Дэнби, я же заплачу втрое!

— Репутация моей конторы безупречна. Если я возьму ваше дело, от меня откажется половина клиентов. Бережного бог бережет, Годар. Адресуйтесь к Каусону, Старый город, его собственный дом. — И Дэнби положил трубку.

Проклятие! Смазать бы по толстой невозмутимой роже этого Дэнби! Впрочем... Адвокат прав, ради чего ему рисковать половиной своих доходов? Все же дал адрес какого-то Каусона. Кто это? Ни разу не слышал о таком. Но податься больше не к кому, а дело не терпит. И Годар отправился в Старый город, пешком, бронемашина здесь заметное явление, а теперь надо быть подальше от глаз и ушей шефа полиции.

Среди негритянских лачуг маленький домик, оплетенный зеленью. Дверь открыла старая негритянка в черном, молча провела в полутемную от закрытых жалюзи комнату. После ослепительного солнца здесь Годар смог различить только силуэт сидящего в кресле человека. Хрипловатый старческий голос спросил:

— Ваше имя?

— Дэвид Годар.

— А-а... Раз вы пришли ко мне, значит, на этот раз хо-зяева «Новостей» не солгали. Вам нужно добиться разрешения на замену сыну крови негра, на кровь белого чело-века.

— Заменить кровь? Заменить кровь! — оторопел Годар.

— Я не сказал — заменить, — возразил Каусон. — Если негритянский врач переливает кровь пациенту, да еще бело-му, то это отличная кровь. Нужно добиться разре-шения на замену крови, вырвать ребенка у полиции и... по-нимаете? Ну, увезти. Никакие другие меры не помогут. Вам грозит судебный процесс, а ребенку отправка в резерва-цию. — Он вздохнул: — Вся политика пришлых властей — чистейший грабеж. Но и выбить прибыль у своего белого сподвижника тоже неплохо... Будьте готовы к трате денег, сенсациям в печати, суду и, увы, разорению.

Годар казался себе пойманным в клетку для показа улю-люкающей толпе... Каусон больше не собирался говорить.

— Сколько я вам должен за консультацию?

— За такие советы надо не платить, а штрафовать... все у нас поставлено с ног на голову, — проворчал Каусон. — Желаю успеха. Если будет нужда, я всегда дома.

Старая негритянка отворила дверь, и Каусон оказался в по-лосе света. Это был чернолицый седой человек. Негр.

Годар сунул старухе деньги и направился в полицию.

Выслушав Годара, шеф полиции сказал почти шепотом:

— Разумное решение.

У Годара шевельнулась догадка, что шеф сам был не прочь дать именно такой совет. Мейли развил свою мысль:

— В противном случае мы были бы вынуждены привлечь вас к суду, как сообщника негритянского врача... Разрешение вам дадим, но переливание крови надо сделать в государ-ственном стационаре, частный врач может слукавить, деньги соблазнительны.

Годар молчал. Каусон-то оказался прав. Теперь — вызво-лить сына из полиции.

— Где мальчик? — почти мягко спросил он.

— Пока у нас. Но мы можем отправить его в лагерь для цветных, если вы настаиваете.

Это уже откровенное издевательство, Годар закричал:

— Ребенку не место в полиции! Согласен на любой залог.

— Все же думаю, что черным у нас ему быть лучше, чем черно-белым в лагере, — медленно сказал Мейли.

— Не понял...

— Охрана в лагере его будет считать черным, а заключен-ные белым...

Преодолевая нервный спазм, Годар выдавил:

— Оставьте здесь.

— Как только договоритесь с медиками, пусть они мне позвонят. Честь имею.

Честь... с этим полудухлым капитаном не поспоришь, в его тощих руках неограниченная власть. Годар вышел из поли-ции, как пьяный. Не заходя в свой опустевший дом, Годар

вывел из гаража бронемашину и помчался к единственному здесь государственному лечебному учреждению, к госпиталю.

Их городок имел нежилой вид. Однообразные серые дома, в которых люди переживали время надежд, свершения желаний или краха — все скоротечное и связано с алмазными копиями.

Госпиталь находился на окраине, рядом с крошечным парком. Поднимаясь по лестнице, Годар горько усмехнулся: восхождение на Голгофу — полиция, адвокаты, врачи... Что дальше? «Начальника госпиталя сегодня нет, приезжайте утром». Годар не помнил, кто из служащих госпиталя ему это сказал, но отлично понял, что начальнику госпиталя нужно все выяснить у шефа полиции, тогда он и будет «решать» свой медицинский вопрос.

Дома ждал Адамс. Доклад управляющего был убийствен. Акции упали в цене до минимума, банк закрыл счет, служащие в смятении.

— Акции скупает Сидней Мейли, — сказал Адамс.

— Шеф полиции?! Заниматься бизнесом полицейским чинам не запрещается... Значит, шеф старался для себя! — А он-то предлагал Мейли «покрыть расходы» по этому мерзкому делу! Осел несчастный...

— А как же вы, Адамс?

— Меня... оставляют на прежнем месте.

— Управляющим у нового владельца акций? У... Мейли? Что ж, вы ему известны. Держитесь, старина.

Адамс ушел, так и не взглянув в глаза Годару. А что старику делать? Кому и где он еще нужен? А семью надо содержать...

Годар просматривал свежие газеты, оставленные Адамсом. Из паршивых местных «Новостей» его имя перекочевало в большую прессу страны. «Белый негр», «Надругательство над сыном», «Сообщница преступников»... это же о Поллан, и ее не пощадил. Поллан, только она поможет и спасет, перехватив у Мейли акции алмазных копей.

Ехать ночью к «сообщнице» — подливать масла в огонь, и он позвонил.

— Спаси мои акции, Поллан, купи, иначе Мейли задушит меня!

— Шеф полиции... Сколько нужно денег?

— Не так уж и много, я прикину...

— А для Лероя?

— Думаю, в пределах десяти тысяч...

— Понятно, а теперь... Дэвид, ты устал, за ночь ничего не изменится. На тумбочке в спальне снотворное, выпей таблетку. Выпись. Тебе надо набраться сил, попытайся отключиться. А о делах... не телефонный это разговор. Я все обдумаю и утром дам тебе знать. Будь умником. Целую.

На следующее утро он подкатил к отелю. Портье вежливо сообщил, что миссис Поллан Харпер отбыла с первым утренним самолетом в Европу, и подал розовый конверт. Годар сейчас же вскрыл его. Чек на предъявителя — десять тысяч долларов! И ни строчки. Захотелось порвать эту подачку в

ключья... но это деньги, а его счет закрыли. Дешево откупилась проклятая баба! Открыть дверцу машины под пулями, спасти ребенка — благородный риск. А открыть дверь суда, сесть на скамью подсудимых, да еще рядом с негром... бесславно, унижительно.

Уже в машине Годар вдруг осознал: Поллан, алмазные копии, Адамс... все позади. Главное — сын. И он покатил в госпиталь.

Начальник госпиталя принял его в... вестибюле. А где он еще должен принимать отца негра? Годар стал уже привыкать к этой нелепости.

— Итак? — Начальник госпиталя явно торопился.

— Видите ли... нужно заменить мальчику... черную кровь... — мямлил Годар и вдруг спохватился: что он мелет? Врачу, который все знает, которому не нужна вся эта ересь. О деле: — Сколько я должен за фиктивное переливание крови?

— Видите ли... риск слишком велик, — поторговался врач.

— Ваши условия? — с былой властью спросил Годар.

— Десять тысяч. Чек на предъявителя.

Так-то лучше. И, сдерживая вздох облегчения, Годар подал чек, оставленный Поллан. Врач тут же позвонил в полицию. Закончив разговор с Мейли, сухо сказал:

— Жду пациента.

Наконец-то можно забрать малыша!

Заправив машину и выгрузив из своего домашнего холодильника все припасы, Годар прихватил пару одеял для сына. План был предельно прост: сразу укатить с ребенком за границу страны, благо она в двух часах езды.

Подержав Годара в прокуренной дежурке полиции, наконец вывели Лероя. Лыняные волосы коротко острижены, бледный, грязный, тень прежнего ребенка. Обхватив отца, Лерой затрясся в слезах:

— Папа... мне жарко... я голодный... меня обижают...

От сына пахло смесью дезинфекции, табака и мочи. Годар прижал к себе исхудавшее, вздрагивающее тельце. Лерой затих, шепча:

— Забери меня отсюда, не оставляй...

Годару велели расписаться в получении ребенка и предъявили счет за его содержание в полиции.

— Счет за доведение ребенка до истощения! — вспыхнул он, но тут же успокоился: какое это теперь имеет значение?

Распахнув дверцу своей бронемашины, Годар увидел на заднем сиденье метиса в полицейской форме, с автоматом.

— Что это значит?

— Охрана, чтобы не надумали сплавить мальчика, — угрюмо пояснил метис и добавил: — Приказ шефа.

Пришлось ехать в госпиталь. Лероя поместили в маленькую палату, и, пока мыли и переодевали, Годар договорился с начальником госпиталя о прогулках с сыном. Тот во всем шел навстречу. Но когда Годар вернулся к сыну в палату, там сидел все тот же метис полицейский!

Утром, осматривая ребенка в присутствии отца, начальник госпиталя заявил:

— Ребенок истощен, операцию отложим на две недели. Режим и питание установит лечащий врач.

Две недели! Конечно, начальник госпиталя всего лишь отработывает за чек, но все же... А «благодетель» отвел Годара в сторону и, почти не разжимая тонких губ, произнес:

— Я вынужден сделать переливание, введен будет заменитель крови, мы не можем давать кровь белого негра.

Он предупредил! Две недели отсрочки стали еще значительнее.

Заменитель крови, что это? Годар позвонил знакомому врачу. Тот долго объяснял, но Годар понял одно: он хуже крови.

— А если им заменить всю кровь?

— Это на грани убийства.

Искать, искать спасения! И немедленно. Мейли способен арестовать его, ускорить операцию... все что угодно. И вдруг вспомнил: Каусон! Старик сам звал его. Он все предвидел, значит, знает, как поступать дальше.

Ночью Годар прокрался в Старый город. Осторожно постучал в знакомую дверь. Отворила та же негритянка в черном. В кабинете Каусона горел свет. Старый негр ничуть не удивился визиту. Только спросил:

— Не сумели обойти Мейли? Что ж, мы поможем, но и вы должны нам помочь.

— Я готов. Что мне надлежит?..

Каусон чуть улыбнулся высокопарности слов клиента и просто ответил:

— Мы спасем мальчика, а вы защитите Бенджамина Тайбу.

— Кто этот Тайбу?

— Врач, спасший вашего сына. Он арестован, полиция собирает улики для суда, хотя вины его, как вы знаете, нет.

Лицо Годара запылало от стыда. Ни разу, ни на миг, он не подумал о враче-негре. А Каусон говорил:

— Завтра ночью вы оставите свою бронемашину у отеля, а сами «заболеете», вызовете врача. Возле вас всю ночь должны быть люди: бой, портье, врач... — и предупредил вопрос Годара: — За границей страны мальчика ждет миссис Поллан Харпер. Она уже дала заверенные нотариусом показания в пользу врача Тайбу, подтвердив свое согласие на переливание крови негра вашему сыну.

— О, Поллан... — Годар вспыхнул радостью.

— Спасти ваши акции она не могла: ее деньги вложены в солидные корпорации и взять их немедленно невозможно.

— А я, что же должен я?

— Вы скажете суду и прессе правду. Это просто и сложно. Потребуется смелость и стойкость. Вы должны остаться в нашей стране до окончательного решения участи врача-негра Бенджамина Тайбу. Не исключен арест, Мейли способен на все. Но миссис Поллан Харпер поднимет на вашу защиту прогрессивную прессу в Европе, и мерзкие дела Мейли получат широкую огласку.

— Я готов.

У отеля, куда он недавно перебрался из своего пустого дома, Годар поставил заправленную машину на автостоянку. Попросил у портье аспирин. К ночи его трясло. Что происходит в госпитале? Удастся ли? Не перепугают ли Лероя? А вдруг сорвется... Лучше не думать. Тогда о чем же? О враче-негре Тайбу? У него тоже, верно, семья, дети, но Годар не помнил даже его лица. Зато прекрасно помнил другое — Мейли. Неужели этот «дракон» не насытился, прибрав к рукам чужие алмазные копи? Ему еще и славу поборника расовой чистоты подавай. Топтать чужие жизни ради денег... А сам-то он, Годар, давно ли был полон тем же? Именно ради денег и явился сюда. Только себя теперь и вини.

Надо вызвать врача, спохватился он.

И вот в его номере врач, портье, бой... Суетятся, тычут термометр, меряют давление... повышено, и температура...

— Покой и сон, — говорит врач. Боя оставляют в коридоре за дверью, на случай если Годару станет плохо.

Теперь ждать утра. Или ночного звонка. Не от Каусона, тот осторожен, из полиции. И звонок раздался. Годар хотел схватить трубку — нельзя. Болен, спит. Телефон не умолкал. Вошел портье, видно, его позвал бой. Портье снял трубку, выслушал, что ему говорили, и тронул Годара за плечо:

— Сэр, вас просят из полиции...

— Что? — отрывисто спросил Годар, открывая глаза.

Он сел, взял трубку у портье:

— Годар слушает.

— Исчез ваш сын.

— Кто это говорит?

Трубку положили.

— Найдите шофера на мою бронемашину, — сказал Годар, поспешно одеваясь. — Я не смогу вести.

— Но... бронемашин нет на месте.

— Бросьте идиотские шутки, я сам вечером припарковал ее на автостоянке отеля!

— И все же ее нет, сэр...

Годар бросился из номера, чтобы портье не увидел радости в его глазах.

Он бежал по темным улицам, представляя, как бронемашин мчится к границе. Ни у одной полицейской машины, да и вообще ни у одной машины в городе нет такого мощного мотора, как в его бронемашине! Теперь ему ничего не страшно. Каусон и Тайбу тоже могут быть спокойны. А Мейли получит заслуженную рекламу в прессе. Есть что-то большее, чем голая нажива. Это право быть не белым или черным, а просто человеком.

Годар сбавил шаг, он болен, и подошел к зданию полиции.

Чарлз ВИЛЬЯМС

СЛАБЫЕ ЖЕНСКИЕ РУКИ

РОМАН

Глава 1

Я без толку торчал в своей конторе с девяти утра. На улицах, испепеленных зноем, почти не было никакого движения. Когда в Монктон-Сити наступает июль, никто в полдень не выходит из дома. Это я понимал, а потому никого не ждал и занимался тем, что перебирал в уме все знакомые мне уютные и прохладные бары. Но тут вошла мисс Флоренс Дигби. Как

Charles WILLIAMS. Murder with love, MRF.

всегда, она была одета с иголочки и выглядела прекрасно. Адова жара на секретаршу совершенно не действовала.

— Вам звонит вахтер снизу, мистер Престон, — сказала девушка. — Там какой-то тип вас спрашивает. Только не похож он на наших обычных клиентов, и потому вахтер просил сначала проконсультироваться с вами, прежде чем разрешить ему пройти.

От одной мысли, что придется браться за дело, испортилось настроение.

— Что за тип? Чего хочет?

— Ничего не объясняет. Заявляет, ему известно, что вы частный детектив, и хочет видеть вас по личному вопросу. Ни с кем иным не желает разговаривать. Он, видите ли, из этих, из мексиканцев...

У мисс Дигби бабушка была из Техаса, а техасские аборигены воображают, будто они все еще находятся в состоянии войны с Мексикой.

— А имя-то у него есть?

— Моралес. Судя по описанию вахтера, смахивает на бродягу.

Вот так оно и бывает в моем чертовом бизнесе. Как раз тогда, когда душа горит в предвкушении хорошего обеда, надо принимать какого-то мексиканского бродягу, который жаждет рассказать всю свою биографию. Какое-то время я колебался: не послать ли его ко всем чертям? По лицу мисс Дигби можно было догадаться: она точно такого же мнения.

— Хорошо, давайте посмотрим, что он собой представляет! Секретарша заметно удивилась.

— Вы с ним будете говорить?

Я принял вид оскорбленной добродетели.

— Ну конечно! Ведь мне же не довелось сражаться с мексиканцами у форта Аламо, мисс Дигби!

Секретарша презрительно фыркнула и удалилась. Я попался в собственную ловушку. Ради удовольствия доказать мисс Дигби, что она ошибалась, мне не оставалось ничего иного, как принять клиента. Спустя несколько минут секретарша открыла дверь.

— Мистер Моралес!

Мне сразу стала ясна осторожность вахтера. Моралес оказался человеком невысокого роста с дотемна загорелой кожей; на голове — копна черных волос, усы киношного злодея. На вид ему было за пятьдесят. У глаз обозначились глубокие куриные лапки — следствие привычки часто прищуриваться под жгучим мексиканским солнцем. Посетитель был одет в выцветшие штаны цвета хаки и старую белую куртку, на которой висела одна единственная, грозящая оторваться пуговица; Моралес примотал ее ниткой. Узловатые пальцы лихорадочно перебирали край соломенной, невероятно древней шляпы.

— Здравствуйте, мистер Моралес! Входите, прошу вас, присаживайтесь, пожалуйста!

Моралес смущенно улыбнулся, затем осторожно сделал шаг вперед, что позволило мисс Флоренс Дигби сильно, с грохотом захлопнуть за собой дверь. Моралес вздрогнул, но, убедившись, что секретарша осталась за дверью, облегченно вздохнул.

— Сеньор Престон?

Голос был приятный.

— Он самый. Прошу вас, присаживайтесь!

На этот раз Моралес повиновался; одной ягодицей он при-
мостился на краешке кресла, предназначенного для клиентов.
Мексиканец явно чувствовал себя стесненно, и мне казалось,
что он вот-вот вскочит и ринется к двери.

— Жарковато, не правда ли? — сказал я, желая разрядить
обстановку.

Моралес с несчастным видом согласно кивнул головой. Затем
он запустил руку во внутренний карман пропыленной куртки,
достал пакет из оберточной бумаги, положил его передо мной
и постучал по нему указательным пальцем, словно хотел при-
дать больше веса своим словам.

— Сто долларов. Вы найдете Хуаниту. Да?

— Подождите, мистер Моралес! Не так быстро. Кто такая
Хуанита?

— Кто? Это моя Хуанита. Моя маленькая, — произнес он,
стуча себе кулаком в грудь.

— А! Ваша дочь?

— Си¹. Моя дочь. Вы мне ее найдете, сеньор?

— Возможно. Но сначала я должен задать вам несколько
вопросов.

Из ящика стола я вынул новенький блокнот и шариковую
ручку. Моралес с одобрительным видом следил за моими дей-
ствиями. Он явно решил, что дело теперь принимает официа-
льный оборот. Почти как в канцелярии. Его мысли нетрудно было
угадать. Раз человек сидит за письменным столом, он должен
делать записи в блокноте.

— Сначала скажите, как вас зовут?

— Рамон Эстебан Моралес.

Я записал. Чтобы узнать, какое дело привело ко мне этого
Рамона Эстебана, лучшим методом было задавать ему вопросы.

— Откуда вы?

Судя по всему, он меня не понял.

— Где вы живете?

— А! Пунта Фелипе. Около Сан-Франциско.

Не могу претендовать на знакомство со всеми местечками
нашего штата, но готов поклясться, никогда не доводилось и
слышать о чем-нибудь подобном поблизости от Сан-Франциско.
Это название было мне незнакомо.

— Пунта Фелипе, — медленно повторил я, записывая назва-
ние. — Что-то мне это ничего не говорит, мистер Моралес.
По какой дороге туда ехать, если из Сан-Франциско?

Мексиканец явно был в недоумении.

— По какой дороге? Но из Сан-Франциско есть только одна
дорога, она ведет к океану. А моя деревня в тридцати кило-
метрах.

— Одна дорога и ведет к океану? Да вы что — смеетесь
надо мной?

— Но, сеньор...

¹ Си — да (исп.).

Сидя на краешке кресла, Моралес смотрел на меня с разнечастным видом. Он готов был стоять на своем. Пальцем я показал ему на крупномасштабную карту, висящую на стене кабинета.

— Мистер Моралес, покажите, пожалуйста, на карте, где находится эта ваша Пунта Фелипе.

Горя желанием помочь, мексиканец резво вскочил и устремился к карте, внимательно изучил ее, прищелкнул языком и покачал головой.

— Не знаю, — сказал он в растерянности. — На этой карте слишком много названий. Я не могу найти свою деревню.

— Если она рядом с Сан-Франциско, то это не составляет труда. На карте представлены населенные пункты с числом жителей более ста человек. Все города и деревни штата Калифорния.

Мексиканец покачал головой, в мозгу его, очевидно, шла гигантская работа. Наконец он торжествующе улыбнулся.

— Калифорния? Соединенные Штаты? Но я вовсе не оттуда, сеньор! Моя деревня находится в Нижней Калифорнии, в Мексике!

Не будь так жарко, мне бы потребовалось гораздо меньше времени, чтобы понять, в чем дело. Я встал и тоже подошел к карте. Разумеется! Внизу, где на карте в океан вдавался небольшой полуостров, на территории Мексики был обозначен местный Сан-Франциско. Я ткнул в него пальцем и обратился к Моралесу.

— Вот. Это здесь, мистер Моралес.

Он готов был броситься ко мне с объятьями.

Мы вернулись каждый на свое место, я продолжил расспросы.

— А ваша деревня далеко отсюда, более четырехсот километров. И вы проделали всю эту дорогу только затем, чтобы увидеться со мной?

— Си, сеньор, чтобы увидеться с вами. И чтобы вы нашли мою Хуаниту.

Этот тип излучал простодушие и искренность.

— Кто вам сообщил мое имя?

— Я прочитал в газете. Хуанита мне всегда высылала американские газеты. Там о вас много написано, я читал. Вы считаетесь первоклассным специалистом.

— Неужели вы не могли написать обо всем в письме?

— В письме? Я прошу такого первоклассного детектива, как вы, узнать, что случилось с моей Хуанитой, и делать это по почте? О нет, сеньор! И вот я пришел сюда. Увидел вас и говорю с вами. Такие вещи в письме не напишешь, это невозможно.

Переважив эти рассуждения, я указал мексиканцу на деньги.

— Думаю, в Пунта Фелипе немного найдется людей, которые в состоянии собрать столько денег.

— Си, вы правы. Чтобы собрать такие деньги, пришлось залезть в долги. Это не имеет значения, лишь бы все было хорошо с моей Хуанитой. Я, Рамон Эстебан Моралес, человек чести. И свои долги всегда плачу. И не жалуюсь.

Можно было только догадываться, кто ему дал в долг сто американских долларов. Впрочем, это меня не касалось. По крайней мере в данный момент.

— Расскажите мне о Хуаните.

— Ах, Хуанита! — сказал Моралес, качая головой и улыбаясь. — У меня три дочери, сеньор. Две из них обычные крестьянки. Они много работают, уважают родителей и слушаются отца.

— А третья? Хуанита? Не слушается?

Старик вздохнул.

— Не слушается. Ее сестры — милые девушки, хорошенькие. А Хуанита... Она не просто хорошенькая. У нее огонь в крови. Я говорю себе: она молодая, со временем утихомирится, станет как все.

— Но она не утихомирилась? Надумала отправиться в Америку? Решила сделать карьеру в свете?

— Не сразу. В школе у нее была подруга. Изабелла Мартинец. Ужасная девица, надо сказать. Не такая красивая, как Хуанита, но все же мужчины за ней бегали вовсю. Однажды по просьбе отца Изабелла с каким-то поручением поехала в Сан-Франциско. Она оттуда не вернулась. Потом от нее стали приходить письма. Здесь, в Монктон-Сити, Изабелла стала важной дамой. Она высылала деньги своему отцу, много денег.

— И чем же она занималась, зарабатывая много денег?

— Вот этого я не знаю, сеньор! Но Изабелла, она ужасная! Когда эта девушка уехала, моя Хуанита было успокоилась. Я сказал себе: прекрасно, теперь Хуанита станет больше думать о своей семье. Как я ошибался, сеньор!

Он поднял на меня черные глаза, преисполненные глубокой тоски. Истории такого рода я уже слышал сотни раз, но не мог заставить себя равнодушно отнестись к растерянному старику. Участливым тоном постарался приободрить его, заставить продолжать свое повествование.

— Ну и что случилось потом?

— Однажды, как всегда, Хуанита отправилась в школу на занятия. Но в класс она не пришла, а уехала в Сан-Франциско. А потом сюда, в Монктон-Сити. Я бы, конечно, удержал ее, но узнал о бегстве только через десять часов.

— Как давно это произошло?

— Пять месяцев тому назад. Через две недели после отъезда она прислала письмо. Нашла в Монктон-Сити хорошее место. Зарабатывает много денег и высылает мне, своему отцу. Мы были довольны, сеньор. Наша малышка осталась доброй девочкой. Может быть, я ее не понимал. А она была права: наша деревня неподходящее место для таких девушек, как Хуанита.

Моралес жестом отказался от сигареты, которую я ему предложил.

— Кстати, что это за хорошее место она заполучила? Ничего вам не писала?

— Си. Она служила горничной у богатой дамы. Миссис Флloyd Уайтон ее зовут. Она живет в красивом доме, где много комнат.

— Я знаю миссис Флloyd Уайтон. Хорошо. Хуанита работала у нее, и все шло прекрасно. Что же потом произошло?

— Месяц назад Хуанита исчезла. Я перестал получать от нее письма, написал сам. Миссис Уайтон вернула мне письмо и сообщила, что Хуанита у нее больше не служит, уехала. С тех пор от дочери нет вестей.

— Понимаю.

За сто долларов я должен был разыскать Хуаниту в Монктон-Сити. В принципе, чтобы обшарить весь город, потребуется полгода и десяток опытных сыщиков. К тому же, где доказательства, что Хуанита еще в Монктон-Сити? Отсюда до Лос-Анджелеса полчаса на автобусе. А ведь в Калифорнии есть и другие города, не говоря уже о всех Соединенных Штатах. Тяжелая предстоит работа за сто долларов...

— А вы были в этом доме? У миссис Уайтон, я имею в виду.

— О нет, сеньор! — ответил Моралес с испуганным видом. — Я бы никогда ничего подобного не сделал, это может навредить моей Хуаните. Что подумала бы миссис Уайтон, увидев, как я одет?!

Выразительным жестом мексиканец показал на свой костюм. Что ж, он был прав, бедняга. Уайтоны спустили бы на него собак, появившись он у них в саду, старик не успел бы дойти и до входной двери.

Несправедливость сложившегося положения причиняла мне боль.

Тщательно выговаривая слова, я сказал:

— Мистер Моралес, давайте посмотрим правде в глаза. Пока еще я не знаю, найду ли вашу дочь. Монктон-Сити — большой город, а неподалеку есть город еще больше. Но можно попробовать. Побеседую с людьми, побываю кое-где. Одним словом, постараюсь. Но имейте в виду, никаких гарантий я дать не могу.

Мексиканец энергично закивал головой. Висящие усы придавали ему сходство с карнавальной маской.

Он сел в кресло поудобнее. Судя по всему, мой клиент собирался угнездиться в нем и ждать, пока я не найду заблудившуюся дочь.

— Для этого потребуется немало времени, — предупредил я. — Где мне вас найти, если потребуется?

— О! — Мексиканец вскочил и подошел к столу. — Я приду сюда.

И быстро направился к двери. Пришлось окликнуть его:

— Не так скоро! Фотография Хуаниты у вас есть? Не могли бы мне ее дать на время?

— Да, есть, конечно.

Моралес запустил руку в карман куртки, достал небольшую фотографию и протянул ее мне. На фото были изображены две черноволосые девушки в белых платьях, которые с принужденным видом смущенно позировали на фоне католической церкви. Они стояли слишком далеко от объектива, черты лица различить было невозможно.

— Великолпно, — сказал я. — Так какая из них Хуанита?

Моралес наклонился и ткнул пальцем в девушку справа.

— Ей тогда исполнилось пятнадцать лет.

— А кто другая?

— Это ужасная Изабелла Мартинец.

Я с интересом посмотрел на ужасную Изабеллу. На первый взгляд ничего особенного в ней не было. А там, конечно, кто знает?

— А сколько Хуаните теперь?

— Девятнадцать. На прошлой неделе исполнилось.

Роскошная перспектива! Попробуйте разыскать девятнадцатилетнюю девушку, имея на руках всего-навсего одно фото четырехлетней давности, снятое к тому же фотографом-любителем с большого расстояния!

— А Изабелла, мистер Моралес? Не знаете ли вы, где она проживает?

Мексиканец покачал головой и пожал плечами.

— Ее отец мне не говорил, а я не спрашивал. Этому Мартинесу, мне кажется, наплевать на Изабеллу. Ему лишь бы вино было да курево.

— Понятно. Скажите, пожалуйста, а вы обращались в полицию?

Моралес широко открыл глаза.

— В полицию? Сеньор, это наше семейное дело, я не думаю, что полиция в состоянии нам помочь. И Хуаните тоже она не может помочь. Видите ли, у нас нет документов.

— Если у вас нет документов, то как вы пересекли границу? В поездах ведь полно инспекторов.

— А я, сеньор, поездом не ехал. Чтобы купить билет, надо выложить кучу американских долларов. А у меня нет других долларов, сеньор, кроме тех, которые я вам передал, чтобы мы нашли Хуаниту.

— Как же вы сюда добрались?

— Пешком, — просто сказал он. — Иногда хорошие люди подвозили меня в грузовике. Однажды даже на легковушке. Но большей частью я шел пешком.

Если меня накроют за содействие подпольной эмиграции, придется распрощаться с лицензией детектива и отсидеть несколько месяцев в кутузке. Но уж коли этот тип прошагал четыреста километров только ради свидания со мной, он заслужил право на то, чтобы из-за него лезть вон из кожи. Я постарался втолковать Моралесу, что, если его станут допрашивать в полиции, он не должен упоминать мое имя, и в конце концов у меня сложилось впечатление, что он все понял. Потом я вспомнил о Бобе Клайне. Если мне удастся убедить его укрыть Моралеса на день-два от глаз людских, то, может быть, все обойдется благополучно и не придется рисковать лицензией. Оставив Моралеса у себя в кабинете, я прошел в комнату мисс Дигби и попросил ее соединить меня с Бобом. Несколько месяцев тому назад мне довелось выручить этого парня из затруднительного положения: гангстеры вымогали у него деньги. Тогда он заверил меня, что могу обращаться к нему с любой просьбой и в любое время. Что ж, час настал. Я рассказал Бобу по телефону в общих чертах про свои трудности. Он обещал подъехать и забрать моего мексиканца. Потом вернулся в кабинет.

— Мой приятель заедет за вами, — объяснил я Моралесу. — Поживете некоторое время у него.

— Но, сеньор, я не в состоянии платить за это! Ведь это будет стоить много долларов, а у меня нет ни цента...

Я жестом остановил его.

— Вы уже оплатили, — сказал ему, показывая на пакет с деньгами в оберточной бумаге. — Это все входит в счет. Пока я буду заниматься вашим делом, поживите у приятеля,

он вас прокормит. Это обычно так делается. Таков порядок.

Мои слова убедили его. Люди по ту сторону границы слишком горды, чтобы принимать милостыню. Но коли им говорят, что таков порядок, это меняет дело.

— Си. Таков порядок, — сказал мексиканец, удовлетворенно качая головой.

В ожидании Боба Клайна я попробовал выведать у Моралеса подробное описание Хуаниты, но он нарисовал столь восхитительный портрет, что им бы не воспользовался даже рекламный агент Голливуда.

Спустя четверть часа появился Боб и увел от меня клиента.

Глава II

По дороге к дому Уайтонов я постарался припомнить все, что знал об этой семье.

Флойд Уайтон-старший появился в Монктон-Сити в 1894 году. Как утверждает, в кармане у него было ровно два доллара тридцать семь центов. Это был рослый двадцатитрехлетний парень, преисполненный радужных надежд. В Монктон-Сити в ту эпоху царил золотая лихорадка, и чтобы суметь постоять за себя, требовалось быть молодым и сильным. Так случилось, что вечером того же дня Флойд Уайтон нарвался на банду хулиганов, которая избивала старика по имени Чарли Бонанза. Флойд разогнал подонков и на последние центы накормил старика ужином. Чарли хорошо знали в городе. Если верить его словам, он один открыл половину всех золотых россыпей в Соединенных Штатах. Будучи человеком еще неискушенным, можно сказать, наивным, Уайтон согласился сопровождать старика в очередную экспедицию. Они потратили три месяца на поиски богатой рудной жилы, о которой Чарли Бонанза прожужжал своему молодому спутнику все уши. Затем вернувшись в Монктон-Сити и расстались. Но однажды Уайтону сообщили, что старик при смерти и хочет его видеть. Умиравший передал Флойду пергаментный свиток. На нем, по словам старика, была начертана дарственная на участок земли, который Чарли подарил некто Фуго Курсье, великий вождь местного индейского племени течапи. Бонанзе довелось спасти брата индейского вождя от виселицы; в порядке благодарности вождь преподнес бледнолицему в дар охотничьи угодья площадью тридцать километров на пятнадцать. Не позабыв про ужин на последние центы, Чарли Бонанза решил вознаградить великодушие Уайтона и в завещании, должным образом оформленном, оставлял ему все свое движимое и недвижимое имущество, в том числе и земельные владения. В ту же ночь старик скончался. Уайтон сунул в карман пергамент с завещанием и позабыл о нем.

Впоследствии он подружился с молодым адвокатом Эфраимом Патиссоном. Как-то вечером за ужином Флойд, смеясь, сообщил адвокату, что является крупным землевладельцем. Патиссон насторожился и попросил взглянуть на пергамент. Опытному юристу не потребовалось много времени, чтобы понять значение завещания старика Бонанзы. Он тут же отправился

в Вашингтон. Когда Патиссон вернулся назад, то объявил, что Уайтон действительно является законным владельцем довольно значительного участка земли. Только это были уже не просто охотничьи угодья. На участке Уайтона разместились различные промышленные предприятия. Флойд навел кое-какие справки и, наверное, уступил бы все права на свой участок за несколько сотен долларов, если бы это зависело только от него. Но Патиссон не позволил другу совершить глупость и с присущей ему ловкостью взял дело в свои руки. Менее чем через пять лет Уайтон стал миллионером, сохранив за собой большую часть своих владений. В начале века Патиссон в результате несчастного случая погиб. Но к тому времени Уайтон приобрел уже достаточный опыт, чтобы самому защищать свои интересы. Богатство его продолжало увеличиваться. Когда началась первая мировая война, Флойд Уайтон, по общему мнению, стоил не менее восьми миллионов долларов. Затем он принял участие в военных поставках, и состояние его возросло до восемнадцати миллионов.

При этом он продолжал оставаться холостяком. И вдруг в возрасте пятидесяти шести лет женился на Луизе Брайтен, дочери одного из своих компаньонов; она была младше Флойда на тридцать лет. Тогда-то Уайтон и объявил, что прекращает деловую жизнь. Это произошло в 1927 году. Он ликвидировал все свои предприятия и стал обладателем двадцати пяти миллионов долларов. Великий крах, который произошел спустя два года, его не коснулся. Луиза родила четырех детей, трех сыновей и дочь. Умер Уайтон в возрасте восьмидесяти двух лет. В то время половина общественных зданий в городе носила его имя. Все жители города оплакивали смерть человека, который сыграл в жизни Монктона такую большую роль.

Да, все жители города, но только не дети Уайтона. Ранее они вели себя достойно, как и подобает членам царственной фамилии. А как умер отец, распоясались. Все они были до неприличия богаты и, казалось, поставили целью как можно быстрее избавиться от своих капиталов.

Направляясь к резиденции Уайтонов в Палм Лейк Каньоне, я восстановил в памяти все эти факты. Флойду Уайтону, старшему из сыновей, за тридцать. Мне о нем мало было известно. Разве лишь то, что четыре года тому назад он женился на заурядной певичке, которую подцепил в каком-то кабаке. Об этом в то время много судачили. Тогда эту певичку звали Дикси Браун, имя самое обыденное. Никто не знает, откуда появилась эта Дикси Браун, но со временем тайна ее происхождения потеряла всякое значение. Главное было то, что она стала женой Флойда Уайтона-младшего и что ее весьма своеобразная манера вести себя в обществе обеспечивала всех городских хроникеров изобильным репортерским материалом. Когда газетчикам совершенно не о чем было писать, Дикси Уайтон всегда оказывалась под рукой, чтобы настроичить о ней колонку-другую. Случалось, она устраивала приемы в одиннадцать утра, приглашенные должны были являться в вечерних туалетах, но с обнаженным задом. Нет голой задницы — от ворот поворот. А быть приглашенным к Уайтонам все стремились.

Я остановился перед высокими решетчатыми воротами, вы-

крашенными в белый цвет, и нажал на сигнал. Из ворот выскочил какой-то тип в полувоенной форме и внимательно оглядел меня. Высокий молодой человек, который мог бы показаться даже красивым, не будь у него вида сторожевого пса.

— Кого вам угодно... мистер?

Сказано это было таким тоном, что обращение «мистер» звучало как явное оскорбление. Я постарался улыбнуться самой что ни на есть обезоруживающей улыбкой.

— Я хотел бы видеть миссис Уайтон, старина. По личному делу. По самому что ни на есть личному. И если ты рассчитываешь сохранить работу, советую открыть ворота.

Я придал слову «личное» особый смысл, не понять этого было просто невозможно. Охранник вздохнул, отомкнул ворота и распахнул их настежь.

— Позвоню, что вы приехали. Как прикажете доложить?

— Престон. Марк Престон. Я скажу миссис Уайтон, что ты не заставил меня напрасно ждать, старина.

Охранник пожал плечами и отправился в будку рядом с воротами звонить хозяйке. Я прошел в ворота и зашагал по извилистой аллее, обсаженной побеленными пальмами, которые были заведены еще Флойдом Уайтоном-старшим. Для разбивки сада перед домом он приглашал специалиста из Нью-Йорка. Наконец появился сам дом; это было здание кошмарного калифорнийского стиля с испанскими балконами и арками. Центральный корпус-куб из красного кирпича, невообразимо безвкусный, окружен был там и сям башенками минаретов в восточном духе. Дом мне напоминал огромный торт, разукрашенный безумевшим кондитером.

Я не спеша поднялся по лестнице из белого мрамора. Наверху у входа меня поджидал негр в livрее мажордома.

— Мистер Престон?

Голос у него был низкий, приятного тембра. Скорее голос актера, нежели мажордома. Я протянул ему свою визитную карточку. Негр взял ее, внимательно прочитал и, не выказывая никакого удивления, положил на серебряное блюдо, которое ранее прятал за спиной.

— Мне бы хотелось увидеться с миссис Уайтон по личному вопросу, если она соблаговолит уделить мне несколько минут.

— Прошу, пожалуйста, за мной.

Мы вошли в дом. Негр провел меня в маленькую комнату.

— Подождите здесь. Пойду взгляну, у себя ли мадам.

Умилительный нюанс. Большинство бы слуг на его месте сказали: «Пойду узнаю, примет ли вас мадам». Он же сказал: «Пойду взгляну, у себя ли мадам». Пустячок, а приятно. Спусти какое-то время он объявился и предложил:

— Не угодно ли мистеру следовать за мной?

Пересечь холл в доме Уайтонов под силу только человеку с крепкими нервами. Там в самых что ни на есть реалистических позах расставлены восковые фигуры, обряженные в средневековые латы. Одни валялись на полу, пополам перерубленные мечами, у других из брюха торчали копы и стрелы. А один, обезглавленный, плавал в луже собственной крови. Меня пробрала дрожь.

— Полагаю, ко всему можно привыкнуть, — пробормотал я.

— Простите?

— Восковые фигуры, — пояснил я. — Некоторым нравится висельный юмор.

— Ах, это... Сначала меня преследовали кошмары. Но вы правильно сказали, мистер, в конце концов ко всему привыкаешь.

Негр улыбнулся. У него была прекрасная улыбка, обнажавшая два ряда великолепных белоснежных зубов. Наконец мы вышли из холла и оказались на террасе.

— Мистер Престон, госпожа!

Вежливый мажордом с черной кожей удалился. На террасе стоял шезлонг. В нем сидела Дикси Уайтон, женщина, с которой я решил встретиться. У нее были длинные тонкие загорелые ноги, плоский мускулистый живот. Высокие груди правильной формы, золотистые красивые плечи. Распущенные черные волосы свешивались на одну сторону. Совершенной формы нос, несколько великоватый для ее маленького лица рот, серые глаза, мягкий взор. Немного помады на губах, и более никакой косметики; впрочем, она в ней и не нуждалась. Ниже пупка виднелись крошечные плавки из черного сатина, узкая полоска из той же ткани безуспешно пыталась сдержать полную грудь. Женщина взглянула на меня с некоторым интересом.

— А я думала, вы частный сыщик!

— Так оно и есть, миссис Уайтон!

— А я думала, они всегда одеты в длинные плащи!

Правой рукой Дикси Уайтон пошарила вокруг себя, стараясь найти бокал, который поставила на пол.

— Плащ у меня есть, хотите, схожу за ним, если вы вдруг разочарованы.

— Не имеет значения. Не будем об этом больше говорить.

Дикси Уайтон, чмокая, отпила из бокала глоток розовой жидкости. Судя по остекленевшим глазам, она была недалеко от состояния полного опьянения.

— Вы пьете? — спросила она внезапно.

— Бывает.

— Я не это хотела сказать. Я спрашиваю вас, не желаете ли выпить стаканчик? — Затем с обиженным видом добавила: — Вы же прекрасно все поняли!

— Да, понял.

Подойдя к столику из бамбука, покрытому куском стекла и уставленному бутылками, я стал изучать наклейки. Целая коллекция редких дорогих напитков с этикетками знаменитых фирм. Миссис Уайтон внимательно смотрела, что я делаю.

— Вы не посчитаете невежливым, если я присяду?

Я углядел обрубок дерева, который при нужде мог сойти за сиденье.

— Прошу вас, мистер... — ответила Дикси Уайтон, кивая головой в знак согласия.

— Престон. Марк Престон. Обозначено на моей визитке.

— Правда?

Вид у нее был такой, будто ей на все в высшей степени наплевать.

— Значит, вы ничего не хотите выпить...

— У меня слабый желудок, — ответил я развязным тоном. —

Он не переносит ничего, кроме виски. Желательно шотландское. А всякие там ликеры и наливки — это только для суперменов.

Дикси, казалось, задумалась; в руке она по-прежнему держала бокал, наполненный розовой жидкостью. Потом подняла бокал, стала крутить его пальцами, разглядывая, как преломляется солнечный луч.

— Так, говорите, для суперменов только? А кто же я тогда, по-вашему? Супербаба? Нет, не звучит.

И, глядя на меня вопрошающим взглядом, поинтересовалась:

— Может быть, суперженщина? Подходит вам такой эпитет?

Будь я не при деле, сказал бы, какой ей эпитет больше всего подходит. Но в данный момент ответил уклончиво:

— На мой взгляд, вы прежде всего женщина на все сто процентов!

Она прыснула.

— Вот это манеры! Воистину, вы мастак говорить приятные вещи, Престон, мне этого очень не хватает! Типы, что сюда к нам ходят, от них такого не дождешься! Впрочем, в целом они вовсе не плохие, этого сказать нельзя! Но вот хороших манер им явно не хватает!

Дикси Уайтон сделала заметное усилие, чтобы собраться с мыслями, от усердия лицо ее даже перекошилось, и у меня возникла надежда, что не зря потрачу время.

— Вы уверены: ваша специальность — частный сыщик?

— Совершенно уверен!

— А никогда вам не приходилось выступать в роли сказочника?

— Нет, мадам. Я всего лишь частный сыщик, и работа у меня тяжелая.

— Хм... А что вам вообще-то от меня надо?

— Расскажите мне, пожалуйста, об одной молодой мексиканке, о Хуаните.

Произнося эти слова, я внимательно следил за выражением лица Дикси Уайтон. Был готов увидеть на нем беспокойство, страх, может быть, даже панику — все, что угодно. Однако не заметил абсолютно никакой реакции.

— Хуанита? Вы тоже намерены меня допрашивать об этой Моралес? Что она натворила?

Дикси эта тема явно надоела.

— Говорят, она пропала. Ее отец в этой связи очень обеспокоен. И он поручил мне ее найти.

— Не понимаю, что я еще могу сделать, — пробормотала миллионерша. — Эта малышка работала у меня очень недолго. Постойте... Она появилась здесь в середине февраля. Красивая девушка, даже очень красивая. Представляете типаж: волосы как черный янтарь, горящие огнем глаза. И все такое прочее. Ей у меня вроде бы понравилось. И вдруг однажды она исчезла. Просто так, без предупреждения. Вот и вся история.

— Спасибо. Позвольте, однако, задать вам несколько вопросов.

— Прошу вас. Мне это ведь ничего стоить не будет. Разве немного времени. А времени у меня навалом, могу им торговать, Престон.

— Каким образом Моралес поступила к вам на службу?

— Это важно?

— Возможно.

— Кто-то из моих друзей узнал, что я ищу горничную. Пойдите... Ах, да, вспомнила! Это был Грег. Грег Хадсон. Вы с ним знакомы?

— Нет. А какой интерес мистер Хадсон имел в этом деле?

Дикси Уайтон рассмеялась, в смехе ее прозвучала нотка горечи.

— Какой интерес? Эх, мой хороший, сразу видно, что вы совсем не знаете Грега. Насколько мне известно, у него есть лишь один интерес в жизни — женщины. Любого роста, цвета кожи и габаритов.

— В таком случае это, должно быть, очень занятый человек. Где его можно найти?

— Не имею ни малейшего понятия! Он большой непоседа, этот Грег. Попробуйте поискать его в Телефонной компании.

— Спасибо за сведения! Не знаете ли вы, когда у вас работала эта Моралес, встречалась она с друзьями? Входила ли в какое-либо землячество? Ну и все такое прочее.

Дикси Уайтон на минуту задумалась. По мере того как шла наша беседа, она явно трезвела. Было ли то плохим или хорошим признаком в отношении меня, судить я не мог.

— Мне об этом, во всяком случае, ничего не известно. Конечно, у нее были выходные дни. По четвергам и большую часть воскресенья, когда я в ней не нуждалась. Кроме того, она была свободна почти каждый день по вечерам, начиная с девяти часов. Куда она ходила, я, разумеется, ее об этом не спрашивала.

— Понимаю. А в тот день, когда она исчезла, случилось что-нибудь?

— Ровным счетом ничего. Она съехала, вот и все.

Чувствовалось, что Дикси все уже осточертело, и я, и эта история. Однако надо было продолжать. И она продолжала:

— Так вот было дело. Именно так, как вы сказали. В один прекрасный день мексиканка исчезла. Накануне вечером, как обычно, она помогла мне одеться. А на следующее утро исчезла.

— Вы сказали, Хуанита почти все вечера после девяти часов была свободна. А вдруг она съехала как раз в тот вечер, когда одевала вас. Вы уехали из дома, а она вслед за вами.

— Вполне возможно. А что это меняет?

— Не исключено, кое-что и меняет. В начале нашей беседы вы дали понять, что, кроме меня еще кто-то интересовался мисс Моралес...

— Разве я так сказала? — удивилась Дикси Уайтон, наклонив набок голову.

— Что-то в этом роде было. Помните, когда я упомянул ее имя, вы воскликнули: «Вы тоже намерены меня допрашивать об этой Моралес?»

— Ну и что?

— А то, что мне хотелось бы знать, кто еще расспрашивал вас о Хуаните?

Дикси Уайтон вздохнула, потянувшись всем телом. Был полдень.

жаркий июльский полдень, и, что там ни говори, я все же был мужчиной, вид почти голой женщины возбуждал меня. Начни она снова так тянуться, это могло бы значительно усложнить мою жизнь. Но миллионерша молчала, я даже решил было, что она уснула. Однако Дикси Уайтон открыла один глаз и задумчиво посмотрела на меня.

— Сколько вы весите, Престон?

— Восемьдесят пять килограммов.

— Скажи, пожалуйста! Я думала больше.

— Это из-за пиджака. Так кто вас расспрашивал по поводу Хуаниты Моралес?

— Грег. Он позвонил мне спустя дня два-три после ее исчезновения.

— А почему его это интересовало и откуда он узнал, что девушка исчезла?

— Он не знал этого, когда мне звонил. А когда я сказала, что Хуанита куда-то делась, просил рассказать все подробно. Вы удовлетворены?

— Да. Благодарю за информацию.

С этими словами я поднялся.

— Неужели вы так просто и уйдете?

— Ну... конечно. Вы мне очень помогли, бесконечно вам за это признателен.

— Но, мой друг Престон, вы еще ничего не видели! Спектакль начнется через несколько минут.

Дикси подняла вверх ноги, переместила их на пол и встала. В результате всех этих перемещений две узкие полоски черного сатина, которые должны были представлять собою пляжный костюм миллионерши, пришли в движение, грозя полностью обнажить сокрытые ими прелести. Это, видимо, означало начало спектакля.

— Мне кажется, миссис Уайтон, место в партере мне несколько не по карману!

Дикси засмеялась булькающим смехом и подошла ко мне совсем близко. Потом тяжело оперлась об меня и стала пальцами щекотать мой затылок. Чтобы она не упала, пришлось обнять ее за талию; по крайней мере так объяснил я себе свои действия.

Кожа ее была шелковистой, тело гибкое. Я решил, что придется платить по счету. Она поняла мои мысли и поперхнулась смехом, уткнувшись мне в плечо. Затем, откинувшись назад, закрыла глаза и принялась тихо раскачиваться из стороны в сторону в моих объятьях. Во рту показались маленькие острые зубы, ногти впились мне в затылок. Внезапно она широко открыла большие серые глаза и посмотрела с насмешливой улыбкой.

— Сегодня день выплаты жалованья. Частные сыщики весом восемьдесят пять кило проходят вне очереди!

— Значит, повезло.

Дикси отступила на шаг и смирла меня взглядом с головы до ног.

— Вам повезет, если через неделю вы будете весить хотя бы семьдесят пять!

— Готов рискнуть.

Дикси подобрала пустой бокал и протянула его мне.

— Торопиться некуда, душа моя! У нас впереди целая жизнь. Налейте-ка лучше еще!

Взяв у нее из рук бокал, я подошел к столу. Руки мои дрожали, это было очень заметно. Выбрал среди бутылок ту, которая по цвету содержимого приблизительно соответствовала жидкости, что накануне пила Дикси Уайтон. Нечто импортное из Турции с непроизносимым названием. Собирался наполнить бокал, но тут кто-то кашлянул. Звук шел от стеклянной двери. Я вздрогнул.

У двери стоял черный мажордом. Интересно, как давно он там был?

— В чем дело? — рявкнула Дикси.

— Только что звонил господин, мадам. Джексон поехал за ним на вокзал. Он будет здесь минут через двадцать.

С этими словами негр исчез. Дикси замерла и принялась покусывать нижнюю губу маленькими острыми зубами.

— Сволочь! — сказала она сквозь зубы. — Сволочь, сволочь, сволочь!

Тут она поддала ногой чурбак, на котором я сидел.

— Он же сказал, что вернется только в субботу! Ясно, почему он вдруг вернулся! Знаю все его грязные уловки, сволочь паршивая!

Я протянул ей бокал. Не говоря более ни слова, она взяла его и одним глотком осушила. Такой напиток способен разесть корабельный киль, а она его хлещет, словно воду. Внезапно Дикси улыбнулась мне. Ее загорелое тело сверкало в лучах солнца.

— Вы мне позвоните, Престон?

— Я вам позвоню.

В холле меня с нескрываемой радостью встретил мажордом.

— Вы уходите, мистер?

— Да.

Он слегка наклонился и проводил до лестницы.

— До свидания, мистер!

— До свидания!

Спускаясь по ступенькам, я спиной чувствовал на себе его взгляд. Внизу обернулся. Силуэт мажордома четко вырисовывался на фоне архитектурного кошмара, именуемого резиденцией Уайтонов. Помахал ему рукой, но не получил никакого ответа.

Внутри моей автомашины было жарко, как в печке. Я поехал в город.

Глава III!

В одном из баров в центре города проглотил пару бутербродов со стаканом холодного молока, а затем отправился на поиски Грега Хадсона. Обычно людям не приходит в голову навредить справки максимально простым способом. А ведь достаточно просто-напросто зайти в муниципальную библиотеку, в которой имеются всевозможные ежегодники и различные справочники. Надо лишь зайти в зал и засесть за чтиво. Но чтобы

разыскать Хадсона, и этого не надо было делать. Я просто перелистал телефонный справочник.

В Монктон-Сити оказалось шесть Г. Хадсонов. Обложившись мелочью, принялся за дело. Первый тип, до которого удалось дозвониться, назвался директором компании похоронных принадлежностей. Впрочем, его имя было не Грег, а Георг. Это не помешало мне задать ему несколько вопросов. В конце концов он заявил, что я зря легкомысленно отношусь к идее комфортабельного убийства на тот свет и что во всем необходим хороший вкус, особенно когда дело касается загробной жизни. Хотелось ему сказать, что в моем бизнесе подобная тема не пользуется популярностью.

Вторым оказался Грей Хадсон, опять, конечно, не то, что нужно. Телефонная будка раскалилась, я задыхался. Прислонившись спиной к двери, слушал длинные гудки в трубке. Наконец кто-то подошел к телефону, раздался мужской голос:

— Алло?

— Мистер Хадсон?

— Да. Кто говорит?

— Престон у телефона. Вы не Грег Хадсон случайно?

Молчание, потом тот же голос сказал:

— Нет. Гильберт Хадсон. Здесь нет никакого Грега Хадсона.

Не знаю почему, но у меня вдруг возникло такое чувство, будто я попал в десятку.

— Вы уверены, что это имя ничего вам не говорит?

— Я этого не сказал... Хотите ему что-нибудь передать?

— Нет. Мне с ним обязательно надо встретиться лично. Это очень важно.

Тип на том конце провода обдумывал услышанное.

— Надо какой-нибудь счет оплатить или по личному вопросу?

По его тону можно было понять, что первый вариант выглядел предпочтительнее.

— Нет. По личному вопросу.

Раздался смехок.

— Вам не повезло. Он сидит без гроша в кармане. Он всегда без гроша в кармане.

— Значит, вы его знаете?

— Еще бы мне его не знать! Он мой брат! Вы знаете, у каждого может быть брат. Тот, кому достается вся работа, тот, у кого постоянное надежное место, так это я.

— Понимаю. А вы не знаете, где бы я мог увидеться с вашим братом, мистер Хадсон?

— Точно не могу сказать. Я его видел полмесяца тому назад. Тогда он жил в «Венеции».

Это место мне было знакомо. Дом с меблированными комнатами, который знал лучшие времена, в весьма непрезентабельном квартале.

— Спасибо за любезность, мистер Хадсон.

— Не стоит благодарности. Если вдруг вы его увидите, то скажите ему...

Мой собеседник внезапно умолк. Я подождал несколько секунд, потом спросил:

— Что я должен ему сказать, мистер Хадсон?

— Ничего. Не имеет значения.

Он повесил трубку. Что надо было сказать Грегу? Судя по тону, Гильберт Хадсон не очень-то уважал своего брата.

Пришлось ехать в «Венецию». Под палящим солнцем дом с мебелишками выглядел еще более убого. В те времена, когда здание имело еще респектабельный вид, там имелся специальный служащий для приема посетителей. Стойка пока сохранилась, но никакого служащего, конечно, не было. Несколько минут я постоял в замешательстве в плохо освещенном холле, спрашивая себя, за какой из облупленных крашенных дверей может скрываться Грег Хадсон.

— Кого-нибудь ищите, мистер?

Бог знает откуда появился этот старик. Он был одет в грязную рубашку и грязно-серые брюки, когда-то бывшие ливреей. Двухдневная щетина словно седое жнивье, неопрятно торчала на потасканной физиономии; спина была согнута настолько, что, казалось, старик сложился пополам. Я напрасно пытался встретиться взглядом с его слезящимися глазами.

— Мне хотелось бы встретиться с мистером Грегом Хадсоном, но я позабыл номер его комнаты.

— Да?

Старик подозрительно посмотрел на меня, но больше ничего не сказал.

Пришлось сделать вторую попытку.

— Вы не смогли бы мне сказать, в какой комнате он проживает?

Старик медленно покачал головой.

— Не могу вспомнить, — пробормотал он. — Столько комнат, столько жильцов. Нет, никак не припомню.

Он потер руки и облизал губы.

— Надо вам заняться своей памятью. Натек-ка, держите!

Я протянул ему банкноту в два доллара. Прежде чем взять деньги, старик вытер руку о грязную рубашку. Потом несколько раз поклонился.

— Это может помочь, — заявил он, давясь смехом. — Так и есть, начинаю припоминать! Вот, вот оно, вспомнил! Номер восемь.

На одной из дверей вверх ногами висела цифра «два». На других не было ничего.

— Прекрасно! А теперь скажите, где находится восьмая комната, и я вас оставляю в покое.

— На втором этаже. Первая направо.

Я устремился вверх по лестнице. На втором этаже все двери также оказались без номеров, но у меня была наводка старика. Постучав в дверь, услышал, как в комнате уменьшили звук радиоприемника.

— Кто там? — равнодушно спросил мужской голос.

— Мистер Хадсон? Мне надо с вами поговорить, — сказал я через закрытую дверь.

— На какой предмет?

— По личному вопросу. Может быть, вы мне откроете?

— А дверь не заперта. Входите, если хотите!

Я повернул ручку, дверь и впрямь открылась. В глубоком кресле около окна сидел мужчина. Рядом с креслом стоял стол с выдвинутым ящиком. Правая рука Хадсона словно случайно покоилась на столе, готовая в любой момент нырнуть в открытый ящик. Не надо было быть Эйнштейном, чтобы догадаться: там лежал отнюдь не носовой платок. Природа снабдила Грега Хадсона широкими плечами, да и роста он был немалого. Лицо приятное, открытое, только взгляд беспокойный, глаза бегают. И густая, выщипанная каштановая шевелюра. Одет Грег был в белую рубашку с открытым воротом и хорошего покроя брюки. Он внимательно рассматривал меня. Надо было бы повернуться и закрыть за собою дверь, но как-то не хотелось поворачиваться спиной; этот тип явно слишком нервничал, мог и пальнуть.

— Вы Грег Хадсон, приятель миссис Уайтон, если не ошибаюсь?

Его ослепительная улыбка вполне могла бы служить рекламой зубной пасты.

— Так она утверждает?

— Мистер Хадсон, миссис Уайтон меня несколько не интересуется...

— Не может быть! — насмешливо сказал Грег Хадсон.

Я сжал зубы и почувствовал, как покраснели уши, даже жарко стало.

— Я пришел к вам вовсе не затем, чтобы ссориться, Хадсон, — ответил я ему, подчеркивая каждое слово.

— Старина, мне полностью начать, зачем вы сюда пришли. Хоть умрите тут на месте. Мне от этого не будет ни жарко, ни холодно!

И он снова улыбнулся мне. Злиться было ни к чему. Годы практики достаточно меня в этом убедили.

— Вас трудно понять, — сказал я Грегу. — Не очень шикарно, по-моему, выглядеть таким грубияном.

— А я вовсе и не собираюсь выглядеть шикарным парнем, — вызывающе ответил Грег. — Ты для меня нуль без палочки, парень!

— В таком случае вытащи руку из ящика стола! Нечего хвататься за пушку! Вставай, и давай объяснимся!

Хадсон рассмеялся и вдруг решил. Резким жестом он задвинул ящик стола и встал.

— Хорошо, давай объяснимся! Что тебе от меня надо?

— Задать тебе пару-другую вопросов, только и всего. Потом уйду.

— Скажи, пожалуйста, — произнес Грег. — А ты надоедный тип. Ты адвокат, или шпик, или тебя кто-нибудь подослал?

— Меня зовут Престон. Я занимаюсь поиском пропавшей девушки. Мне поручила это ее семья.

Грег испустил глубокий вздох.

— Что ж, может быть. Тогда зачем вся эта болтовня по поводу Дикси? И не уверяй меня, будто она куда-нибудь пропала, я в это никогда не поверю.

— К ней как раз я сначала и обратился. Она решила, что ты мне поможешь в этом деле. Девушку, которую я разыскиваю, зовут Хуанита Моралес.

До этой минуты Грег Хадсон стоял несколько наклонившись вперед, словно готовясь в любой момент броситься на меня. А тут он явно расслабился, стал раскачиваться на каблуках, вид у него был удивленный.

— Маленькая мексиканка? А что с ней случилось?

— Это я и стараюсь узнать. Ты не знаешь случайно, где она скрывается?

Вид у Грега стал еще более удивленным, рукой с хорошо на-маникюренными ногтями он подергал себя за мочку уха.

— Ты и впрямь только за этим и пришел? Хочешь узнать, куда подевалась девчонка?

— Ну разумеется! А зачем иначе я стал бы с тобой общаться?

Грег коротко рассмеялся.

— Нечего этим заниматься... Закрой дверь и присядь!

Грег повернулся вокруг собственной оси, взял пачку, что лежала на радиоприемнике, достал оттуда сигарету. Его поведение полностью изменилось. Причем к лучшему. Я закрыл дверь и уселся в кресло.

— Так ты сказал, тебя зовут Престон?

Я кивнул в знак согласия.

— Где-то я это имя уже слышал.

— Газеты иногда пишут обо мне. О моей работе.

— Скажи, пожалуйста! И как — ругают или хвалят?

Он проявлял ко мне уже почти дружеский интерес.

— Это зависит от газеты, которая пишет. Для одних я знаменитый сыщик, другие считают подозрительным типом, по которому грустят полиция.

Грег нагнул голову и прищелкнул пальцами.

— Все! Вспомнил! Частный детектив!

— А теперь мне хотелось бы задать несколько вопросов по поводу Хуаниты.

— Разумеется! Валий!

Он тоже сел в кресло, то, что стояло у окна. Нервозность в его поведении полностью исчезла, парень расслабился. Не знаю, чего он ждал, чего боялся, но, во всяком случае, это не имело никакого отношения к моим вопросам о Хуаните Моралес.

— Миссис Уайтон сказала мне, что ты направил к ней Хуаниту, когда миллионерше понадобилась горничная. Это точно?

— Точно. Так оно и было. Малышка искала работу. Я знал, прежняя горничная Дикси только что ушла от нее, вот я и направил к ней маленькую мексиканку. А что в этом плохого, а?

Я не стал отвечать на вопрос.

— Как ты с ней познакомился?

— Вот уж, ей-богу, не припомню! Ты же сам понимаешь — девиц тут навалом, каждый день встречаешь десятки! Нет, право, не помню, где я познакомился с Хуанитой.

И он принялся размышлять, почесывая голову.

— Мне доводилось слышать, что ты умеешь обходиться с женщинами, — произнес я.

Мне хотелось сделать ему приятное, а он снова замкнулся.

— Ты пришел сюда обо мне говорить или об этой мокрой?

Я взял на заметку выражение, которое он употребил...

— Не злисы! Мне говорили, эта Хуанита настоящая красotka! У тебя, надо полагать, интересная жизнь, коли ты таких встречаешь навалом, да к тому же каждый день!

На этот раз опять попал в десятку. Физиономия Грега засияла.

— Старик, этот город — настоящая золотая жила! Если знать тут хорошенько все значные места, всегда откопаешь какую-нибудь миляшку! В этом городе все девицы или богатые, или в хорошем теле. Или и то и другое сразу.

— Стало быть, ты совсем забыл, где и как повстречался с Хуанитой Моралес?

— Чего ты хочешь? Одна красotka из тысячи. Конечно, не помню! Ведь тут их кишмя кишит — и в Монктоне, и в Лос-Анджелесе, не говоря уже о Голливуде! Право, это не серьезно!

И он с фальшиво измученным видом закатил глаза. Я сотворил улыбку, которую парни типа этого Грега Хадсона ожидают от своей аудитории, когда рассказывают про спортивные достижения в постельном режиме. Этот Хадсон мне совсем не нравился.

— Что ж, ладно, не помнишь так не помнишь! Перейдем к событиям недавних дней. Месяц назад ты звонил Уайтонам и хотел поговорить с Хуанитой. Припоминаешь, зачем?

Грег надул губы.

— Месяц назад, говоришь? Вот как! Ах, да, вспомнил! Но я звонил вовсе не Хуаните. Я Дикси звонил, хотел с ней поговорить о... Впрочем, это не имеет значения. Она сама мне сказала во время разговора с ней, что малышка смылась, а я ее спросил, почему вдруг! Да, теперь все припоминаю. Так оно и было.

Его объяснение совпадало с тем, что мне рассказала Дикси Уайтон.

— И с тех пор ты ее больше не видел?

— Нет. Когда она работала у Уайтонов, я ее раза два видел, спрашивал, нравится ли, справляется ли с работой.

— Понятно. А друзей ее ты знал, людей, с которыми она встречалась? К кому бы я мог обратиться за справками?

Грег поразмыслил несколько минут, потом покачал головой.

— Нет. Право, не знаю. Очень сожалею. Если у малышки неприятности, сам был бы рад ей помочь. Нет, правда, не знаю...

Он пожал своими широкими плечами и посмотрел на меня так, словно предлагал закрыть за собой дверь со стороны коридора.

— Тем хуже. Спасибо за то, что потратил на меня время.

Я встал и направился к двери. На стене была приклеена фотография обнаженной девицы. На такие фото в июльскую жару смотреть не рекомендуется. Я засунул за край фотографии свою визитную карточку.

— Тут мой номер телефона. Если вдруг что-либо припомнишь...

— Договорились. Я тебе обязательно звякну.

Закрыв за собой дверь, я медленно спустился по лестнице.

Старика в холле не было. Садясь в машину, заметил, что в восьмом номере вроде бы шевельнулась оконная занавеска. Но полной уверенности не было. Включив зажигание, отъехал. Потом повернул в первый переулок направо и затормозил. Может быть, я делал из мухи слона, но Хадсон назвал Хуаниту Моралес «мокроногой». Так когда-то называли мексиканцев, нелегально проникающих в Соединенные Штаты: им приходилось вплавь перебираться через Рио-Гранде. Некоторые и по сей день употребляют это выражение, хотя мексиканцы давно уже перестали переплывать пограничную реку. В наши дни они пользуются самолетами, скоростными катерами и всякого рода другими средствами транспорта, которые применяются современным преступным миром. Хадсон назвал Хуаниту мокроногой; отсюда следовал вывод: ему было известно, что у девушки отсутствовали официальные документы. В таком случае, почему он помог ей найти работу и почему вдруг так быстро обо всем позабыл?

Я прошел пешком на угол и купил в киоске спортивную газету. Отсюда отлично просматривался вход в «Венецию». Через несколько минут из дома вышел хорошо сложенный мужчина в белой спортивной рубашке. Он внимательно посмотрел направо и налево, пересек улицу и вошел в бар напротив. Конечно, жара стояла неописуемая, и Хадсон, возможно, просто-напросто решил пропустить пару кружек пива. Возможно...

Судя по неоновой вывеске, которая безуспешно пыталась соперничать с ослепительным солнцем, бар назывался «У Майка». Я подошел поближе и заглянул в окно. Большой зал, справа стойка, слева кабины для посетителей. Я успел заметить, как Хадсон исчез в одной из последних кабин вместе с невысокого роста толстячком. Спешить было некуда, пришло в голову, что и мне бы стаканчик чего-нибудь холодненького отнюдь не повредил. Дав Хадсону время как следует разместиться, вошел в бар и уселся в самую близкую к двери кабину, спиной к залу. Скоро ко мне подошла высокая блондинка с пышными формами и спросила:

— Что пожелаете?

По тому, каким тоном это было сказано, и по улыбке, играющей у официантки на губах, можно было без труда понять, что заведение указывало в меню отнюдь не все богатства, которые оно могло предоставить в распоряжение своих клиентов. Я посмотрел на девушку многозначительным взглядом.

— Вот гляжу на вас и думаю — действительно, что? Хотите верьте, хотите нет, моя красавица, но за неделю я объехал уже десять городов. А встретить вдруг где такую пышечку, как вы, застрял бы там надолго!

Девушка явно была довольна.

— Вы шутите! Десять городов за неделю? Да не может быть!

— Чистая правда! — сказал я, положив руку на грудь.

Внезапно ее осенило.

— Так вы коммивояжер, наверное?

— Так точно, красавица! Самый что ни на есть коммивояжер, замотанный до чертиков! Одно желание — отлежаться где-нибудь пару деньков, побездельничать! Только не подумайте что-нибудь плохое обо мне, — поспешил я добавить, заметив, что

выражение лица девушки вдруг изменилось. — А сейчас ничего мне не надо, кроме кружки свежего пива!

— Одно пиво? Хорошо.

Официантка направилась к стойке. Потом вернулась, поставила кружку пива и принялась вытирать стол довольно грязноватой тряпкой.

— Который час, мистер коммивояжер? У нас часы встали.

Я не торопясь взглянул на наручные часы.

— Около четырех, — ответил девушке, постукивая пальцами по запястью. — Эта штука ни на секунду не сбилась с хода за восемь лет, мисс... как вас?

— Джо-Анн, — ответила она, приглаживая рукой волосы. — За восемь лет ни на секунду с хода не сбились? Скажи, пожалуйста.

Я разразился довольным смехом.

— Прекрасные часы, Джо-Анн, просто прекрасные! Кстати, меня зовут Майер, Чак Майер!

— Очень рада с вами познакомиться, — промяукала девушка. — Послушайте, если вы и впрямь подыскиваете место, где бы можно было приятно провести время, скажем, день или два, думаю, смогла бы вам помочь, мистер Чак! Я тут знаю кучу людей! Моя работа заканчивается в шесть часов, будьте в это время где-нибудь поблизости!

— Обязательно буду, — сказал я, энергично подмигивая официантке. — У меня еще пара randevu... деловых, разумеется. Но ровно в шесть буду здесь!

Клиент окликнул ее, официантка отошла. Пиво было неплохое. Я закурил сигарету и стал ждать дальнейшего развития событий. И так задумался, что чуть было не прозевал появления Хадсона. Он тенью мелькнул сзади меня. Я бросил на стол несколько монет и, помахав рукой Джо-Анн, быстро вышел следом за ним. Хадсон направился прямо к «Венеции» и вошел в дом. Вероятность, что он вскоре опять выйдет на улицу, была невелика. Я вернулся к своей автомашине, выехал на главную улицу и припарковал машину у края тротуара метрах в двадцати от бара. Теперь меня интересовал толстяк с улыбочивым лицом, с которым беседовал Хадсон в баре. Может быть, все это ни к чему и я просто тяну пустышку? Ведь никому не возбраняется при такой жаре зайти в бар и пропустить там кружечку свежего холодного пивка. А я сдуру не нашел ничего лучшего, как следить за контактами Хадсона в баре...

Пока я так размышлял, к бару подкатило такси, белый с кремовым автомобиль. Толстячок пулей выскочил из заведения и сел в машину. Я пропустил грузовик, затем «шевроле», потом поехал следом. Путь оказался недолгим. Через десять минут мы подъехали к ближайшей улице торгового квартала. Такси внезапно остановилось, это застало меня врасплох. Только что нас разделяли две автомашины, и вот уже такси стоит у бровки тротуара, а толстяк лихорадочно роется в бумажнике, чтобы расплатиться. Я тут же затормозил; водитель, который следовал за мной в «олдсмобиле», тоже был вынужден дать резкий тормоз. Высунувшись из окна, он стал быстро и энергично комментировать мою личную жизнь до и после рождения; сердиться

на него было бы несправедливо. Я быстренько выскочил из автомашины и рванул стометровку до двадцатипятиэтажного коммерческого здания, в которое устремился мой толстяк. В холле оказалось два лифта. Я не стал пытаться настигнуть толстяка, когда увидел, что он вошел в кабину справа и что-то сказал лифтеру. Кроме него, в лифте никого больше не было. Можно с уверенностью сказать, что пока он меня еще не засек, а попадаться ему на глаза отнюдь не входило в мои планы. Во всяком случае, в данный момент. На световом табло обозначился шестой этаж — туда направлялся толстяк. Я подошел ко второму лифту.

— Пожалуйста, на шестой.

Лифтер, пожилой мужчина с изможденным видом, без особого энтузиазма согласно кивнул головой. Мы молча поднялись. Прибыв на этаж, лифтер нажал на белую кнопку, и дверцы лифта бесшумно открылись.

— Шестой, прошу вас.

Кивком поблагодарив лифтера, я вышел из кабины. На противоположной стене висела белого дерева доска, на которой черными буквами обозначались названия фирм и учреждений, расположенных на данном этаже. Толстяк уже куда-то исчез. На выбор было двенадцать контор. Рядом открылась дверь. Я обернулся и зафиксировал враждебный взгляд молодой черноволосой секретарши в безукоризненном костюме, она несла под мышкой грудку досье. Пришлось сделать вид, будто я увлечен исследованием доски с указанием фирм. Секретарша с неодобрительным видом проследовала в другую комнату дальше по коридору. А я подошел к лифту, которым воспользовался ранее толстяк, и нажал кнопку вызова кабины. Спустя несколько секунд дверцы кабины распахнулись, лифтер, молодой парнишка с белокурыми вьющимися волосами, вопросительно смотрел на меня.

— Вам вниз?

— Один момент!

Лифтер с удивленным видом оперся о стойку кабины.

— Что-нибудь случилось, мистер?

Я протянул ему пятидолларовую бумажку.

— Твои извилины хорошо работают?

Парнишка широко улыбнулся, взял пятидолларовик, понюхал его зачем-то и засунул в карман.

— Они в превосходном состоянии, мистер! Готовы к действию!

Я принял таинственный вид и, понизив голос, сказал:

— Дело касается бракоразводного процесса! Надо соблюдать полную тайну! Улавливаешь?

— Ну и что?

— Меня интересует тот тип, которого ты только что доставил сюда, на шестой этаж. Он из какой фирмы?

— Какой тип, шеф? На этом этаже их много работает.

— Он поднялся сюда в твоём лифте минут пять назад. Небольшого роста, толстый, с веселой мордой. На нем серый костюм.

— Ах, тот! Так вам не повезло, шеф! Он здесь не работает!

— Ты в этом уверен?

— Еще бы мне не быть уверенным! Он сюда часто ходит, да только тут не работает!

Я сделал вид, будто очень огорчен, и воскликнул:

— Вот незадача! Мне ведь надо продолжать за ним слежку! А к кому он сюда ходит, не знаешь?

Парнишка пальцем ткнул в коридор направо.

— Как не знать! Всегда в одно и то же место — в бюро путешествий! Скажите, вы, наверное, подозреваете какую-нибудь из секретарш?

Я энергично покачал головой. Раздался звонок вызова лифта.

— Думаю, тут замешаны большие шишки. Видимо, меня неправильно информировали. Спасибо, однако, за сведения.

Звонок надрывался. У лифтера был смущенный вид.

— А как же деньги, шеф?

— Оставь их себе. Все, что мог, ты сделал. Не твоя печаль, если я ошибся, сам виноват.

— Спасибо! — ответил парнишка, и лицо его снова озарила улыбка. Затем он взглянул на звонок, который продолжал трезвонить, и скорчил гримасу. — Если не возражаете, шеф, отправлюсь за клиентом, ишь как нервничает!

— Давай, давай, конечно! И спасибо тебе еще раз.

Дверцы лифта захлопнулись, кабина пошла вниз. Я поискал на доске объявлений название бюро путешествий. Туристское агентство Монктон-Сити, помещение № 7. Направился к комнате за этим номером. На стеклянной двери значилось название агентства, под ним указание — «Справочное бюро». В мои планы не входило столкнуться нос к носу с толстяком. Стал расхаживать взад-вперед перед соседней комнатой, где красовалась вывеска «Эксмур нувелти компани». Тут из бюро путешествий пробкой выскочил толстяк и устремился по коридору к лифту. «Всегда ли он так торопится?» — спросил я себя. Нетерпеливый какой-то тип. Между тем ноги уже перенесли меня через порог «Эксмур нувелти компани». Лысый клерк лет сорока, сидящий за какими-то бумагами, поднял голову и с беспокойством взглянул на меня.

— Да?

Я осмотрелся вокруг с растерянным видом.

— О, извините! Ошибся дверью.

— Ничего страшного!

Покинув «Эксмур нувелти компани», я направился на этот раз прямоком в бюро путешествий. Был готов ко всему, но только не к тому, что предстало взору. В приемной туристского агентства Монктон-Сити стояло два одинаковых письменных стола, за которыми восседали две девицы, самые красивые из всех, что мне когда-либо доводилось встречать. Одна из них, платиновая блондинка, была одета в платье из черной материи весьма строгого покроя, но с большим вырезом на груди. Другая, брюнетка с пышными блестящими волосами, носила точно такое же платье, только из белой ткани. Обе приветливо улыбались. Появилось такое чувство, будто нахожусь под перекрестным огнем двух крейсеров.

— Добрый день! — произнесла блондинка.

— Что пожелаете? — произнесла брюнетка.

Я закрыл за собой дверь и стал поочередно разглядывать обеих красоток.

— Вот это да! — воскликнул наконец. — Пришел сюда по делу, а оно вдруг совершенно вылетело из головы!

Красотки улыбнулись. Эффект оказался весьма впечатляющим. Туристское агентство Монктон-Сити умело вести дела. Войди сюда какой-нибудь бедняга с целью приобрести билет до Сан-Франциско, вполне мог выйти отсюда, снабженный билетами и всеми необходимыми бумаженциями для кругосветного круиза.

Направо за барьером я заметил выкрашенную золотой краской дверь с надписью «Дирекция». Кивнул в ту сторону.

— У меня дело к вашему боссу. Полиция!

Ослепительные улыбки тут же исчезли. Словно вдруг произошло короткое замыкание.

— Не знаю, на месте ли мистер Хартли... — начала было блондинка.

— Он здесь, — перебил я ее. — И скажите ему, что я тоже здесь. Престон.

Блондинка бросила взгляд на брюнетку, та пожала роскошными плечами.

— Никаких препятствий службе правопорядка! — сказала она.

Блондинка встала и подошла к позолоченной двери. Пройти ей надо было всего несколько шагов, но она вложила в них всю свою грацию и очарование. Брюнетка же не скрывала, что потеряла ко мне всякий интерес. Она взяла карандаш, раскрыла какой-то красочный проспект и стала делать заметки на блокноте из лимонно-желтой бумаги. Блондинка вышла из кабинета директора, оставив дверь полуоткрытой.

— Мистер Хартли ждет вас.

Я направился к двери директора, по пути улыбнулся блондинке. Она не обратила на это никакого внимания, повернулась ко мне спиной и пошла на свое место. Я открыл позолоченную дверь и взглянул на мистера Хартли. Это было нечто ультрамодное. Костюм белого полотна, стильный голубой шелковый галстук, из бокового кармашка высовывался кончик безукоризненного платка. Лет сорока, худощавый, с приятными чертами лица, никакого излишка мяса и костей в нижней челюсти или подбородке. Очень светлые голубые глаза и прическа а-ля Джон Кеннеди. На розового дерева письменном столе небольшая табличка слоновой кости с надписью: «Мирон С. Хартли». Весь антураж кабинета как бы внушал мысль, что Мирон С. Хартли идет по жизни правильным путем.

— Мистер Престон, если я правильно понял? Чем могу быть полезен полиции?

Руки он не подал, чем привел меня в восхищение.

— Не знаю, — ответил я ему. — Не имею никакого отношения к полиции.

Вид у Хартли стал недоумевающим.

— Секретарша же мне ясно сказала...

— Что вами интересуется полиция? — закончил я за него. — Это вовсе не означает, что я полицейский. Равным образом и то, что вы в чем-то подозреваетесь. Или я ошибаюсь?

Хартли посмотрел на меня с явным холодком. Это большое достоинство белых льняных костюмов. От них словно сквозняком продувает.

— Вы проникли ко мне в кабинет под фальшивым предлогом, — произнес он со сдержанным спокойствием. — Скажите, что вам угодно, и позвольте мне продолжать работу. Не в моих правилах зря терять время.

— Отлично!

Я подошел к афише на стене, которая рекламировала красоты Каталины. Прекрасная девушка в бикини возлежала на надувном матрасе, какие встретишь на любом пляже.

— А я там был, в Каталине. Только ничего подобного не видел!

— Это меня не удивляет. Такие девушки в третьеразрядных гостиницах не водятся. Могу уделить вам ровно одну минуту.

— Вполне достаточно, надо полагать. Где Хуанита Моралес? Вопрос его заметно удивил.

— Хуанита Моралес? А кто это?

Я подошел к письменному столу и совсем близко наклонился к Хартли; наши лица почти соприкасались.

— День был очень жаркий. И долгий. Не заставляйте меня зря терять время. Где она?

Хартли смотрел мне прямо в глаза.

— Не знаю, кто вы и о чем говорите. А теперь прошу вас выйти вон, иначе вызову вахтера.

Я выпрямился.

— Кто я такой? Престон меня зовут, — и бросил на стол визитку, он на нее даже не взглянул. — На этой карточке написано, чем я занимаюсь, мой телефон и адрес. Разыскиваю Хуаниту Моралес. Полицию я еще не ввел в курс дела. Допустим, ожидаю более интересного предложения. Но моего терпения хватит только до завтрашнего утра. А завтра отправлюсь в полицию и спою им свою песенку.

Хартли покачал головой, он явно забавлялся.

— А вы очень странный тип. Вламываетесь ко мне в кабинет и несете какую-то ахинею. Еще раз заявляю: мне ничего не понятно, что вы тут болтаете.

— Прекрасно! Придется продолжить эту болтовню в полиции. Надеюсь, там меня лучше поймут, нежели у вас.

С этими словами я покинул кабинет, Хартли остался сидеть за столом с улыбкой на губах, вид у него был невинный, он продолжал забавляться. Визитная карточка осталась на столе, директор туристского агентства Монктон-Сити по-прежнему не соизволил ее прочитать. В приемной агентства сестренки-секретарши продемонстрировали мне свои макушки, они увлеклись работой. Жаль, что не удалось завязать с ними дружбу, сразу две красоти, редкая удача! К тому же появилось такое чувство, что зря потратил время. И не только свое.

Знакомого лифтера в холле не оказалось. Я сел в машину и вернулся в контору. Было уже четверть шестого.

Глава IV

Флоренс Дигби, когда я появился, уже закрывала лавочку. Ее письменный стол был в идеальном порядке, она ставила в шкаф досье.

— Я собираюсь уже уходить, — зачем-то пояснила моя секретарша. — Если только вы не намерены нагрузить меня какой-либо работой.

— Нет, спасибо! Можете идти. А я еще посижу. Подожду новостей об этой Моралес.

Флоренс Дигби кивнула. Я прошел в свою комнату, раскрыл телефонный справочник, нашел номер телефона бара «У Майка», набрал его. Мне ответил мужской голос:

— Алло?

— Можно попросить к телефону Джо-Анн?

— Кто ее спрашивает?

— Майер. Скажите ей, Майер на проводе.

— Хорошо. Она обслуживает клиента. Как освободится, подойдет. Минуты через две-три.

Трубку бросили так небрежно, что я чуть не оглох от звука и потерял себе ухо. Тут к телефону подошла Джо-Анн. Голос у нее был недовольный.

— Что, надули меня?

— Момент, милочка, не сердитесь! Неужели вы думаете, я потратил столько сил, чтобы назначить вам встречу, а два часа спустя так просто вдруг пренебрег ею?

Джо-Анн несколько смягчилась.

— Ну, право, не знаю! Что хорошего можно ожидать от мужчин?!

— Будь вы мне безразличны, разве я стал бы вам звонить?

— Допустим. Так что все-таки произошло?

— Один из моих представителей назначил мне сегодня на вечер встречу с клиентом. В перспективе крупная сделка. Не исключено, что мои комиссионные возрастут на тридцать долларов в неделю. Такой сделкой, понятное дело, пренебречь никак нельзя!

— Понятно. Что дальше?

— Завтра мне надо быть во Фриско. Так что эта неделя накрылась. Но через пару недель вернусь обратно. Не возражаете, если зайду к вам тогда?

Не могло быть и речи о том, чтобы утратить контакт с Джо-Анн. Мало ли что может произойти. Вдруг эта девушка еще понадобится.

— Хорошо. Дело прежде всего. Если я еще буду в Монктон-Сити, когда вы вернетесь, тогда посмотрим. Может быть, договоримся.

Я ответил ей, что надеюсь на это, она тоже сказала, что надеется, тут я повесил трубку. Флоренс Дигби просунула голову в полуоткрытую дверь:

— Вы идете, мистер Престон?

— Нет, жду визита.

— Прекрасно! Тогда до завтра.

— До завтра, мисс Дигби!

Я устроился в кресле как можно поудобней и приготовился к длительному ожиданию.

Назначая свидание Джо-Анн, я следовал главному правилу своей профессии: никогда не пренебрегать малейшей возможностью. Но это было до моей слежки за толстяком и посещения туристского агентства. Возможно, Джо-Анн могла сообщить мне нечто для ориентации в деле, которым я занимался. А может быть, и нет. Если существовала какая-либо взаимосвязь между этим делом и молниеносным визитом в туристское агентство толстяка из бара «У Майка», тогда директор агентства, этот Хартли, бесспорно, знал немало, только не хотел ничего сказать. Суммируя, можно подвести такой итог. Не делая тайны из своих розысков, я весь день потратил на сбор там и сям сведений о Хуаните Моралес, а под конец пригрозил Хартли обратиться в полицию. Теперь надо было набраться терпения и ждать результата.

Спустя полтора часа, однако, я стал задавать себе вопрос: не попал ли пальцем в небо? Но тут услышал, что открывается дверь в контору. Приготовился к встрече любого, самого неожиданного посетителя, ибо не знал, кем этот посетитель может оказаться. Стук в дверь удивил меня.

— Войдите!

Дверь распахнулась, и появились два молодца. Я ожидал кого угодно, только не парней подобного типа. Им обоим было лет по двадцати, может, чуть больше они светились чистотой, сияли здоровьем. Судя по всему, эти молодые люди только что слезли с университетской скамьи, а теперь дебютировали в рекламном деле или где-нибудь в этом роде. Тот, что повыше, был рыжеволосый, другой — блондин. В остальном же они походили друг на друга как две капли воды.

— Марк Престон? — спросил рыжий. Я окрестил его — Номер один.

— Он самый. Что вам угодно?

— Можете уделить нам несколько минут? — Это спросил блондин. Номер два.

— Почему бы и нет?

Они прошли в комнату. Номер два закрыл за собою дверь. Уселись в кресле.

— Хорошо, — сказал я. — Что намерены предложить? Билеты на студенческий бал?

Номер один улыбнулся. Номер два тоже, потом произнес:

— Нет, мистер Престон. Мы пришли по делу, которым вы интересуетесь.

— Есть немало разных дел, которыми я интересуюсь. Между прочим, хотелось бы знать, с кем говорю?

— В данном случае это не имеет никакого значения, — заявил Номер один. — Мы сюда пришли только затем, чтобы оказать услугу одному из наших друзей. Сами же лично не намерены быть замешанными в этом деле.

— А ваш друг? Может быть, у него есть имя?

Номер два улыбнулся и покачал головой.

— Весьма огорчен, но все это носит крайне деликатный ха-

рактер. Нам поручено переговорить с вами об одной молодой особе. Некоей мисс Моралес.

Меня это нисколько не удивило. Я закурил сигарету и откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Ладно, валяйте! Говорите!

Номер один прокашлялся и прежде, чем начать разговор, поправил галстук.

— Почему вы интересуетесь мисс Моралес, мистер Престон?

Я не мог удержаться от смеха.

— Послушайте, парни, так дело не пойдет! Я же вас не разыскивал, вы сами ко мне заявились! И вы находитесь у меня в конторе, не я у вас! Если хотите мне что-нибудь рассказать о мисс Моралес, прекрасно, слушаю вас. Но если вы пришли сюда только затем, чтобы что-нибудь разнюхать, то ошиблись адресом. В такие игры не играю!

Юноши переглянулись. Номер один согласно кивнул. Номер два решил:

— Не могли бы вы дать нам слово чести, что все сказанное здесь останется между нами?

— Нет! — энергично возразил я. — Расследованием занимаюсь отнюдь не ради собственного удовольствия! Работаю на клиента!

— Хорошо. Сформулируем вопрос по-иному. Если вам сообщает некий факт, который окажется отнюдь не в пользу данной молодой женщины, удивит ли вас это?

— Не очень.

— А если окажется, что в деле замешано некое лицо, которое не имеет к вам никакого отношения, согласитесь ли вы на отказ от установления личности данного лица?

Пришлось немного поразмыслить. Потом я сказал:

— Тут вы меня ставите в затруднительное положение. Если вдруг выяснится, что указанная молодая женщина и ваш друг совершили убийство...

Номер один заметно развеселился, улыбнулся и покачал головой.

— У вас богатая фантазия! В этой истории нет абсолютно ничего криминального! Есть всего-навсего проступок... скажем, социального аспекта.

— Может быть, вы мне прямо скажете, в чем дело?

— Хорошо, — согласился Номер один. Он нервно поддернул брюки, чтобы не помялась складка. — Мисс Моралес беременна. А виноват в этом наш общий друг.

Чего-то в этом роде я и ожидал. Пришлось сделать усилие и продемонстрировать удивление:

— Беременна? Но это очень серьезное дело! А каковы намерения вашего друга?

На этот раз в разговор вступил Номер два:

— Он ведет себя как подобает джентльмену, могу вас заверить! Он отнюдь не намерен бросить девушку на произвол судьбы, оплачивает ее счета и всем занимается сам.

— Понятно. А жениться на ней не намерен?

Оба молодых человека очень смутились.

— Видите ли, — произнес Номер два. — Это означало бы для него полную катастрофу. Но мы можем вас заверить...

— Да, вы уже говорили. Но мне мало вашего голословного заявления. Где она, эта девушка? Могу ли я ее увидеть?

— Мы подумали, что, возможно, вы пожелаете с ней встретиться и побеседовать. Мы готовы устроить вам встречу. Хотите отправиться с нами?

— Куда?

— В одну из гостиниц в городе. Мы там поместили мисс Моралес. На одну ночь.

— Прежде, чем отправиться туда, расскажите-ка мне, откуда вам стало известно, что я разыскиваю эту Моралес!

Оба молодых человека уже встали.

— А это важно? — спросил Номер один.

— Возможно. Я беседовал на эту тему со всякого рода весьма сомнительными типами. С людьми, с которыми парни вашего круга в принципе не должны иметь ничего общего.

Номер два снова улыбнулся.

— О встрече с вами просил наш друг.

— И у него по-прежнему нет имени?

Я не спрашивал, а утверждал.

— Нет. Извините!

Спустя полчаса мы подъехали к отелю «Майами», довольно роскошной гостинице на авеню Уайтон. Студенты взяли такси, оно ждало их у входа в мою контору, мы уместились в машине все втроем. Куда едем, я не знал, пока шофер не затормозил около отеля «Майами».

— Вот и приехали, — сказал Номер один.

Я последовал за молодыми людьми; миновав стеклянные двери и турникет, мы оказались в холле гостиницы. Здесь было свежо, работала система кондиционирования воздуха. Номер один обратился к администратору:

— Мы к мисс Моралес.

— Она вас ждет?

— Да. Скажите ей, тут мистер Престон и его друзья.

Меня привели в восхищение лозкость, с которой Номер один сумел не назвать своего имени. Администратор сообщил о нас по телефону.

— Дама ждет вас, господа! — сказал он наконец. — Второй этаж, сто седьмой номер.

Мы отправились к лифту и поднялись на второй этаж. Затем наше трио проследовало по коридору к указанной комнате. Номер один нажал на кнопку звонка, затем открыл дверь. Все вошли, у окна стояла девушка и смотрела на нас. Молодая девушка с блестящими черными волосами, ее можно было бы назвать красивой, не будь такого изможденного, усталого лица. На ней было одето легкое домашнее шелковое платье, торчал большой живот.

— Хуанита, вот мистер Престон, о котором мы говорили, — объявил Номер один.

— Здравствуйте, сеньор Престон, — сказала девушка, приветствуя меня наклоном головы. — Мои друзья сказали, что вы хотите меня видеть. На какой предмет?

У нее был очень мелодичный голос, без акцента, ничто не выдавало мексиканскую крестьянку. Отец Томазо и миссионерская школа сделали свое дело.

— Здравствуйте, мисс Моралес! Действительно, я искал вас. Могу ли я поговорить с вами без свидетелей?

Можно было рассчитывать на протест со стороны представителей американской студенческой молодежи, однако Номер два тут же заявил:

— Ну, разумеется! Говорите, сколько хотите! Если пожелаете нас увидеть еще, мистер Престон, мы будем ждать вас внизу в баре. Если же нет, то прощайте!

Я кивнул головой, оба юноши тут же вышли. Мне думалось, их уход немедленно вызовет изменение в поведении Хуаниты, которое я нашел весьма прохладным. Нет, ничего не изменилось.

— Что ж, сеньор, вот мы и одни. Слушаю вас.

Медленно, тяжелой походкой она подошла к креслу с высокой спинкой и уселась в него. Я тоже сел.

— Не возражаете, если закурю?

Она равнодушно смотрела, как я достаю сигареты.

— Ваша семья поручила мне вас найти, Хуанита.

Она тяжело задышала.

— Моя семья? Этого не может быть! Они живут очень далеко отсюда!

— Да не так уж и далеко! — тихо возразил я. — Расстояние не имеет значения, когда девушка, которая убежала из дома, написав несколько писем, вдруг исчезает. Они поручили мне найти вас, вот почему я здесь. А теперь что делать будем?

Хуанита пришла в замешательство:

— Ничего не могу понять! Мои родители бедные люди, а ведь надо много денег, чтобы нанять такого человека, как вы.

— Да, вашему отцу, наверное, придется долго работать, чтобы вернуть кредиторам деньги, которые он занял, — согласился я. — А теперь, может быть, вы расскажете, что произошло?

— Что произошло? — произнесла она презрительно. — Разве вы не видите, сеньор? Что может произойти с бедной крестьянской девушкой, когда она попадает в большой город?

— Я вижу, вам придется рожать в чужом городе, где, без сомнения, у вас нет друзей. Кто отец ребенка?

— Это несчастье, сеньор, но мне очень повезло. Любая другая на моем месте страдала бы в одиночестве. А мне повезло. Отец ребенка ведет себя как благородный джентльмен, у него есть чувство долга.

— Я вижу, вы очень добрая женщина.

— О! Других судить легко, сеньор! Но большинство мужчин на его месте повернулись бы ко мне спиной. Я знаю, что полностью могу на него рассчитывать до... До конца испытания.

— Ясно. А потом?

— Кто знает? Но он обещал сделать все при условии неразглашения его имени.

Про себя я должен был признать, что, если все так, как она говорит, этот тип, видимо, совсем не плохой человек. На его месте девятеро из десяти вскочили бы в первый отходящий поезд.

— А что мне сказать вашему отцу?

— Моему отцу? Разве вы его видели?

— Да. Он чувствует себя хорошо. Почему вы перестали ему писать?

Хуанита развела руками.

— Не знаю. Когда я сбежала от мисс Уайтон, то умирала от страха. Я была в таком состоянии, что мечтала о смерти. С ума сходила при мысли, что мои родители узнают о случившемся. И решила: если ничего не писать никому, то получится, будто меня вообще нет на свете. Никогда не думала, что со мною может приключиться такое. Думала, вдруг проснусь однажды, кошмар исчезнет, вернусь домой, и все пойдет, словно ничего и не было. В голову приходят сеньор, разные бредовые мысли от страха!

— А теперь? Теперь ведь вы смотрите на происшедшее по-другому, почему же не написать им?

Хуанита согласно кивнула.

— Я была так занята своими собственными заботами, что не способна была думать о родных. Завтра обязательно им напишу!

Вдруг лицо ее озарилось.

— Он здесь?.. Нет! Не может быть и речи! Сейчас я не хочу видеть отца. Не надо, чтобы он знал про это. — И она показала на свой живот.

— Так что же мне ему сказать?

— Что угодно. Скажем, вам удалось встретиться с одной из моих подруг. А я куда-то уехала... Ну, не знаю, право.. В Неваду, например, а я ему обязательно напишу!

Минуту я раздумывал.

— А почему, допустим, вы сказали своей подруге, будто напишете родным, в то время как сами так долго не давали о себе вестей?

Хуанита сморщила лоб, усиленно размышляя.

— Скажите, со мной был несчастный случай. Да, несчастный случай! Я каталась на лыжах в Солнечной долине, упала и сломала правую руку. Открытый перелом.

— Что ж, годится.

Я встал и пошарил в кармане в поисках визитной карточки.

— Здесь вы найдете мой адрес и номер телефона. Я знаю, что мистер Икс заботится о вас, но, если вдруг я вам зачем-либо понадоблюсь, дайте мне знать. Обещаете?

Хуанита согласилась:

— Обещаю. Очень вам признательна, сеньор Престон! Все тут так добры ко мне!

Голос ее прервался, было ясно, что вот-вот польются слезы. Я чувствовал себя крайне неловко. То, что произошло с этой девушкой, было делом весьма обычным, тривиальным. С той лишь разницей, что в большинстве случаев ответственное лицо смывается, не заплатив по счету. Я пожелал удачи Хуаните Моралес и расстался с ней. Спускаясь в лифте, обдумывал, что сказать Рамону Моралесу. Радости мало было от предстоящего разговора. Человек, проделавший пешком и на попутках четыреста километров, имеет право надеяться на нечто большее, чем на кучу лжи и выдумок. Единственным моим утешением была мысль о том, что правда причинила бы ему немалую боль.

В бар я решил не заходить. Нечего было мне сказать тем двум студентам. Но тут в голову пришла одна мысль, я остановился около стойки администратора.

— Добрый день, мистер! — машинально сказал мне служащий отеля.

— Да мы с вами уже виделись полчаса тому назад! — напомнил я ему. — Мы приходили навестить мисс Моралес. Вспоминаете?

Служащий внимательно посмотрел на меня, потом расплылся в улыбку:

— Ах да! Вспоминаю, мистер! Комната номер сто семь, не так ли?

— Конечно! Со мной было два молодых человека.

— Не может быть!

— Точно!

И я описал внешность обоих студентов.

— Теперь вспоминаете?

— Конечно, помню! Очень даже хорошо помню!

Он был в восторге. «Хорошо еще, — подумал я, — что нет необходимости расспрашивать его о временах предысторических. К примеру, об утреннем завтраке, который он ел».

— А не можете ли вы, часом, сказать мне, кто были эти два молодых человека?

Администратор прямо-таки расцвел:

— Ну, разумеется, же! Я не знаю, правда, как их зовут, но последнее время они часто бывают в нашем отеле. Это друзья или скорее агенты мистера Хартли.

Он мне сделал просто-таки новогодний подарок.

— Мистер Хартли? Боюсь, не знаю такого, — заявил я, сделав удивленное лицо.

— Чувствуется, что вы не занимаетесь гостиничным бизнесом, мистер! Во всяком случае, в Монктон-Сити. Мистер Хартли занимается в нашем городе организацией всякого рода конгрессов. Промышленников, торговцев, политических деятелей, особенно республиканской партии.

— Понятно. А эти молодые люди, они что, работают у мистера Хартли?

— Да, насколько мне известно, дело обстоит именно так. Видите ли, в задачу мистера Хартли при проведении любого конгресса входит организация, так сказать, соответствующей обстановки, надлежащей атмосферы. И все служащие у него такие приятные люди, такие славные, что просто трудно сказать, друзья ли они его или просто агенты.

— Он, видимо, потрясающий тип, этот мистер Хартли! — убежденно сказал я. — Счастливого Нового года!

Он, конечно, ничего не понял: на дворе был июль.

Глава V

Я поймал такси и решил вернуться домой в Парксайт Тауэр. Это в центральной части города, квартирная плата здесь умопомрачительна. Отчасти потому, что тут всегда тишина и спокойствие. Но в этот вечер наш мирный пейзаж нарушила полицейская автомашина, которую я обнаружил в нескольких метрах от своего дома. Войдя к себе, увидел полицейского, развалившегося в моем лучшем кресле. У него были широкие плечи и грудь бочонком, кресло под ним казалось детской игрушкой.

— Решил вас тут подождать, Престон, — заявил он, увидев меня. — Надеюсь, не имеете ничего против, а?

— Вы же меня знаете, Рэндалл. Чего только не сделаешь для наших мужественных ребят в синей форме!

Это замечание отнюдь не отличалось точностью. В действительности же Джил Рэндалл, сержант уголовной полиции, всегда ходил только в штатском. Было бы преувеличением сказать, что его вид доставил мне удовольствие. Рэндалл — опасный человек. Если он занимался каким-либо делом, это означало, что сильно пахнет жареным. Мне бы не хотелось в том быть замешанным.

— Ну, что нового? — спросил я его.

Рэндалл слегка привстал и посмотрел на меня сверху вниз.

— Скучаю без вас, Престон! Полгода, наверное, уже как не виделись! Вот мне и пришла в голову мысль зайти мимоходом, поболтать немного. Догадываетесь, думаю, что я хочу сказать.

— Еще бы! Последний раз мы с вами так болтали часов шесть! У меня после этого полмесяца мозги всмятку были!

— Подумаешь! — сказал он, пожимая плечами. — Работа такая. Чтобы жить — надо трудиться. А сегодня по дружбе заскочил. Только так. Маленький дружеский визит.

— Я весь внимание. Начнем нашу маленькую дружескую беседу.

Рэндалл смежил веки, потом рассмеялся.

— Прекрасно! Как вы поживаете? И откуда прибыли?

— Сейчас?

— Сейчас. Это меня очень интересует.

— А Рурке знает, чем вы интересуетесь?

— Мы старые друзья, лейтенант Рурке и я, — заметил Рэндалл любезным тоном. — Он знает, чем я интересуюсь. И я буду с вами откровенен, Престон. Его это тоже интересует. Так что отвечайте. Откуда вы прибыли? Где были?

— Подождите, дайте подумать. Сегодня утром я встал довольно рано...

Начал подробно описывать, что ел за завтраком, что пил, но Рэндалл меня перебил:

— Может быть, дело пойдет быстрее, если я буду задавать наводящие вопросы.

— Еще лучше, если вы объясните причину вашего присутствия в моем доме!

— А разве не догадываетесь? Неужели никогда не слышали о некоем Грее Хадсоне?

— Хадсоне?

Я сделал вид, будто пытаюсь вспомнить, доводилось ли мне когда-либо слышать о некоем Грее Хадсоне.

— Да, Хадсоне. Произношу по слогам: Хад-со-не.

— Что-то это имя мне напоминает. Но черт меня побери, если помню, что именно!

— Престон, старина, а вы деградируете! Если так будет продолжаться дальше, придется вам искать себе другую работу! Вы заявляете, будто не знаете Хадсона, а между тем виделись с ним сегодня после полудня!

— Правда?

— Около трех часов пополудни, Престон! Вахтер внизу вас прекрасно помнит! Кроме того, вы оставили у Хадсона свою визитку! Так-то!

— Послушайте, сержант, просветите меня! Какая важность, знаю я Хадсона или нет? И почему вы у него самого не спросите об этом, а?

Рэндалл выпрямился в кресле, лицо его приняло суровое выражение.

— Хадсон вряд ли сможет рассказать! Прежде всего потому, что кто-то воткнул ему промеж лопаток кухонный нож!

Что-то в этом роде я и ожидал услышать. Центральное полицейское управление Монктон-Сити не станет посылать Джилла Рэндалла, чтобы просто поболтать о плохой и хорошей погоде.

— Понятно.

В качестве комментария это было, конечно, не очень блестяще, но ничего лучшего на ум не пришло. Убийство Хадсона стало врасплох, удар оказался чересчур сильным. Я взялся найти исчезнувшую девушку. Самое что ни на есть классическое дело. Мне повезло, я разыскал эту девушку и за несколько часов покончил с расследованием. И вот вдруг Хадсон позволил кому-то себя пришить. Он не представлял для меня уже никакого интереса, а я рисковал утратой лицензии и тюремным заключением за содействие мексиканцам, тайком пробравшимся на территорию Соединенных Штатов. Одним словом, повезло, как утопленнику.

— А вас что-то это известие не очень удивило, — заметил Рэндалл.

— Не очень удивило? Нет, что вы! Я, конечно, удивлен. Но не больше, чем это необходимо. В конце концов речь идет о малознакомом для меня человеке. Повторяю, я его ранее не знал.

— Но вы были у него сегодня после полудня!

— Согласен. Я был у него сегодня после полудня. Вошел к нему и беседовал с ним минут пять. А раньше никогда его не встречал. Ничем не могу вам быть полезным!

Рэндалл погрозил мне толстым, словно бейсбольная бита, пальцем.

— Скромность — это прекрасно, Престон, но вы ею злоупотребляете! Откуда вам знать, можете вы быть мне полезным или нет? Отвечайте лучше на вопросы! О чем вы говорили с Хадсоном?

— Что вам даст, если я отвечу: это была обычная болтовня! Мне пришлось его посетить, дабы попытаться узнать некоторые подробности по делу, которым я занимаюсь. Это дело не имеет никакого отношения к кухонному ножу или убийству!

Рэндалл покачал головой.

— Да, это мне явно ничего не даст!

— Прекрасно! Я отправился к Хадсону по делу совершенно ординарному. Совершенно ординарному, но конфиденциальному. И закон не обязывает меня разглашать существо моего расследования или имя клиента, поручившего это расследование, без его предварительного согласия.

— Не ваша забота просвещать меня, что предписывает закон, — проворчал Рэндалл. — Закон — это моя забота! Но есть

и другая статья закона, которую вы, наверное, знаете. Статья об учинении препон полиции при проведении расследования и отказе от дачи свидетельских показаний.

— Вы не совсем точны в формулировке, сержант! Эта статья подчеркивает: если свидетельские показания могут быть полезными при проведении расследования!

Когда ему противоречат, Рэндалл никогда не злится. Наоборот, он демонстрирует олимпийское спокойствие. И это отнюдь не добрый признак для собеседника. Для меня в данном случае.

— Направляясь к вам, Престон, я не думал, что встречу с вашей стороны непонимание. Теперь вижу, что ошибался. Вы доставите мне несказанное удовольствие, если позвоните вашему конфиденциальному клиенту и испросите у него разрешения сообщить мне, как его зовут. В противном случае придется поставить вопрос, можете ли вы и дальше пользоваться доверием полиции. Я говорю серьезно, Престон!

В душе у меня все кипело от ярости. Я проклинал судьбу, что ниспослала мне такого клиента, как Рамон Эстебан Моралес, именно в тот день, когда этот юбочник Хадсон позволил кому-то себя прикончить. Передо мной вставала альтернатива, которая вряд ли стоила пару ломаных грошей. Или я должен похерить усилия многих лет, которые потребовались для установления добрых отношений и духа сотрудничества с местной полицией, или направиться напрямик за решетку. Право, я основательно влип. Пока ломал себе голову, как выкрутиться из беды, зазвонил телефон. Рэндалл повернулся мощным телом так, чтобы созерцать меня при разговоре.

— Престон у телефона!

Я услышал вздох, затем мягкий женский голос:

— Так что же, милый, мне казалось, вы должны были мне позвонить?

Говорила Дикси Уайтон; не знаю, что она хлестала сегодня утром, но на памяти ее это отнюдь не сказалось.

— Скажи, пожалуйста! Миссис Уайтон! Добрый вечер!

Я бросил быстрый взгляд на Рэндалла, чтобы проверить, засек ли он ее имя. Но с тех пор, как мы свели знакомство, убедился, что прочитать что-либо на физиономии сержанта было делом безнадежным. Я повернулся к нему спиной, нарочито понизил голос и постарался сыграть роль человека, который не очень удобно себя чувствует. Но вместе с тем сделал так, чтобы визитер из уголовки не пропустил ни слова.

— С чего это вдруг вы меня стали величать миссис Уайтон, а? — удивилась Дикси. — Или у вас с памятью неладит, или перебор с женскими телефонами в записной книжке? Ну как, нашли эту соплячку, о которой уши мне прожужжали сегодня утром?

— Прошу извинить, миссис Уайтон. Я собирался позвонить вам попозже. В данный момент боюсь, что не в состоянии обсуждать наше дело. У меня посетители. Офицер полиции.

— Ого! — сказала она и лениво засмеялась. — Улавливаю. И вы ломаете перед ним комедию. Что происходит, Престон? Какая-нибудь бедняжка нажаловалась на вас, что вы ей не звоните?

— Нет, — поспешил ответить ей. — Уверяю вас, к вашему делу это не имеет никакого отношения! Могу ли я позвонить вам попозже? Вы у себя?

— В такое-то время? С ума спятил! Я в клубе. Подождите минутку, скажу номер телефона. Ноль — ноль пять — двести девяносто один. Записали?

— Записал, миссис Уайтон! Как только смогу, тут же позвоню!

— Очень на это рассчитываю!

Она повесила трубку. Я удержался от желания потанцевать от радости и повернулся к Рэндаллу. Он смотрел на меня весь-ма нелюбезно.

— Миссис Уайтон? Она ваша клиентка?

— Не стану этого утверждать, Рэндалл, — ответил я осторожно.

— А я не глухой! — проворчал пслицейский. — Это какая, старуха или одна из невесток?

Я сделал тайный вид и ничего не ответил. Рэндалл, словно слон, поднялся с кресла. Обиженный слон.

— Вы меня разочаровываете, Престон! Я так рассчитывал на ваше содействие!

— Сожалею, Рэндалл! У меня руки связаны.

— А у меня нет. Да, я понимаю, вы можете укрыться на какое-то время за спиной семейства Уайтонов. Я не такой дурак, чтобы нарываться тут на неприятности. Но найду повод с вами поквитаться, запомните это хорошенько! Мы еще встретимся!

Больше он не сказал ни слова. Не могу похвастать, что пользуюсь большой популярностью среди полицейских, но мне явно не улыбалось иметь Рэндалла в числе врагов. К тому же, положила руку на сердце, надо было признать, что он прав. Но прежде всего следовало заняться Дикси Уайтон. Надо полагать, она звонила отнюдь не затем, чтобы справиться, как идут мои дела. К тому же, думал я, эта женщина из тех, что могут быть причиной всякого рода неприятностей. Но так же ясно было, что ей необходимо позвонить. И что любым способом надо сохранять контакт с ней, дабы парни из уголовки оставались пребывать в уверенности, что она моя клиентка. Я набрал номер, который она мне дала. Это был телефон клуба. Когда на другом конце провода сняли трубку, послышался обычный для такого рода заведений шумовой фон.

— Алло? — Безличный и безразличный мужской голос.

— Пожалуйста, миссис Уайтон!

— Кто просит?

— Скажите просто, что знакомый.

— Подождите у телефона!

В трубке слышались голоса: заведение, судя по всему, было переполнено. Смех, звяканье бокалов. Очевидно, бар. Наконец послышался голос Дикси Уайтон:

— Уайтон у телефона. Кто говорит?

— Мы с вами познакомились сегодня утром.

— Узнаю, мой красавец! Вы знаете, где находится «Устричный садок»?

— Приходилось бывать.

— Вот здесь я и нахожусь, любовь моя. Приезжайте скорей, а то можно умереть со скуки!

— Вы одна?

— А что мне делать одной в клубе? Нет, здесь со мной друзья. Но никаких мужчин, во всяком случае, в том смысле, в каком следует понимать. Надеюсь, вы догадываетесь?

— Да, я вас понял! Буду через четверть часа!

Есть люди, которые не в силах остановиться: чем больше им достается на орехи, тем больше нарываються. Дикси Уайтон отнюдь нельзя было отнести к числу обычных добропорядочных женщин. Во-первых, она замужем. Во-вторых, Уайтонам фактически принадлежал весь город. И в-третьих, наконец, Дикси представляла собой типичного сорванца и могла придумать черт знает что. В предстоящие часы следовало крепко поразмыслить, что делать и как поступить, дабы не попасть впро-сак.

«Устричный садок» представлял собой модный кабак. Много лет заведение прозябало и вдруг внезапно превратилось в место встречи полуночников, известное «всему Монктону». Владелец кабака был Реубен Кранц, мой старый друг. Он стоял у входа в заведение и болтал с клиентами. Увидев меня, помахал рукой и извинился перед собеседником.

— Привет, Престон! Очень рад тебя видеть! Давно уж ты у нас не был!

Обменялись рукопожатием.

— Привет, Кранц! Вот уж не думал, что ты обрадуешься при виде такого клиента, как я! Тебя ведь штурмом берет весь высший свет!

Кранц втянул носом воздух в знак презрения и негромко сказал:

— Эта банда-то? Мне на них наплевать! Я лишь гребу монету! Но ты себе представить не можешь, что порой приходится терпеть из-за этих сволочей!

Я рассмеялся и провел пальцем по накрахмаленному отвороту его белоснежного смокинга.

— Зато можешь позволить себе носить роскошные шмотки!

— Очко в твою пользу!

Он потащил было меня за собой в кабак, но я воспротивился.

— Извини, но у меня здесь назначена встреча.

Жестом попрощался с ним и вошел в бар. Народу было предостаточно, я сразу же узнал с полдюжины городских знаменитостей. За одним из столиков восседала Дикси Уайтон в компании мужчин и женщин. Она оживленно разговаривала и даже не подняла головы при моем приближении.

— Вы мне, кажется, обещали танец, миссис Уайтон, — обратился я к ней.

Она подняла глаза. Другие тоже. Мне показалось, что самый молодой из мужчин, у которого были небольшие светлые усики, выказал недовольство.

— А, наконец-то и вы! Садитесь-ка рядом со мной!

И, обращаясь к блондинке, что сидела рядом, сказала:

— Не правда ли, он красив?

— Просто прекрасен! — согласилась блондинка, даже не взглянув на меня.

— Стало быть, вы один из тех частных сыщиков, о которых столько пишут газеты? — спросил усатый. — У вас, похоже, нескудная жизнь!

По тону я понял, что ему хотелось бы затеять со мной ссору. Он явно имел виды на Дикси Уайтон.

— Не стоит верить всему, что пишут газеты. А вы чем занимаетесь?

— Мой бизнес — мясо.

— Судя по ценам на бифштекс, которые приходится платить, вы тоже не должны скучать! — заметил я.

Все засмеялись. Между тем то, что я сказал, отнюдь нельзя было считать чем-то особо остроумным. Это не тянуло больше, чем на улыбку.

— Вы не поняли, мой милый, — сказала Дикси, поворачиваясь в мою сторону и просовывая руку мне под локоть. — Гарри имеет в виду совсем не то мясо. Гарри ищет таланты. Нечто вроде: «А вот пятьдесят самых красивых девушек, подобных которым вы еще не видели... Заходите и убедитесь сами». Его дело разыскивать таких девушек. Гарриис Свенсон. Вы о нем должны были слышать.

Все смотрели на меня, явно забавляясь.

— Разумеется, — ответил я.

Это была ложь, но бесполезно в этом признаваться. Второй тип начал что-то болтать о какой-то абсолютно мне неизвестной банде мошенников. Я уже начал спрашивать себя, зачем сюда пришел, как вдруг Дикси объявила:

— Мы уходим! Огорчительно вас покидать, но мой детектив лицо самое что ни на есть частное и намерен задать мне массу замечательных вопросов. Не правда ли, милый?

— Всего один-два, как мне помнится!

Когда мы поднимались из-за стола, Свенсон спросил, сделал удивленный вид:

— Два? А какой второй, Престон?

Я взглянул на платье Дикси Уайтон. Оно было из ярко-красной ткани, спина полностью обнажена; а учитывая глубину выреза на груди, возникал вопрос: каким образом вообще платье держалось на теле?

— Я намерен спросить ее, где она спрятала тело.

Пока Дикси Уайтон пребывала в туалете, наводя красоту, я прислонился к стене и наблюдал за столом, который мы только что оставили. Спутник Гарри Свенсона, которого мне не представили, принялся сплетничать. В нескольких шагах от меня какой-то вновь прибывший тип взглядом выискивал в толпе знакомых. Я бы не обратил на него внимания, если бы он не направился вдруг к столику, за которым сидели Свенсон и компания. Все встретили его словно доброго друга, он сел и повернулся лицом в мою сторону. Тут я узнал Мирона С. Хартли, директора туристского агентства Монктон-Сити, вид у него был мрачный. Но мне не удалось успеть сделать какие-либо выводы, потому что появилась Дикси Уайтон.

— Пойдем отсюда, — сказала она, — и побеседуем немного без свидетелей.

Глава VI

Мы молча проехали пригороды. Дикси сидела рядом со мной, совершенно расслабившись. Она запрокинула назад голову, черные блестящие волосы разметались, взгляд был устремлен в темно-синее небо. Проехав несколько миль, я свернул к пляжу и затормозил. Мы смотрели, как Тихий океан накатывает на сушу свои волны, они с шелестом лениво умирали в песке метрах в десяти от колес автомашины.

Дикси потянулась, словно только сейчас заметила, что мы остановились.

— М-м-м! — произнесла она с наслаждением. — Итак, настало время допроса?

— Если вы к нему готовы, — ответил я, протягивая ей сигарету.

— А оно мне нравится, тутошнее помещение для допросов, — промурлыкала Дикси, поворачиваясь ко мне.

Я чиркнул зажигалкой, вспыхнуло пламя. Женщина ждала отнюдь не этого. С удивленным видом она посмотрела на пламя, пожала плечами, потом наклонилась и закурила сигарету.

— Чтобы выкурить сигарету, мне потребуется десять минут, — сообщила Дикси. — Вы сможете задать немало вопросов.

— Всего несколько. Например, такой: что произошло сегодня утром после того, как я уехал?

— Как что произошло? Да вовсе ничего не произошло! Не понимаю.

Я повернулся к ней так, чтобы видеть ее лицо.

— А что тут понимать? Не каждый же день вам наносят визит частные сыщики! Говорили ли вы с кем-нибудь обо мне?

— Нет. А надо было?

— Начнем сначала. Вы мне сказали, что Хуаниту Моралес вам направил некий Грег Хадсон.

— Это правда. Можете сами у него спросить, — сказала она недоуменно.

— А я у него спрашивал. Он мне ответил, что больше ничего о ней ему не известно. Я стал шуровать там и сям и в конце концов отыскал эту девушку.

Дикси Уайтон в первый раз проявила некоторый интерес:

— Вы шутите! Быстро у вас получилось! Как удалось раскрыть тайну? А установили, почему она вдруг от меня сбежала?

— Она послала меня к чертовой матери. На испанском языке. Дикси прыснула.

— Не сердитесь на нее, милый! Издержки производства. Зато у вас есть чем утешиться. Ведь благодаря ей вы познакомились со мной. Для вас это может быть великий день.

— Точно. Ибо, разыскивая Хуаниту, я одновременно свел знакомство с Греггом Хадсоном. Для него тоже это великий день. И к тому же последний.

Дикси вопросительно посмотрела на меня.

— Не понимаю. Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что он мертв, мой ангел.

Она медленно покачала головой.

— Не верю вам.

— Хотите верьте, хотите нет! В городском морге в боксе за номером девять лежит труп. Его зовут Хадсон.

Дикси съежилась на сиденье, словно хотела максимально отдалиться от меня.

— А почему он умер?

— Кто-то забыл у него в спине кухонный нож.

Я попытался выдуть кольцо сигаретного дыма, но ветер с моря унес его. Дикси погрузилась в размышления.

— Кто его убил? — спросила она.

— Если верить выводам полиции, то идеальным подозреваемым мог бы стать я. В действительности же полицейские этого не думают, но им известно, что я встречался с Хадсоном сегодня после полудня.

— Но вы же его даже не знали раньше, — сказала Дикси, говоря словно сама с собой.

— Это верно. Но сие известно только вам. Ведь это вы меня навели на упомянутого Грега Хадсона. Именно поэтому я к нему и отправился. Затем спустя немного времени его кто-то прикончил. Существует ли взаимосвязь между моим визитом и его смертью?

— Не понимаю. Вы же говорите, что нашли Хуаниту Моралес? Таким образом, Грега убили отнюдь не затем, чтобы помешать вам ее отыскать! А для вас, если исключить мексиканку, он никакого интереса не представлял.

— А вот о вас этого не скажешь, — произнес я сладким голосом.

— Совершенно не в силах вас понять!

— Хадсон был бабником. Вы сами мне это сказали. И он тем хвастался. Это общеизвестно. Когда вы рассказывали мне о нем, радость вас отнюдь не переполняла, это было заметно по вашему виду.

— Ничего странного. Я не испытывала к нему никакой симпатии. Скажите прямо, — тон ее сделался агрессивным, — неужели вы всерьез предполагаете, что я могу быть замешана в этом деле?! Какой идиотизм!

— Почему? Его убили. Когда такого рода молодцов убивают, прежде всего приходит в голову, что убийца или брошенная женщина, или муж женщины, которую еще не бросили.

Дикси коротко рассмеялась, в смехе ее было больше презрения, чем веселья.

— Муж? Вы что, Флойда имеете в виду? Мой милый, сразу видно, вы совершенно не знаете моего мужа. Иначе бы вам и в голову не пришло, что он в состоянии убить кого-либо из-за меня! Да если я вдруг начну раздеваться догола прямо на тротуаре среди бела дня перед толпой пьяных матросов, он даже лицу не перейдет, чтобы этому помешать!

— Неужели и впрямь так?

Я внимательно следил за нею. Она смотрела прямо перед собой сквозь ветровое стекло, лицо не выражало ничего. Если бы Флойд Уайтон-младший по-иному относился к своей жене, возможно, и она была бы другой. Но меня это совершенно не ка-

салось, это их заботы. Не было ни малейшего желания вмешиваться в семейные дела клана Уайтонов.

— Расскажите мне о Хадсоне!

Дикси очнулась.

— Грег? Что можно о нем сказать? Красивый парень, всегда улыбался, милый, если надо было. Очень озабоченный бабами. Он всегда заявляет — заявлял, точнее, — что по части постельных дел считает себя чемпионом всего Тихоокеанского побережья.

В голосе ее мне послышалась нотка горечи.

— Теперь он уgomонился навсегда, — напомнил я ей. — И вопрос заключается в следующем: по чьей вине? Чем он вообще занимался? Были ли у него какие-либо деловые связи?

Дикси пожала плечами.

— Возможно, только он никогда об этом не говорил. Всегда с распростертыми объятиями, всегда готовый любого дружески похлопать по спине. Знаете, кого он мне напоминал?

— Нет.

— Когда он старался выглядеть хорошим парнем, эдаким добрым товарищем, я всегда думала о ведущих телешоу, ужимки до одурения и фальшивое доброе расположение духа.

— Понятно. Я говорил с ним всего лишь несколько минут, но очень хорошо понимаю, что именно вы хотите сказать.

— Скажите, может быть, хватит вопросов? Я замерзла.

Какие бы там намерения ни питала Дикси Уайтон, решившись совершить со мной вечернюю прогулку в автомашине, сейчас у нее все вылетело из головы. Атмосфера приятного интимма, который она излучала, словно электрогенератор, полностью рассеялась. Известие о гибели Хадсона прервало ток флюидов и охладило ее. С одной стороны, я поздравлял себя с этим. Мне ведь ужасно не хотелось ввязываться в любовную интрижку с женой одного из самых влиятельных людей города, и теперь в этом отношении можно было быть спокойным, опасность миновала. Мы поехали обратно в город и снова погрузились в молчание, только иного рода. Рядом со мной сидела женщина, которую некто провожает в автомашине. Неважно кто. Просто знакомый. Когда мы въехали в Монктон-Сити и миновали окраины, она сказала:

— Отвезите меня в клуб. Мои друзья еще, наверное, там.

Она произнесла «мои друзья» таким тоном, что стало понятно: я к их числу не отношусь. Остановив машину около заведения Кранца, сделал знак портю в ливрее, который направился было в нашу сторону, чтобы он отошел.

— Мне бы хотелось попросить вас об одолжении, — обратился я к Дикси.

— Смотря о каком.

Она хотела лишь одного: расстаться со мной как можно быстрее, ничего не слышать более ни об убийстве, ни о полиции. Скорее вернуться в залитый огнями бар, где все, что я ей рассказал, не замедлит утратить реальное содержание.

— Если вдруг вспомните что-нибудь о Хадсоне, какую-нибудь деталь, способную пролить новый свет на это дело, обещайте, пожалуйста, позвонить мне!

— Могу обещать вам только одно: если и позвоню, то лишь по этому поводу. По правде говоря, Престон, вы меня разочаровали. У вас ограниченный диапазон тем для беседы!

Она выскочила из автомашины и устремилась к сверкающему огнями входу в «Устричный садок». Я немного подождал, затем последовал ее примеру, вылез из автомобиля, подошел к портье и сунул ему в руку доллар.

— Спросите у Кранца, не найдется ли у него для меня несколько минут.

Портье спрятал деньги в карман, оглядел меня с ног до головы, затем сказал:

— А он в баре. Прямо у входа.

— Знаю, но не хочу там показываться. Из-за дамы. Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду.

— А если он спросит у меня ваше имя?

— Скажите просто, что должен мне бокал вина.

Портье снова оглядел меня, пожал плечами и вошел в заведение. Вышел оттуда он почти сразу же, следом шел Кранц.

— Вот господин, который вас спрашивает.

— Престон! — воскликнул Кранц. — За один вечер сразу два визита!

Повернувшись к портье, он сказал:

— Все в порядке, Бифф!

Бифф понял намек и отошел в сторону.

— Очевидно, я понадобился тебе вовсе не ради бокала вина?

— Конечно. Ты заметил, с кем я сегодня уходил из бара?

— Да, знаю эту даму. Но извини, не стану произносить ее имя.

Хозяин «Устричного садка» явно приготовился к глухой обороне.

— Ты заблуждаешься, Кранц! Это чисто деловое знакомство.

По его замкнутому лицу невозможно было определить, верит он мне или нет. Скорее нет.

— А тот тип, что сидел с нею за столом, Гарри Свенсон, ты его знаешь?

— Не исключено. А в чем дело, почему все эти вопросы?

— Говорю же тебе — это моя работа!

Кранц скорчил гримасу.

— Да, понимаю. Только ты забыл мне сказать, хотя это и общеизвестно, что бизнес твой очень специфичен. Опасный бизнес. А мой бизнес — хорошо управлять кабаком, чтобы все шло тут достойным образом.

— Достойным образом?! Ты меня смешишь! Ловушка для дураков, вот что такое твой кабак

— Может быть, и так, ловушка для дураков. Но функционирует она на законном основании. А как ты думаешь, долго бы я продержался, начни болтать направо и налево все, что знаю?

Я был разочарован, но не слишком.

— Значит, ты ничего не хочешь мне сказать?

Он покачал головой.

— Извини меня, Престон! Можешь задавать любые вопросы, но только о том, что касается меня лично. А в остальном я слеп, глух и нем!

— Тем хуже для меня! До скорого!

Я сел в машину. Включил зажигание, но тут Кранц сунул голову в окно: Дикси оставила стекло опущенным.

— У этого Биффа длинные уши, дружище! Я мало что знаю о Свенсоне, только он мне очень не нравится! У него странные знакомые. Гангстеры. Причем настоящие, пробы негде ставить. Берегись его!

— Спасибо! — ответил я.

Но Кранц уже успел отойти.

Глава VII

Было около одиннадцати часов вечера. Еще не поздно навести кое-куда визит. Но мой костюм не подходил для того места, куда я намеревался отправиться, а посему пришлось захватить домой в Парксайд Тауэр и переодеться. Я напялил на себя костюм, сшитый по последней моде, цветную рубашку и кричащий галстук. На ноги обул спортивные туфли, желтые с белым, которые купил специально для подобного рода походов; приодевшись таким образом, можно было изображать собою подвыпившего коммивояжера. Выйдя из дома, я молил небо, чтобы меня не встретил никто из знакомых, и небо пошло мне навстречу.

Путь лежал напрямик в бар «У Майка». Народу в нем было немного. У стойки группа велогонщиков шумно обсуждала недавний заезд. Несколько боковых кабин было занято в основном парочками. Там тоже шли дискуссии, только голоса были потише. Значительно тише. Я бросил взгляд в последнюю кабину, там, где накануне видел Хадсона, беседовавшего с маленьким толстяком. Кабину занимал какой-то тип, который явно выпил лишнего, с ним сидела девушка, рыжие волосы на голове у самой кожи были черными. Они тихо перебраивались, и по тому, как они этим занимались, можно было сделать вывод, что девица сердилась на своего спутника, на его несдержанность в вине.

Я подошел к стойке.

— Что будем пить?

Бармен в грязном переднике наклонился над стойкой. Лицо его застыло в вечной меланхолии.

— Кружку пива, пожалуйста!

Пока он наливал пенистый напиток, я барабанил пальцами по стойке, с беззаботным видом насвистывал популярную мелодию. Когда бармен пододвинул мне кружку с пивом, я заговорщически перегнулся к нему через стойку и негромко спросил:

— Вы знаете, один из моих друзей хвастался, что тут у него завелась клевая приятельница...

Вид у бармена стал еще более меланхоличным.

— Вот как? И что за приятельница?

— Ее зовут Джо-Анн. Мой друг сказал: высокая блондинка. А мне очень нравятся высокие блондинки! — Я заговорщически подмигнул ему. — Чудное дело! Друг сказал, она тут обслуживает. А я, кроме вас, никого не вижу. Не хочу вас обидеть, милейший, но вы-то меня несколько не волнуете! Сечете?

Эту глубокую мысль я подкрепил сильным ударом кулака по

стойке и громким дурацким хохотом. Бармен мне улыбнулся дежурной улыбкой, но чувствовалось, что делает он это только по обязанности, а на самом деле горит желанием дать мне под зад коленом.

— Ваш приятель ошибся. Джо-Анн никогда не работает по вечерам. Чтобы с ней увидеться, надо днем приходить.

— Ах ты, как не повезло! — сказал я с гримасой недовольства. — Мне ведь нечасто приходится бывать в вашем городе! А завтра рано утром надо уезжать. Скажите, милейший, а может, вы знаете какую-нибудь другую девушку, которая бы не прочь поразвлечься со мной до утра?

Бармен достал тряпку и стал вытирать пивную пену со стойки.

— Не знаю, кто вам наболтал разной чепухи! У нас только бар, и ничего больше! Напрасно стараетесь!

— Не сердитесь! Наверное, я его не так понял, моего Грега.

— А кто это?

— Да мой друг. Это он мне рассказал про Джо-Анн.

Бармен с терпеливым видом работал тряпкой.

— Грег его зовут. Грег Хадсон. Он мне сказал, что часто бывает здесь.

— Подождите минутку!

Он бросил тряпку на металлический поднос и открыл дверь в стене сзади себя.

— Майк! — позвал бармен.

За дверью послышалось шевеление, бармен с кем-то перекинул парой слов, я не видел с кем, потом он закрыл дверь и вернулся к стойке.

— Эй! Тут люди умирают от жажды! Ты подойдешь сюда или нет? Сколько можно ждать?

Один из велосипедистов принялся барабанить по стойке кулаком. Бармен сделал мне знак подождать и поспешил обслужить гончиков, восстановить порядок. Я пригубил пиво. Оно было немного лучше того, что давали днем. В это мгновение открылась дверь в стене за стойкой, на пороге показался человек. Я узнал толстяка, приятеля Хадсона.

Он посмотрел вокруг, увидел меня и не торопясь приблизился.

— Меня зовут Майк, — представился он, широко улыбаясь. — Я хозяин этого бара.

— Ух ты! — воскликнул я. — Босс собственной персоной! Здорово шикарно с вашей стороны лично побеспокоиться обо мне!

— А я и на самом деле шикарный тип! И меня это нисколько не беспокоит! Нисколько, должен вам сказать!

При ближайшем рассмотрении его хорошее настроение и добросердечность казались весьма поверхностными. В углу растянутого в улыбке рта пряталась жесткая складка. Под глазами были большие мешки; когда Майк не следил за собой, вид у него, конечно, становился поганым. Но сейчас он излучал доброжелательность. Свой парень в доску.

— Итак, вы утверждаете, что Хадсон ваш приятель?

— Ну что вы! Приятель — это слишком громко сказано! Знакомый просто,

— Понятно. А вы его давно видели?

— По правде говоря, довольно давно. Редко приходится бывать в Монктоне. Вот сегодня приехал, после полудня. Я коммивояжер. Меня зовут Майер. Чак Майер.

— Рад с вами познакомиться, Чак, — сказал Майк, протягивая толстопалую руку. — Долго думаете задержаться в нашем городе?

— Да вообще-то я специально сюда заехал, крюк сделал. Думал застать Джо-Анн, высокую блондинку, мне о ней Грег напел.

Майк дружески хлопнул меня по плечу.

— Не расстраивайтесь. Чак! Не стоит! Подумаем, что тут можно предпринять. Если я правильно покаял, вы тут один?

— Да, да!

— Для одиноких мужчин у меня всегда припасена бутылка хорошего вина. Следуйте за мной. Дам вам отведасть!

Я засиял и дружески подмигнул ему. Чтобы он понял: Чак Майер не вчера появился на свет и прекрасно разбирается, что к чему, ему, Чаку Майеру, отлично известно, что подразумевается под бутылкой хорошего вина.

Майк тоже подмигнул мне, мешки под глазами его непристойно сморщились. Затем он поднял откидную доску в стойке бара, я прошел внутрь и последовал за ним во внутреннее помещение. Туда вел тесный проход, заставленный ящиками с бутылками. Он упирался в другую дверь. Майк обернулся и пригласил меня:

— Входите!

Я оказался в небольшой комнате, обставленной, словно кофеточка: письменный стол, два кресла и скромный бар.

— Вам нетрудно будет запереть за собою дверь? — предложил Майк. — Мне бы не хотелось, чтобы какой-нибудь нахал нас подслушал!

Он подошел к письменному столу, а я повернулся к нему спиной, чтобы запереть дверь на щеколду. Когда же обернулся, то увидел, он уже сидит в кожаном кресле и всюду улыбается. В пухлой жирной руке он держал пистолет итальянского производства, который глядел на меня черным зрачком.

— А теперь, Чак, побеседуем серьезно, а?

Я притворился испуганным.

— Что это? Что такое? Какая муха вас укусила? — стал я бормотать заикаясь. — У меня с собой всего сорок долларов!

— Плевал я на твои сорок долларов! Потратишь их на больницу!

— Бо... Больницу?

— Да. В которой ты скоро окажешься. Давай-ка выкладывай мне все как есть!

— Абсолютно ничего не понимаю, чего вы от меня ходите? — произнес я испуганно.

— Может, ты и не понимаешь, но скоро поймешь, если станешь зализывать. Что ты здесь делаешь?

— Я ведь уже сказал: Грег мне наболтал про одну курочку.

— Курочку! Ты меня смешишь! В Монктон-Сити имеются сот-

Художник Геннадий НОВОЖИЛОВ

ни кабаков, где всегда можно подцепить шлюху на выбор. А в моем баре никогда этого и в заводе не было, Хадсон ни в коем случае не мог предложить тебе ничего подобного.

— Хорошо, я ошибся, приношу извинения! Это не повод, чтобы угрожать пушкой! — И показал на пистолет. Палец мой дрожал. Майк стал смеяться, его толстый живот заколыхался.

— Ты, конечно, ошибся, парень, но в ином! За дураков нас тут посчитал, а? Не знаю, что у тебя в голове, Чак, но скоро узнаю, ты еще не успеешь выйти отсюда, как я все буду знать, клянусь всевышним!

Свободной рукой он подтянул к себе телефонный аппарат и стал набирать номер, не спуская с меня глаз.

— Зову подкрепление, — объяснил он. — Тебе вроде силы не занимать, а я для такого дела не гожусь. Не будь у меня этой штуки, — он потряс пистолетом, — ты бы со мной, конечно, легко справился. Но вот подъедут парни, будет иной коленкор. Они настоящие костоломы. Ты им все расскажешь!

Я помалкивал. Наконец толстяк дозвонился.

— Майк говорит, — сказал он в трубку. — Дома он? Это очень важно... — Майк подождал, пока тот, с кем он разговаривал, отправился искать кого-то другого. — Извините, что пришло вас беспокоить в столь поздний час... Да... Я знаю... Но этот тип здесь, у меня в конторе. Он говорит, что его зовут Чак Майер. Нет, я тоже, но он тут напел всякой ерунды. Говорит, будто Хадсон его послал. И сказал, будто здесь можно подцепить девушку... Да, я тоже так думаю... Стало быть, немедленно?.. Нет, не бойтесь, он у меня на мушке... Нет, вы же знаете, я четко выполняю все указания. Эге. Привет.

Майк подождал, пока на том конце провода повесят трубку, и тоже отключился. Его толстая физиономия лоснилась от пота. Тип, с которым он беседовал, видимо, занимал намного более высокое положение в обществе и внушал такому ничтожеству, как Майк, весьма большое уважение.

Постепенно, однако, он пришел в себя, заважничал и даже стал опять улыбаться.

— Сейчас сюда придут парни для небольшой дружеской беседы с тобой, — сказал Майк с довольным видом. — Кстати, что касается Хадсона, его сегодня днем пришили.

Я разыграл удивление.

— Но... это ужасно!

— Правда? А есть люди, очень важные люди, которым бы очень хотелось знать, кто это сделал. Это случайно не ты ли, Чак? Или те типы, что тебя послали?

Я перестал ломать комедию.

— Хорошо, — сказал ему. — Твоя взяла. Как скоро они здесь окажутся, твои костоломы?

Он тоже, увидев изменение моего поведения, отбросил прочь показное добродушие.

— Минут через пять. Или десять. А что?

— Можешь неплохо заработать, Майк. Отпусти меня, загребешь монету! Тысячу долларов!

— Тысячу долларов? Ты рехнулся. Эти парни меня по стенке размажут!

И тем не менее он заинтересовался. Даже смежил веки при мысли о такой куче денег. Я сделал шаг к столу, изображая большое волнение, что отнюдь не было простой симуляцией.

— Ладно, две тысячи! Подумай хорошенько! — произнес я, сделав еще шаг вперед. Больше было бы опасным. — На тридцать секунд поворачиваешься ко мне спиной и огребаешь двадцать красковых бумажек, по сотне каждая! И получишь еще немало, если согласишься сообщить мне кое-какие сведения!

Я был уже совсем рядом, примерно в метре от пистолета. Майк держал его в правой руке, а телефонный аппарат стоял слева.

Наклонившись, я протянул руку к телефонной трубке.

— Дай-ка звякну кое-кому и...

— Не рассчитывай на это! — засмеялся Майк, ударил рукой мне по запястью.

И невольно отвел глаза в сторону. Левая моя рука была всего в нескольких сантиметрах от пистолета. Я с силой дернул его ствол в сторону, толстый палец Майка автоматически нажал на спусковой крючок. Раздался оглушительный грохот, пуля впилась в стену под потолком. Но я уже успел крепко сжать его руку, Майк обезумел от ярости, в его глазах читалась готовность убивать. Не время было для честной борьбы. Правой рукой я схватил телефонный аппарат, изо всех сил ударил им по жирной морде. Майк зарычал и перевалился через спинку кресла. Одним прыжком я подскочил к нему и бросился к пистолету, Майк продолжал сжимать его в руке. Голова его еще не успела стукнуться о стенку, а мне уже удалось схватить пистолет за ствол. Однако Майк еще мог выстрелить, рука его вцепилась в рукоятку пистолета, палец лежал на спусковом крючке. Мешкать было нельзя. Я резко скрутил ему запястье и вывернул ствол оружия. Послышался хруст кости — сломался палец, Майк взвыл. Я вырвал из обмякших пальцев пистолет и обернулся как раз в тот момент, когда сзади с грохотом распахнулась дверь и на пороге появился бармен.

— Боже мой, что тут происходит?!

Он остановился как вкопанный при виде патрона, который, цепляясь за стол, с трудом поднимался с пола. Бармен смотрел в мою сторону, его меланхоличное лицо выражало колебание. Я направил на него пистолет.

— Это пушка, старина, и она заряжена. Но я не намерен в тебя стрелять. Встань лучше к стене!

Бармен отступил на шаг, видимо, раздумывая, броситься ли ему на меня или нет.

— Не советую суетиться! — предупредил я его. — Встань к стене, как сказано!

Он повиновался. Майк повалился на стол и жалобно стонал.

— Скажешь своему хозяину, что этим делом заинтересовались действительно очень важные шишки. Только поэтому я его и не прикончил. Мне надо, чтобы ты передал ему мои слова!

Бармен ничего не ответил. Я подошел к двери. Шеколда оказалась вырванной с мясом. Майк смотрел на меня одним глазом, из другого текла кровь. Я вышел из комнаты и запер

дверь на ключ, он торчал снаружи. Затем сунул пистолет в карман и вернулся в бар. Никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Я направился к выходу и вскоре оказался на улице. Вернувшись к своей автомашине, сел в нее и стал наблюдать за баром. Ждать пришлось недолго. Минут через пять перед входом в заведение остановился большой черный лимузин. Из него выскочили два человека, хлопнули за собой дверцами. Лимузин тут же тронулся с места и исчез в потоке автомашин. Доставленные им типы, не глядя по сторонам, быстро пересекли тротуар. Когда они проходили освещенную часть тротуара, я узнал одного из них. Им оказался городской гангстер Бицепс Смайнофф. Другого я не знал, но внешность была типичной. Высокий, широкоплечий, со свирепой мордой и походкой вразвалку. Настоящий убийца, именно таких и посылают, когда какой-нибудь чересчур любопытный парень начинает совать свой нос в дела, которые его не касаются. В паре с Бицепсом он был на своем месте. Смайнофф представлял собой профессионального боксера, не очень удачливого, но стойкого в бою. Он очень любил хвастаться своими бицепсами. Отсюда и кличка, я размышлял о нем по пути в Парксайд. Типичный неудачник, подручный в деле, способный исполнять любые приказания. При условии хорошей оплаты. Меня больше интересовало, кто отдавал приказания этим двум громилам, кто готов был потратиться, чтобы они отправились избить беднягу, который случайно принял пивной бар за кабак с девицами. Подобная малость вряд ли требовала мобилизации столь серьезных сил.

Прибыв к себе домой, быстренько стащил с себя одежду Чака Майера. Оставшись в одних трусах, заварил кофе и уселся рядом с телефоном. Надо было установить, как связаться со Смайноффом. А в Монктон-Сити, если требуется навести справку такого рода, следует обратиться к Сюрприз-Чарли. Это настоящий городской справочник. Он знает все — имена, адреса, кто работает и на кого, кто убивает и кто оплачивает убийство. В двух местах я попробовал его поймать, но впустую. Наконец разыскал в гнусном вертепе под названием «Гнездышко».

— Кто у телефона? — подозрительно спросил Сюрприз-Чарли.

— Твой старый друг Престон. Это тебе что-нибудь говорит?

— Да, — ответил он по-прежнему настороженно. — Что-то вы очень поздно звоните!

— Согласен. Но я ведь знаю, что ты полуночник. Я тебе из дома звоню.

— Погудеть! Да я тут вкалываю! Если не удастся набрать джентльменов на первый заезд, Кеплер завтра занесет меня в черный список!

Чувствовалось, что он очень озабочен, и было отчего. Чарли играет на скачках. Иногда выигрывает, иногда проигрывает. Чаще проигрывает. Он участвует на всех скачках и не пропускает ни одного заезда. Его жизнь зависит от непредвиденной реакции лошадей, существ более капризных, нежели звезды кинематографа. Если Кеплер занесет Чарли в черный список, это означает, что он окажется не в состоянии делать ставки в нашем штате. А для Чарли это страшнее смерти.

— Очень ты меня опечалил, мой старый друг Чарли! — искренне сказал я ему. — Могу подарить тебе десять долларов, если дашь мне нужную справку.

— Вы правду говорите — десять долларов?

Я его подцепил. В мире, где вращался Чарли, десять долларов быстро могли превратиться в сотню и даже больше. Одним словом, я протянул ему руку в тот момент, когда он тонул.

— Меня интересует Бицепс Смайнофф. Тебе известно, где у него нора?

— Сейчас подумаю, — неуверенно ответил Чарли. — Он ведь мне уши за это отгрызет! Нет, право, не знаю, Престон!

— Если Кеплер занесет тебя в черный список, твои уши тебе больше не понадобятся, — напомнил я.

— Это точно, — мрачно согласился Чарли. — Уж это как пить дать. Значит, вас интересует Смайнофф? Хотите сообщить о нем в полицию или как?

— Нет. Только задать пару вопросов. Могу тебе даже сказать каких, если интересуется.

Я знал, что подобное предложение приведет его в панику.

— Нет, — живо ответил Чарли. — Нет, спасибо уж! Ничего не хочу знать! Если много знаешь в этом проклятом городе, плохо кончишь! Ради бога, только ничего мне не говорите! Запомните лучше адрес! У него комнатуха на Вайн-стрит прямо над харчевней для бедняков.

Я записал.

— Кому принадлежит харчевня?

— Маку Веберу. Но вы можете его вычеркнуть. Он со Смайноффом не связан.

— Да я так просто спросил. Еще один вопрос, Чарли! А кто платит Бицепсу? Меня интересуют только последние недели.

— Не знаю, нет! А даже если бы и знал, вряд ли вам сказал. Но честно не знаю! А вообще-то Смайнофф готов работать на кого угодно, лишь бы платили.

— И сделает что угодно?

— Ну, разумеется! Так-то, Престон. А эти десять долларов, как мне их получить?

Я дал Чарли адрес приятеля, который выдаст ему в любое время дня и ночи от моего имени требуемую сумму, и повесил трубку.

Глава VIII

На следующее утро я с трудом проснулся около восьми часов. Проглотил чашку обжигающего кофе, съел бутерброд и умчался. Боб Клайн уже открывал свою лавочку, когда я появился у него.

— Где он, Боб?

Боб пальцем показал мне в глубь лавочки.

— Там он. А вы часом не за ним приехали?

— А в чем дело, Боб? Он что, мешает тебе?

— Нет, — ответил Боб, пожимая плечами. — Но когда прикажешь жить один... При чем годами... Я думаю, даже святой

Петр стал бы действовать на нервы, доведись разделить с ним жилье.

— Я тебя понимаю. Очень благодарен, что ты его приютил. В принципе сегодня вечером он должен уехать.

Боб кивнул в знак согласия и стал открывать витрину. Я зашел в лавочку и в задней комнате обнаружил старика Моралеса, он курил дешевую сигарету. При виде меня просто расцвел.

— А, сеньор Престон! Вы нашли мою девочку? Вы меня к ней отвезете? — И он поднялся на ноги, дрожа от возбуждения.

— Да как вам сказать... И да и нет.

— Что вы сказали, сеньор?

Мексиканец явно ничего не понимал. Глядя на этого старого человека с доверчивым взглядом, я испытывал жгучий стыд от того, что должен был сделать. Но иного выхода не было. Выложил ему придуманную историю о Хуаните и ее подружке. И по мере того как громоздил ложь на ложь, становился все уверенней. Должен же я был как-то обслужить этого Моралеса за его деньги, благо он доверчиво внимал всем моим рассказам! В детали я вдаваться не стал. Моралес заглотнул все: и приманку и крючок. Впрочем, моя версия была вполне убедительной. Правда, некоторое несоответствие в ней было, и я ждал с его стороны недоуменных вопросов.

— Грация, сеньор Престон! — сказал мексиканец. — Очень интересно вы все рассказали. Теперь мне остается одно — поблагодарить подругу Хуаниты, и можно будет возвращаться домой!

— Хм, боюсь, это невозможно, мистер Моралес, — ответил я неуверенным тоном, дабы побудить его продолжать беседу.

— Почему же нет, сеньор?

— Это довольно трудно объяснить, но тем не менее постараюсь. Видите ли, ее подружка, та, о которой я говорил, она захотела знать, почему вдруг такой интерес к Хуаните. Она боялась, что, отвечая на мои вопросы, может причинить неприятности Хуаните. И дала понять, что в таком случае ничего мне не скажет, ни одного слова!

Мексиканец с восторженным видом причмокнул.

— Вот что значит настоящая подруга! Я очень рад, что у моей Хуаниты такая замечательная подруга! Но почему это должно помешать мне пойти поблагодарить ее?

Я придал лицу таинственное выражение.

— Когда я ей сказал, что действую по поручению отца Хуаниты, ее это приободрило и она мне все рассказала. Но когда стал ей говорить о вас и объяснил, что самостоятельно вы не в состоянии заниматься розысками дочери, потому что прибыли в Соединенные Штаты тайно, без документов, девушка испугалась. Вы понимаете, у этой девушки, у подруги Хуаниты, у нее тоже есть отец. И он занимает высокое положение в обществе, очень высокое! Если когда-либо вдруг обнаружится, что его дочь дружит с девушкой, которая проживает в Америке незаконно, он рискует все потерять. Я очень, очень огорчен, мистер Моралес, но не может быть и речи о вашей встрече с этой девушкой!

Старик в знак одобрения кивнул головой.

— Да, это настоящая дама! Сначала она покровительствует моей Хуаните, а потом заботится о своем отце!

— Я очень надеялся, что вы все правильно поймете! — с жаром сказал я ему.

Затем было принято решение, что он покинет Монктон сегодня же вечером, как только стемнеет. Я предупредил, что один из моих друзей довезет его в машине до границы, причем в такое место, где не будет риска нарваться на патруль. А дальше уж его дело. Старик не знал, как отблагодарить меня за все благодеяния. Короче, все прошло как нельзя лучше, мы долго жали друг другу руки, потом я уехал.

И отправился напрямик к себе в контору. Меня встретила Флоренс Дигби, свежая и сияющая, как обычно, в ослепительно белой кофточке.

— Здравствуйте, мистер Престон! — сказала она предельно церемонно. — Никак не ожидала увидеть вас так рано! Надо полагать, внешность дамы не соответствует ее голосу.

— Какой дамы? Какому голосу? — удивился я, тряс головой. — Объясните мне, мисс Дигби.

— А разве вам никто не звонил?

— Нет! Что, наконец, происходит?

— Немногим более получаса тому назад, — только что пришла, — звонила какая-то дама и попросила вас к телефону. Сказала, что дело очень серьезное, и я ей дала ваш домашний телефон. Она сказала, что немедленно позвонит.

Судя по всему, Флоренс сомневалась в моей искренности.

— Я, наверно, уже ушел, — объяснил секретарше. — Побуду здесь немного, может быть, она перезвонит. Думаю, бесполезно спрашивать у вас, оставила ли она свои координаты?

— Так оно и есть. Она ничего больше не сказала.

Я позвонил Сюрпризу-Чарли. Немного покапризничав, он в конце концов согласился отвезти сегодня же вечером старика Моралеса на границу. Едва успел повесить трубку, как раздался телефонный звонок.

— Это она, — сказала Флоренс.

— Прекрасно! Соедините меня с ней.

Подождал несколько секунд, потом услышал женский голос:

— Это Марк Престон?

Таким голосом женщины определенного типа говорят, когда обращаются к мужчинам. Голос нежный, теплый, многообещающий.

— Кто у телефона?

— Мистер Престон, мне надо немедленно с вами поговорить, у меня крайне мало времени. Где мы можем увидеться?

— Подходит ли вам как место встречи моя контора?

— Если увидят вдруг, что я посещаю вас, это может быть неправильно истолковано.

— Или слишком правильно истолковано? — предположил я.

— Понимайте как хотите!

Голос мне кого-то напоминал. С этой женщиной я уже беседовал.

— Знаком ли вам особняк Бахья?

— В Вест Шоре? Да.

— Квартира двадцать четыре. Я буду там через полчаса. Это очень важно.

Несмотря на томный голос, который стал у женщины, видимо, привычкой, чувствовалось, что она очень взволнована.

— Один вопрос, мисс незнакомка! Можете ли вы представлять для меня хоть какой-нибудь интерес, пусть самый малый?

Несколько мгновений она помолчала, затем заявила:

— Хорошо. Раз вас это так интересует, могу кое-что рассказать по делу Грега Хадсона.

— Значит, через полчаса, — сказал я и повесил трубку.

Вест Шор представляет собой нечто вроде оазиса рядом с городским пляжем. Это роскошный квартал, где проживают богачи. Здесь находятся первоклассный отель, прекрасный охотничий ресторан, около двадцати роскошных вилл и Бахья, особняк с дорожными квартирами, сдающимися внаем. Женщина, что звонила мне по телефону, должна быть очень богатой или иметь такого рода покровителей. Я склонялся ко второму варианту.

Бахья сооружен у подножия скалы и отделен от дороги двумя рядами пальм. От него несет роскошью за двадцать миль. Квартира 24 помещалась на первом этаже справа. Я вылез из автомашины и внимательно осмотрелся. Проникнуть в квартиру можно было лишь через окно или дверь здания, выкрашенную в ярко-желтый цвет. Перед входом стояло немало автомобилей, невозможно, конечно, определить, какой из них принадлежит владельцу квартиры 24. Нажав на кнопку звонка, я с удовлетворением подумал, что мой пистолет 38-го калибра в кобуре под мышкой может оказаться излишним. Дверь открылась почти сразу же.

— Входите!

На пороге стояла одна из секретарш, которую я видел вчера в конторе Хартли. Блондинка. На ней было одето светло-зеленое платье, она выглядела еще более красивой. Я вытащил пистолет и, держа его в руке, стал внимательно осматривать все заложки прихожей.

— Что это вы вдруг? — удивилась блондинка.

Не говоря ни слова, я продолжал тщательно проверять платяные шкафы, ванную, туалет, дабы убедиться, что меня не подстерегает никакая неожиданность. Затем вернулся к двери и закрыл ее на засов.

— Удовлетворены? — иронически поинтересовалась блондинка.

Я пожал плечами.

— Дорогуша, если бы вы знали, сколько парней позволили проломить себе череп, утратив осторожность из-за такой красоты, как вы!

— Охотно верю! — ответила девушка. — Я совершенно на вас не сержусь за такого рода подозрительность.

Я спрятал пистолет в кобурку.

— Вы здесь живете?

— Нет. Квартира принадлежит... одному другу. Он здесь бывает нечасто, а посему могу располагать этой квартирой.

Девушка уселась в кресло и одернула платье, пряча колени. Ноги у нее были длинные, как у танцовщицы. Я, в свою оче-

редь, тоже присел и протянул девушке сигареты, затем дал прикурить. И перешел в атаку.

— Прекрасно! А теперь, может, вы скажете, как вас зовут?

— Разумеется. Сильвия Лефай. Это, конечно, не мое настоящее имя, псевдоним, но я им пользуюсь уже очень давно... В Монктон-Сити под другим именем меня никто не знает.

— Догадываюсь. А теперь, Сильвия, поделитесь со мною своими трудностями.

Сильвия смотрела на меня в упор, словно спрашивала себя, что я за человек. Она не первая из тех, кто изучал меня подобным образом, как бы пытаюсь определить, до какой степени можно мне доверять. Сильвия не была исключением из правила.

— Вы меня помните? — спросила она.

— Шутите? Разве вам попадался мужчина, способный через сутки забыть о встрече с вами?

Девушка усмехнулась, облачко дыма вылетело из ярко-красных губ.

— Я навела о вас справки. Мне сказали, что вы порядочный человек.

— Кто же вам это сказал?

— Не имеет значения. Думаю, вам можно довериться. Но вот в чем загвоздка: не знаю, что можно вам сказать, а о чем надо умолчать.

— Вы что, боитесь иметь неприятности с полицией?

— Точно. Да еще какие неприятности!

Вид у нее стал по-настоящему озабоченный.

— Что поделаешь! Никуда теперь не денешься. Вы же намеревались кое-что мне сообщить. Например, в отношении Грега Хадсона.

Девушка помрачнела.

— А вы его хорошо знаете, этого Грега?

— Я? Да не сказал бы. И думаю, ничего от этого не потерял!

Сильвия усмехнулась. Но усмешка получилась преисполненной горечи и цинизма, больно было на нее смотреть.

— Вы много потеряли. Это был самый великолепный негодяй на всем Тихоокеанском побережье Америки.

— Вы имеете в виду свой личный опыт?

— Ну разумеется! — ответила Сильвия, словно мой вопрос ее не удивил. — Именно поэтому мы с вами и встретились.

— Видите ли, напрашивается такое неприятное предположение, — признался я. — Если вдруг вы намерены сообщить, что именно вами убит этот Грег, то буду вынужден обратиться в полицию.

Девушка отрицательно помотала головой.

— Да ничего подобного! Видите ли, дело в том, что я несколько месяцев с ним жила, с этим Грегом. А теперь безумно страшно. Ибо слишком много знаю о нем и всех его гнусных проделках.

Я начинал понимать, чего она добивалась.

— И вы думаете, вам известно, кто его убил?

— Таких кандидатур можно найти много. Кроме меня, разумеется.

— В таком случае вы должны бы были обратиться не ко мне, а в полицейское управление Монктон-Сити.

— Нет, не могу. Это причинило бы крайне серьезные неприятности массе людей. Людей, которые питают ко мне доверие. Больше ничего сказать не могу, постарайтесь мне поверить на слово.

— А почему я должен вам верить на слово? Вся эта история для меня не представляет никакого интереса.

— А пятьсот долларов могут представить для вас интерес? — спросила Сильвия; запуская руку в сумочку крокодиловой кожи и доставая оттуда пачку ассигнаций.

— Клянусь честью, — медленно ответил я, — если речь идет о том, чтобы утаить какие-либо сведения по делу об убийстве, на меня не рассчитывайте!

Сильвия сунула мне деньги в руку.

— Нанимаю вас!

— В качестве кого?

— Скажем, в качестве... доверенного лица в этом городе. Давайте, Престон, поговорим откровенно. Таких девиц, как я, вы, наверное, встречали сотни. Я люблю жить шикарно. Люблю все, что сверкает, роскошные апартаменты, пачки долларов. А чтобы иметь все это, девицы должны обладать двумя достоинствами: красотой и умением держать язык за зубами. Красотой меня бог не обидел. И у меня репутация могилы — никогда ни о чем не болтаю! Я отнюдь не невинная мышка, и мне доводилось видеть такое, что, может быть, даже вас удивило бы, но все в городе знают: Сильвии можно доверять. По крайней мере все так думали до настоящего момента.

Она внезапно замолчала и прикусила губу.

— До настоящего момента? А что, собственно, изменилось?

— Грега убили, вот что. Я не в состоянии вам сказать со всей определенностью, кто именно его убил, да мне на это и наплевать. Но полиции не понадобится много времени, чтобы установить, что я с ним жила. Полицейские могут вообразить, что именно я — подозреваемый номер один. И не надо строить себе иллюзий, полиции это выгодно!

Нельзя было не согласиться с подобными доводами.

— Есть тут, однако, один момент, который мне не совсем ясен, — заявил я. — Конечно, полиция станет вас подозревать, начнет задавать вопросы. Но раз не вы его убили, чего вам бояться?

— Я боюсь не полиции. В городе немало людей, которые боятся, что я о них разболтаю.

— Но до сих пор их это не беспокоило.

— Это правда. Но правда и то, что до сих пор меня никто не подозревал в убийстве. Не забывайте, что на свете есть лишь два человека, которые уверены в моей невинности... убийца да я сама. А все остальные могут в этом сомневаться.

— Ну и что?

— А то, что все будут спрашивать себя, не начну ли я вдруг разбалтывать, что знаю. И не пойду ли на сделку с полицией, согласившись дать сведения о том, о другом и кто его знает, о чем еще.

Я положил в пепельницу сигарету и прижал ее, чтобы погасить.

— И вы решили довериться мне?

— Вот именно! Только спрашиваю себя: отдаете ли вы себе полностью отчет, в какую переделку я попала? Мне очень многое известно о многих людях, а посему эти люди могут задать себе вопрос: не слишком ли рискованно позволять этой девице свободно разгуливать по городу?

Может быть, она и преувеличивала все, но это был спорный вопрос. Не исключено, что она замешана в какую-нибудь грязную историю, в которой действующие лица — важные шишки. В таком случае девушка и впрямь могла представлять для некоторых большую опасность. Важные шишки не могут себе позволить ни малейшего риска.

— Согласен! — сказал я, подумав. — Готов вам помочь! Судя по тому, что вы мне рассказали, — а рассказали вы, к слову, не так-то и много, — воздух здесь, в Монктон-Сити, для вас стал не слишком целебен. Что вы, собственно, намерены делать и при чем тут я?

— Вы должны спасти мне жизнь, Престон!

Она нервно раздавила сигарету в пепельнице, вспыхнули искры. Когда я снова дал ей прикурить, девушка продолжала:

— Я отсюда сматываюсь. Уезжаю из города. И хочу, чтобы никто не знал, куда. Мои знакомые могут сказать, где я живу, если их заставят, и тогда я пропала. Вот почему сматываюсь тайком. Вы один будете в курсе.

Видимо, Сильвия, ожидала моей реакции.

— Почему вдруг я? Если вы рассчитываете совершить какую-нибудь проделку, я вовсе не намерен в это вмешиваться, ясно?

— Никакой проделки я не готовлю, — с презрением ответила Сильвия. — Никто даже знать не должен, что мы виделись. От вас я хочу лишь одного: сообщить вам свой новый адрес. Когда убийца Грег Хадсона будет арестован, дадите мне знать. Тогда вернусь в Монктон-Сити и все всем объясню. И если будет необходимо, вы подтвердите мои слова. Таким образом я никому не причиню хлопот.

Что ж, тут все было правильно. Одно лишь тревожило. Если вдруг именно Сильвия прикончила Хадсона, то я становился сообщником убийцы. Но в это трудно было поверить! Будь девушка виновата, не стала бы она прибегать к моей помощи. Уже летела бы в Южную Америку, сэкономив пятьсот долларов.

— Это все, что мне надо совершить? Ни алиби вам не надо выдумывать, никаких там фальшивых паспортов доставать или чего-либо в этом роде?

— Нет.

Сильвия подняла на меня золотистые, полные тоски глаза. Я вздохнул:

— Хорошо. Итак, какой адрес?

Она назвала мне адрес небольшой гостиницы в Сакраменто. Я положил доллары в бумажник и встал.

— И вы полагаете, что такая мелкая услуга стоит столько денег? Хватило бы за глаза и четвертака!

— Это с вашей точки зрения. Сразу видно, что отнюдь не ваша жизнь поставлена на карту, Престон!

Сильвия направилась к двери.

— Если не возражаете, ухожу первой, — сказала она. — На тот случай, если вдруг вам придет в голову проследить, куда я направляюсь. А мне еще надо нанести визит кое-куда прежде, чем уеду из города. Сугубо личный визит.

Сильвия распахнула дверь, остановилась на мгновение, обернулась и сказала:

— Не забудьте, Престон! Моя жизнь в ваших руках!

Солнце освещало ее прелестный силуэт. Сильвия улыбнулась и закрыла за собой дверь. Затем я услышал, как в двери поворачивается ключ. Сильвия явно хотела подстраховаться, чтобы я не стал следить за ней. Она меня заперла. Я подошел к окну, увидел, как девушка садится в черную малолитражку с откидным верхом и отъезжает.

Машина исчезла, надо было думать, как отсюда выбраться, не привлекая внимания. Проще всего было бы вылезти из окна, но тогда пришлось бы давать объяснения прохожим, зачем это мне вдруг понадобилось. А я ведь даже не знал имени владельца квартиры! Принялся тщательно обыскивать квартиру, надеясь найти что-нибудь достойное внимания. Однако помещение оказалось безличным, как номер в гостинице. Даже если бы я нашел неизбежную Библию на столике у кровати, это меня отнюдь бы не удивило.

Тут вдруг раздался стук в дверь. Я осторожно подошел поближе. Затем опять постучали, потом послышался молодой веселый голос:

— Это «Эксельсиор», мистер!

— Что? — спросил я через дверь.

— Кофе из «Эксельсиора», мистер.

— А, прекрасно! — ответил я, стараясь говорить естественным тоном. — Но не могу открыть дверь. Она заперта на ключ.

Ключ повернулся в замочной скважине, и дверь открылась.

На пороге появился молодой человек с шевелюрой светло-соломенного цвета, в белом шелковом переднике: в одной руке он держал поднос, в другой — ключ.

— Его оставили снаружи, мистер!

Он протянул мне ключ, я взял его с несчастным видом. Юноша поставил поднос с кофейником на стол.

— Я не заказывал кофе!

— Это верно, мистер! Звонила дама. Она просила принести кофе ровно в десять тридцать.

И с озабоченным видом он спросил:

— Пить будете или унести?

— Еще как буду! — ответил я, улыбаясь. Протянул ему бумажку в пять долларов и стал ждать, что получу сдачу.

— Спасибо, мистер! Большое спасибо!

И он ушел, весело насмываясь.

Выпив кофе, я тут же ушел. «Воистину Сильвия Лефай все продумала, молодчина!» — подумал о девушке. Трюк с кофе мне очень понравился. Хорошо было рассчитано. Официант появился именно в тот момент, когда я уже стал серьезно беспокоиться,

как выбраться из квартиры № 24. А у Сильвии оказалось достаточно времени, чтобы надежно скрыться от возможной слежки. Я поехал в город...

Глава IX

В центральном управлении полиции дежурный полицейский осмотрел меня с ног до головы так внимательно, словно искал повод арестовать. Судя по всему, я ему очень не понравился.

— Рэндалл у себя? — спросил я его.

— Сержант-детектив Рэндалл отбыл на задание. Что вам от него надо?

Это был новичок, я его ранее никогда не видел.

— Секретные агенты имеют дело только с теми, кто их завербовал. Мой босс — Рэндалл.

На лице полицейского изобразилась высшая степень презрения.

— Проваливай отсюда. Его здесь нет!

Я притворился озадаченным.

— Дело-то срочное! Может быть, можно поговорить с Рурке?

— Лейтенант Рурке? Из уголовной полиции? Старина, да его тошнит от таких типов, как ты!

— Наверное, у него с желудком не все в порядке. Сообщите обо мне. Скажите, Престон пришел.

Полицейский снял трубку и нажал на кнопку переговорного устройства.

— Лейтенант Рурке? Говорит дежурный. Тут один из наводчиков Рэндалла. Заявляет, что хочет с вами говорить. Престон его зовут. О! Понятно... Хорошо, лейтенант!

Уши у дежурного стали багрово-красными.

— Шутник, оказывается! Можете подняться. Кстати, шутник, — он слегка наклонился вперед, — мы с вами еще встретимся!

Я беззаботно улыбнулся и стал подниматься по лестнице.

Сидя за столом, заваленным бумагами, Джон Рурке испепелял меня взглядом.

— Прежде чем ты откроешь рот, Престон, выслушай меня. В этом городе у полиции есть другие дела, кроме как с тобой шутки шутить! Если ты еще хоть раз посмеешь делать посмешище из дежурного полицейского, я тебе ноги переломлю!

— А он мне сказал, будто ты желудком маешься, Джон! — ответил я. — Право, не стоит нам из-за этого ссориться!

— Запрещаю тебе называть меня Джоном! Для тебя я только лейтенант Рурке, постарайся этого не забывать!

Да, лейтенант Рурке находился, судя по всему, в очень дурном настроении. Я прошел и сел на расшатанный стул, стоящий между двух столов.

— Ты меня разочаровываешь, Престон!

Рурке сунул в рот маленькую черную сигарету, он обожает такис, закурил ее и выпустил мне в лицо вонючую струю дыма.

— У нас с тобой случались некоторые небольшие недоразумения, но вот впервые за все время нашего знакомства ты решил прятаться бабе под юбку!

— Боюсь, что не понимаю тебя, Джон, — не спеша ответил я.

Когда слушаешь Рурке, никогда нельзя знать, чего именно он добивается. Если лейтенант что-нибудь утверждает, это может оказаться и вопросом, который он задает, и лишь большой хитрец в состоянии догадаться, какой смысл этому вопросу придается. Всякого рода вопросы Рурке задает уже тридцать пять лет, он провел тысячи допросов, и в процедуре этой большой дока.

— Прекрасно ты все понимаешь! Ты воспользовался миссис Уайтон, чтобы помешать Джилу Рэндаллу отравить тебе существование!

— Ты все не так истолковываешь. Рэндалл подслушал частный разговор и сделал из него собственные выводы.

— Рэндалл — отец семейства. Он не может позволить себе похерить двадцать лет беспорочной службы, задев самое могущественное семейство в городе.

Знаком я выразил свое согласие.

— Все так, ты прав. Но я пришел сюда не затем, чтобы препираться с друзьями. Хочу сообщить тебе некоторые сведения.

— Сообщить сведения? — удивился Рурке, подозрительно глядя на меня. — Что ты еще придумал?

— Ничего. Я добропорядочный гражданин, желающий помочь полиции. Мне стало известно, что у Хадсона была любовница, девушка, которой Хадсон устроил веселую жизнь. Возможно, это именно тот потенциальный подозреваемый, которого вы ищете!

— Вот как! Ее имя? — заинтересовался Рурке, хватаясь за карандаш.

— Сильвия Лефай. Она жила с...

Я замолчал, увидев, что лейтенант скорчил недовольную гримасу и отложил в сторону карандаш.

— Надо было сразу догадаться, что твои сведения давно протухли! Нам уже все известно о мисс Лефай. Рэндалл как раз за ней и отправился!

— А куда?

— В контору, где она работает. Он ее сейчас доставит, и мы с ней немного побеседуем!

— Вот оно что! Жалость какая. Я опоздал на каких-нибудь полчаса!

Рурке усмехнулся.

— Важно доброе намерение!

Затем, взяв со стола несколько ~~ли~~стков бумаги, громким голосом стал читать:

— Сильвия Лефай, двадцать пять лет. Натуральная блондинка, рост метр шестьдесят пять, вес приблизительно пятьдесят ~~четыре~~ килограмма. В настоящее время служит секретаршей в приемной туристского агентства. Улавливаешь?

Он постучал по записям толстым пальцем. Я собирался высказать свое мнение, как вдруг зазвонил телефон.

— Уголовная полиция, лейтенант Рурке у телефона! — ска-

зал он быстро. — О, Джил!.. Да, я... Что? А что ты предпринял? Хорошо. Посмотрим. Я выезжаю... Да.

Рурке с силой бросил трубку и начал браниться как ломовой извозчик.

— Слишком поздно. Эта Сильвия скрылась. И оставила нам на память подарок. Того типа, у которого она служила, директора туристского агентства Монктон-Сити. Он по-прежнему у себя в конторе. Лежит на полу, растянувшись во весь рост. И угадай, что торчит у него из спины?

— Кухонный нож, — пробормотал я.

— Точно!

Рурке схватил трубку внутреннего телефона и быстро отдал ряд приказаний, велел фотографам и технической группе срочно отправиться в туристское агентство. Затем встал и взял шляпу. Я тоже встал и спросил:

— Скажи, лейтенант, можно и мне туда? Эта история меня очень интересует!

Рурке бросил на меня испепеляющий взгляд.

— Попробуй помешай тебе! Да ты же изгадишь мне карьеру с этой твоей Уайтон, того гляди останусь без пещии! Но даю тебе добрый совет: не пытайся прыгнуть выше головы. Это дело касается только полиции!

Перескакивая через ступеньки, Рурке сбежал по лестнице и вскочил в полицейскую машину. Я сел в свою машину, развернулся и поехал следом.

Входя в здание, где размещалось туристское агентство, я молил бога, чтобы не встретился лифтер, с которым мы так мило пообщались накануне. Коридор на шестом этаже был переполнен любопытствующей публикой, загораживавшей проход. Какой-то полицейский тщетно старался заставить людей разойтись. Рурке нахмурил брови, затем обратился к пожилому господину, который выглядел весьма важно в своем дорогом костюме.

— Мистер, не могу ли я знать, кто вы будете?

Господин несколько удивленно подергал себя за галстук и прокашлялся. Затем ответил:

— Ну, разумеется! Я Спенсер Варрен, директор фирмы «Коммерческое общество Варрена»!

Рурке широко улыбнулся.

— То-то мне кажется, что я вас уже видел! Я лишь простой полицейский офицер, но знаком с деловой элитой нашего города!

Варрен расплылся от удовольствия, крайне польщенный словами Рурке.

— Большая удача, что вы здесь, мистер Варрен! Я рассчитываю с вашей помощью убедить всех тут присутствующих вернуться на свои рабочие места.

Какой-то пятидесятилетний плотный господин тоже решил сказать свое слово.

— Позвольте представиться! Меня зовут Проктор! Я руководжу фирмой «Проктор и сыновья». Через две минуты все мои служащие разойдутся!

И он злобно посмотрел на Варрена, дабы показать тому, что никто из Прокторов не намерен ждать указаний какого-то там

Варрена. Скоро в коридоре не осталось никого, кроме полицейского.

— Ловко сработано, лейтенант, снимаю шляпу!

Рурке лишь презрительно засопел.

— Подумаешь, какое дело! Ты бы, как я, шестнадцать лет потоптал асфальт, тоже узнал бы кучу всяких трюков!

У дверей дирекции на посту стоял еще полицейский. Он приветствовал Рурке и с удивлением посмотрел на меня.

Без Сильвии ее письменный стол показался мне убогим. Другая секретарша, та, у которой были блестящие черные волосы, полулежала в кресле, возможно, в обмороке. Какой-то лысый господин хлопотал около нее.

— Лейтенант Рурке, уголовная полиция!

— А, наконец-то! — не оборачиваясь, сказал лысый. — Я доктор Карел. Эта девушка без сознания.

— Сюда, лейтенант!

На пороге директорского кабинета появился Джил Рэндалл, он сделал знак своему шефу. Затем увидел меня, но не проявил особого удивления. Рурке направился в кабинет Хартли, я последовал за ним. Мирон С. Хартли лежал спиной вверх на пушистом ковре, руки были вытянуты вперед, словно он хотел схватить что-то. Примерно в метре от протянутых рук на столе стоял телефонный аппарат. На мой взгляд, он намеревался подтянуть к себе телефон, схватиться за шнур. Много бы я дал, чтобы узнать, какой номер собирался набрать умирающий. На нем был все тот же костюм из белого полотна, что и накануне. Только на спине словно расцвел красный цветок, в том месте, где торчал большой кухонный нож. Кровь не текла уже, но мерзкое большое красное пятно между лопатками напоминало мишень, в центре — ручка ножа. Лица покойного не было видно, поэтому я подошел поближе и тотчас пожалел об этом. Широко открытые глаза выражали неописуемый ужас, гримаса агонии скривила рот; лицо покойного напоминало театральную трагедийную маску.

Рурке внимательно осмотрел кабинет, от его взгляда ничто не ускользнуло.

— Когда это произошло? — спросил он.

— Утром, судя по всему, — ответил Рэндалл. — Между пол-восьмого и одиннадцати.

— Почему ты так решил?

— Уборщица ушла из конторы чуть позже семи часов, а до половины восьмого в коридоре работал электрик. А в одиннадцать пришла мисс Шульц и обнаружила труп.

— Шульц? Кто это? — спросил Рурке, сдвинув брови.

— Секретарша, та, что в кресле, — ответил Рэндалл. — Она здесь работает и обычно приходит к одиннадцати.

— Хотел бы я так работать, как она! — пробурчал Рурке. «Только ты не так красив, как мисс Шульц!» — подумал я про себя. Но предпочел не произносить это вслух. Было не время шутить.

— Хорошо, Джил, — решил Рурке, усаживаясь в кожаное кресло за столом, и достал свою противную черную сигарету. — Выкладывай дальше.

— Я отправился за мисс Лефай, — начал Рэндалл, — но не

застал ее. Смылась. Объявил всеобщий розыск в этой связи. Мирону Сирил Хартли был сорок один год. Он руководил этим агентством со дня его основания, то есть два года. Не женат, имел, судя по всему, кучу денег. Активист республиканской партии. В конце пляжа у него собственный дом, владел совсем новой автомашиной. Секретарши у него долго не держались, не знаю почему. Шульц здесь работает полгода, Лефай почти пять месяцев.

— Хорошо. А чем торгуют в этой лавочке? Круизы в Гонулулу и всякое такое прочее?

— Да, вроде этого. Коллективные экскурсии. Но, на мой взгляд, главным бизнесом была организация всякого рода конгрессов. Я тут просмотрел кое-какие досье. Хартли обладал монополией на организацию всевозможных конгрессов в городе. Насколько я могу судить, если кто намеревался провести конференцию, устроить банкет, организовать съезд, то следовало обратиться к Хартли, он все устраивал.

— Хм! Для нас это не представляет никакого интереса! Но вот девицы — другое дело! Совсем другое дело! Наличествует набитый деньгами холостяк, который в состоянии содержать сногшибательных секретарш. И вот однажды его находят с кухонным ножом промже лопаток, а одна из секретарш вдруг исчезает. Не надо обладать семью пядями во лбу, чтобы понять, что к чему. Не так ли?

Он выпустил из ноздрей струю смердящего дыма и посмотрел на меня.

— Что ты молчишь, Престон? Признайся, иного вывода сделать невозможно?

— Раз ты так себе это представляешь, лейтенант, значит, так оно и есть! Только ты, видимо, упустил из вида одну мелочь, которая может оказаться весьма важной.

Рурке с сожалением посмотрел на меня.

— Послушай хорошенько, Рэндалл! Не часто представляется случай внимать такому доке, как Престон. Так что за мелочь?

Рурке меня поддразнивал. На самом же деле он знал, что я намерен сказать, и Рэндалл знал тоже.

— Все дело в том, что твоя версия могла бы выглядеть более убедительно, если бы кто-то не забыл такой же кухонный нож в спине несчастного Хадсона.

— Да, это несколько усложняет дело, — согласился Рурке. — И по-моему, у тебя на этот счет есть свои соображения, а, Престон? Ты, конечно, страстно желаешь ими с нами поделиться, не правда ли? Кстати, о какой миссис Уайтон шла речь?

— Отвечая на твой первый вопрос, могу сказать: да, есть кое-какие соображения. Несколько позднее мы с тобой это обсудим.

Рэндалл с невозмутимым видом шагнул к двери и загородил выход.

— Помогите глупым полицейским, попавшим в сложное положение! — сказал он. — Поделитесь с нами своими бесценными теориями!

— Это не теории, Джил! Это даже нельзя назвать просто догадкой. Это зародыш догадки. Скажу, что намерен предпринять. Я переговорю со своей клиенткой и объясню ей, что она

ставит меня в затруднительное положение, заставляя отказываться от сотрудничества с людьми, которых я знаю и уважаю не первый год. Затем попрошу разрешения сообщить вам то немногое, что мне известно. Возможно, большой пользы это не принесет, но постараюсь сделать все, что в моих силах.

Эту белиберду я изложил на полном серьезе. С видом человека, который старается защитить свою клиентку от враждебных настроенных чиновников и который готов пожертвовать старой дружбой во имя своего профессионального долга. Моя тирада произвела должный эффект.

— Сожалею, Престон, но речь идет не о ставках на скачках! Мне известно, что вы готовы помочь полиции, если окажетесь в состоянии это сделать. Так что уладьте этот вопрос со своей клиенткой.

— Брось терять время, Рэндалл! — прорычал Рурке. — Он тебя заставит проглотить любую чепуху! Зря притворяется, будто у него рот на замке! Если только, конечно, этот замок не золотой... А теперь выслушай меня внимательно, Престон! Согласится миссис Уайтон или нет, мне все равно! Даю тебе срок шесть часов, и включайся в нашу работу! Я хочу знать все, что тебе известно. Цени мою доброту, дарю тебе целых полдня, чтобы разобраться! Если нет, посажу за решетку.

Пришлось уйти, пока он не передумал и не арестовал меня тут же на месте. В приемной лысый доктор продолжал приводить в чувство единственную и последнюю представительницу туристического агентства. Спустившись вниз на лифте, я миновал холл, запруженный журналистами и фотографами, и заперся в телефонной будке.

— Полиция! — ответил мужской голос на другом конце провода.

— Пожалуйста, уголовную! — сказал я нарочито грубым голосом.

Меня переключили на требуемый номер.

— Уголовная полиция! Инспектор Мондерс слушает!

— Попросите, пожалуйста, лейтенанта Рурке к телефону!

— Лейтенант на задании. Кто говорит?

— Друг. Скажите лейтенанту, что, если он намерен узнать побольше о том типе, что забывает повсюду кухонные ножи, пусть обратится к Бицепсу Смайноффу.

— Смайнофф? Не понимаю. О чем идет речь? — спросил Мондерс.

— Об убийстве. И запомни имя — Бицепс Смайнофф.

И повесил трубку. Я полагал, что Смайнофф не убивал ни Хадсона, ни Хартли, но он наверняка работал на того типа, который немало знал обо всем этом. Полиции было известно о деятельности Смайноффа. Учитывая его уголовное досье, полицейские не станут долго размышлять, схватят его и подвергнут обработке. Возможно, что-нибудь и узнают; во всяком случае, работодатели Смайноффа решат, что полиция взялась за дело основательно и паступает им на пятки. Это может привести к интересным результатам.

...Газета «Мир» в Монктон-Сити помещается в здании из тесаного камня, расположенном в самом центре города. В местной прессе эта газета занимает особое место. Она не принад-

лежит к какой-либо партийной группировке и не содержится на средства местных финансовых воротил. Газета была основана после первой мировой войны и поначалу была почти незаметной; популярность она приобрела сенсационным разоблачением финансовых скандалов в тридцатые годы. Главным редактором ее вот уже восемнадцать лет был Чад Штейнер. Он представлял собой журналиста старой школы, про которых говорят, что у них в жилах течет столько же чернил, сколько и крови. Видя, что я вхожу в его кабинет, он поприветствовал меня кивком головы:

— Привет, Престон! Долго же мы с тобой не виделись! К сожалению, сейчас очень занят, дел по горло!

У Чада вечно озабоченное лицо, покрытое глубокими морщинами. В пятьдесят три года он уже приобрел старческий вид, впрочем, насколько помню, он всегда так выглядел.

— Чад, я пришел к тебе вовсе не затем, чтобы докучать по пустякам. Думаю, мы могли бы заключить сделку.

Он вздернул брови.

— Сделку? Я бедный человек, Престон. Мне нечего тебе предложить.

— Есть что. Кое-какие сведения.

— Сведения! В таком случае ты попал по адресу. Без похвальбы могу сказать, я в курсе всего, что происходит в мире, а если чего и нет в моих архивах, то есть тут! — И он постучал себя по лбу.

— Хуже другое, Чад! Я тоже бедный человек и вряд ли что смогу предложить. Но не исключено, что выведу тебя на весьма смачное дело. Конечно, и другие потом о нем разнюхают, но тебе гарантирую право первой печати, будешь получать информацию раньше других газетенок!

— Престон, — заявил Штейнер, нахмурив брови, — если хочешь иметь со мной дело, то не забывай: моя газета называется «Мир», и я не позволю именовать ее газетенкой. Это тебе не бульварный листок желтой прессы! А теперь выкладывай, что именно тебя интересует?

— Доводилось ли тебе слышать о некоем Свенсоне? Гарри Свенсоне?

— Разумеется. Ну и что?

— Меня интересует преступление, которое было совершено вчера. Свели счета с неким Хадсоном.

— Убийство кухонным ножом? Это что, Свенсон его прикончил?

Я рассмеялся.

— Послушай, Чад, ты же прекрасно понимаешь, будь все так просто, меня бы здесь не было. Тебе известно, думаю, что сегодня утром еще одного прикончили. В том здании, где это произошло, я заметил двух твоих парней.

— Да, мы в курсе. Опять кухонный нож...

— Я считаю, что быстрее разберусь во всей этой истории, если побольше узнаю о Свенсоне.

— Понятно. Послушай, мне не хочется выглядеть в твоих глазах навязчивым, но все же скажи: тебе-то какое до этого дело?

По тону я понял, что Чад заинтересовался этой историей.

О Свенсоне мне мог бы дать исчерпывающие сведения любой городской журналист, но я доверял только Штейнеру. Вот почему сразу к нему и обратился. Собравшись с духом, рассказал ему некоторую часть того, что мне было известно. Не все, конечно. Кстати сказать, миссис Уайтон при этом не упоминалась. Чад внимательно выслушал меня, ни разу не перебив. Потом сказал:

— Вся эта история, конечно, заслуживает внимания, тут что-то есть сенсационное. Но скажи мне, пожалуйста, почему вдруг ты заинтересовался Свенсоном?

— На мой взгляд, тут разыгрывается какая-то комбинация. Мне кажется, Хадсон и Хартли поплатились жизнью отнюдь не по каким-то там личным мотивам. То есть тут причиной не ревность, ненависть или месть. Эти убийства совершены по корыстным соображениям, и единственный, кто может быть к этому причастен, так это Свенсон.

— Хорошо. Ты хочешь сказать, что сам Свенсон этим грязным делом лично не занимался, а лишь дергал за веревочки?

— Да, что-то вроде этого.

Чад закрыл глаза и призадумался.

— Что ж, допустимо. Насколько мне известно, Свенсон на такое способен. Пойдем-ка посмотрим архивы.

Мы вышли из кабинета редактора и спустились в подвал. Там на полках в идеальном порядке хранились папки с вырезками из газет за последние пятьдесят лет. Рядом стояли металлические шкафы, где в ящиках размещалась картотека со сложной системой шифров.

Чад порылся в картотеке, потом достал одну из папок. В ней было несколько газетных вырезок с пометкой: «Свенсон, Гарри». Чад начал просматривать их с конца.

— Это именно то, что я и думал! — сказал он, передавая мне вырезки.

Его внимание прежде всего привлекла вырезка пятилетней давности. Свенсон был замешан в истории, связанной со сводничеством. Имелось достаточно данных, чтобы привлечь его к суду, но в процессе расследования дело было закрыто. Не оказалось достаточного количества улик для организации судебного процесса. Я быстро перелистал все вырезки. Газетные заметки сообщали о деятельности Свенсона в сфере театрального искусства как импресарио, имелись фотографии, на которых он был изображен в компании с известными актрисами. Некоторые из актрис мне были знакомы.

— Нашел что-нибудь ценное для себя? — спросил Чад.

Я с обескураженным видом отрицательно покачал головой.

— Думаю, вряд ли. Предварительное расследование — это еще не обвинение. Он под судом не был.

Чад пожал плечами.

— Все так. Что-нибудь еще тебе показать?

— Нет, спасибо.

Поболтали еще несколько минут, потом я ушел. Чад Штейнер пользовался у меня большим доверием, но было бы слишком требовать от журналиста принять на веру то, что я ему сообщил, он должен был сам все проверить. А если бы мне пришлось в голову рассказать ему побольше, он тут же пустил бы по

следу двух-трех своих парней. А сейчас расследование находилось в таком состоянии, что любой ложный шаг мог бы все испортить.

По дороге я заглянул в бар к Сэму, съел бутерброд, запил его кружкой пива. В баре было прохладно и тихо. Я стал размышлять.

Миرون С. Хартли специализировался в организации конгрессов. Монктон-Сити — город, подходящий для такого рода деятельности, здесь ежегодно проходило не менее двухсот всякого рода конгрессов, съездов, коллоквиумов и конференций. Всем известно, как они обычно проводятся. Начинается с распространения программы конгресса и заседаний, а заканчивается речью президента. Но для большинства делегатов любой конгресс означает, кроме того, и нечто иное. А именно: неделю отдыха от дел и, в частности, от своих жен. А Хартли был приятелем Гарри Свенсона.

Тут я стал строить гипотезы, которые подкреплялись определенными фактами. Свенсон нанимал по контракту девушек, в частности, артисток мюзик-холла и для выступлений в ночных барах. Однако развлечения, предоставляемые мужчинам зрелого возраста и временно холостым, могут приобретать самые различные формы. Пять лет тому назад Свенсон оказался замешан в скандале в связи со сводничеством. Потом стал осторожней и основал театральное агентство, дабы придать своей деятельности законный характер. В целом, если ход моих рассуждений был правилен, Свенсон просто-напросто обеспечил себе хорошее прикрытие; он, конечно, поставлял distinguished господам конгрессменам шикарных девок из мюзик-холла и ночных кабаков.

Я не знал еще, замешан ли Свенсон в истории с убийствами, но дела это не меняло. Мне немного известна была манера Рурке вести допрос. Будь у Свенсона ума на пару центов, он бы немедленно собрал вещички и смылся.

Я быстро допил пиво и поехал к Свенсону. Его контора помещалась на Четвертой авеню. Все, что в моем родном городе имеет отношение к промышленности досуга и развлечений, размещается на этой улице. Здесь в различных более или менее приличных заведениях зарабатывают себе на кусок хлеба с маслом певички, танцовщицы, исполнительницы стриптиза, всякие фигурантки. Именно тут размещается и большинство театральных агентств. Контора Свенсона занимала второй этаж respectable коммерческого здания со сдающимися внаем помещениями. Я поднялся на лифте. В просторной приемной за столом восседала черноволосая красотка. Большинство кресел для ожидающих было уже занято, девицами, разумеется. Некоторые сидели сияющие, преисполненные надежд; другие — с терпеливым видом людей, привыкших к долгому ожиданию. Все с любопытством уставились на меня, но интерес сразу пропал, как только девушки убедились, что я человек посторонний.

Подойдя к черноволосой красавице, я сказал ей:

— Мне хотелось бы поговорить с мистером Свенсоном. Скажите: Престон спрашивает!

— Вам назначена встреча, мистер Престон? — осведомилась красотка, приняв сугубо официальный вид.

— Нет, но все равно доложите обо мне!

Она с извиняющимся видом улынулась и грациозным жестом показала на ожидающих девиц.

— Сожалею, — заявила секретарша, — но мистер Свенсон в данный момент ведет прием, и все эти девушки пришли раньше вас!

— Вам же сказано, милочка, доложите обо мне! И скажите, чтобы принял меня сейчас же. Впрочем, если хотите, я сам могу доложить о себе!

Тут я сделал вид, будто намереваюсь ворваться в святилище. Секретарша подскочила.

— Хорошо, — сказала она, покраснев от гнева. — Я доложу о вас шефу, но это ровно ничего не даст!

Окончание в следующем выпуске

Перевел с английского А. Краковский

**На I, IV страницах обложки рисунки Натальи МАРКОВОЙ
к фантастической повести «ДАЛЕКАЯ АТЛАНТИДА»**

**На II странице обложки рисунок Константина ПИЛИПЕНКО
к фантастическому рассказу «НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ»**

**На III странице обложки рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА
к роману «СЛАБЫЕ ЖЕНСКИЕ РУКИ»**

Под редакцией А. ПОЛЕЩУКА и В. РЫБИНА

Редактор выпуска Е. КУЗЬМИН

Художественный редактор В. КУХАРУК

Технический редактор О. БОЙКО

**Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5 а.
Тел. 285-80-10, 285-88-84**

**Сдано в набор 15.05.86. Подписано в печать 13.06.86. А08174.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ.
л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,56. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 280 000 экз.
Цена 60 коп. Заказ 121.**

© «Искатель», 1986 г.

**Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030, Москва, К-30,
Сушцевская, 21.**

ИСКАТЕЛЬ

Владимир ЩЕРБАКОВ

Юрий КИРИЛЛОВ

Виктор АДАМЕНКО

Галина ТАТАРИКОВА

Чарлз ВИЛЬЯМС

Цена 60 коп.

